

Валентин Пак

РАЗДОЛЬНОЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ
И ЛИЧНОСТИ

ЗЕМЛЯ ВОЛЬНОЙ НАДЕЖДЫ

Книга 5

Земля вольной надежды

Валентин Пак

**Раздольное: исторические
события и личности**

Издательство "Валентин"

2014

УДК 94(571.6)

ББК 63.3

Пак В.

Раздольное: исторические события и личности / В. Пак —
Издательство "Валентин", 2014 — (Земля вольной надежды)

ISBN 978-5-906288-05-9

Книга посвящена истории села Раздольное Приморского края. Исследования охватывают период с 1866 по 1945 гг. Читатель может ознакомиться с историей образования селения, развитием различных отраслей народного хозяйства, знаменательными событиями, произошедшими в этот период. Семь представителей дома Романовых посетили Южно-Уссурийский край и в частности с. Раздольное, в 1873-1916 гг. В селе Раздольное квартировал Приморский драгунский полк – одно из самых известных регулярных кавалерийских соединений русской армии на Дальнем Востоке. Известный промышленник М.И. Янковский поставлял сюда лошадей, выращенных на собственном конном заводе. Здесь прошла юность знаменитого маршала Буденного. В книге даны очерки о выдающихся личностях, прославивших село Раздольное. Используются материалы из: Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток), Государственного архива Приморского края (г. Владивосток), архива Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края (г. Владивосток).

УДК 94(571.6)

ББК 63.3

ISBN 978-5-906288-05-9

© Пак В., 2014

© Издательство "Валентин", 2014

Содержание

Здесь – раздолье	7
Земля и люди	24
С Царским именем на устах	29
Приморский драгунский полк	38
Командир полка Павел Воронов и его жена	48
Трудами военного инженера Вацлава Жигалковского	52
«Тенор» от коннозаводчика Михаила Янковского	57
Дальневосточная юность маршала Буденного	64
Герои Хасана служили в Раздольном	68
Заключение	74
Список использованной литературы	76
Приложения	78
Забывтые страницы истории	94

Валентин Пак
Раздольное: исторические события и личности. Земля вольной надежды. Книга 5

Руководитель проекта Юлия Пак

Здесь – раздолье

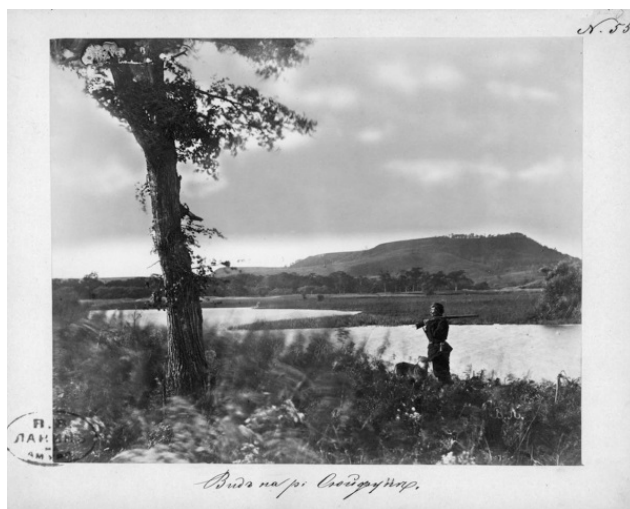
Современное Раздольное – поселок в Надеждинском районе Приморского края. Вместе с селами Нежино и Тереховка, поселками Оленевод, Алексеевка, Тимофеевка, Городечный, Горный, Тихий и некоторыми другими, включая железнодорожные станции (всего 13 населенных пунктов), образует Раздольненское сельское поселение.

Раздольное расположено на левом берегу реки Раздольной (ранее – Суйфун) примерно в 20 километрах от ее впадения в Амурский залив и вытянуто вдоль реки на 14 километров, что делает село самым протяженным в Приморье. Впрочем, вопреки распространенному заблуждению, ни в «Книге рекордов» России, ни даже в энциклопедическом издании «Все самое, самое, самое в Приморье» такого достижения не значится.

Через Раздольное проходит Транссибирская магистраль, на которой находится одноименная с поселком железнодорожная станция. Расстояние по автодороге до Владивостока составляет 58 км, до Уссурийска – 34 км. Население – 11 344 человека (2013).

Географическое наименование «Раздольная» часто встречается в различных регионах страны, знаменуя собой воспетые поэтами и художниками знаменитые российские просторы. Действительно, долина Раздольной – Суйфуна, широкая и плодородная, с причудливо извилистым руслом реки, почти идеально отвечает этому наименованию. И первые переселенцы, пришедшие сюда, наверное, и не могли как-то по-иному назвать новое место жительства. Именно с их появления отсчитывается год основания Раздольного – 1866-й.

Часто утверждается, что такое название дал новому поселению С.М. Духовской, Приамурский генерал-губернатор в 1893–1898 годах. Хотя никакими документальными сведениями это не подтверждено; более того, достоверно известно, что название «Раздольное» появилось как минимум за 25 лет до прибытия С.М. Духовского в край.

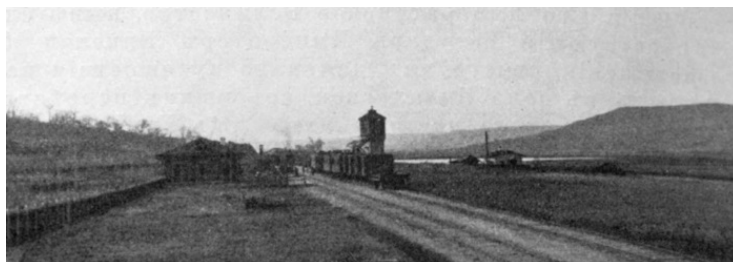

Тем не менее, вот что, например, писалось о Раздольном в «Путеводителе по железным дорогам Азиатской России» 1907 года издания: «По красоте местности оно оправдывает свое название, данное ему бывшим генерал-губернатором Духовским во время одного из объездов края... В двух верстах раскинулось по левому берегу реки Суйфун село Раздольное. Село довольно бойкое благодаря тому, что здесь были расположены казармы для стрелковой части и по соседству, в полутора верстах от села, казармы для драгунского Уссурийского полка. В селе находятся: пароходная пристань, так как Суйфун отсюда до впадения в море судоходен, несколько китайских торговых лавок и вполне приличный магазин фирмы Кунст и Альберс,

имеющий для своих покупателей даже гастрономические деликатесы и заграничные вина. Почтовая станция, почтово-телеграфная контора, церковь и школа...».

Для сравнения – описание Раздольного из аналогичного справочника 1900 года: «33) Ст. Раздольное. V кл. (66 вер.).

Близ станции село Раздольное (355 д. об. п. [душ обоего пола], 182 м., 173 ж.), расположенное на левом берегу р. Суйфуна, который отсюда судоходен до впадения своего в море. Это село основано в качестве военного поста в 1865 г., а затем к нему приселились крестьяне выходцы из разных губерний Европейской России. Церковь во имя Казанской Иконы Божией Матери, церковно-приходская школа. Занятие населения – земледелие.

Станция Раздольное

(Из книги «Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге... 1900 г.»)

В селе находятся казармы 1-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, квартира пристава, почтовая станция, пароходная пристань, почтово-телеграфное отделение, несколько торговых лавок. В окрестности расположены казармы драгунского Уссурийского полка. От этого села идет почтовая дорога к заливу Посыета» (Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. Издание Министерства путей сообщения под редакцией А.И. Дмитриева-Мамонтова и инженера А.Ф. Зярского. СПб., 190 °С. 525–526).

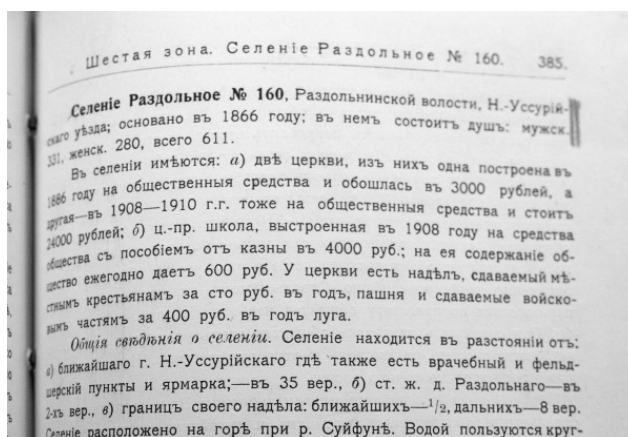
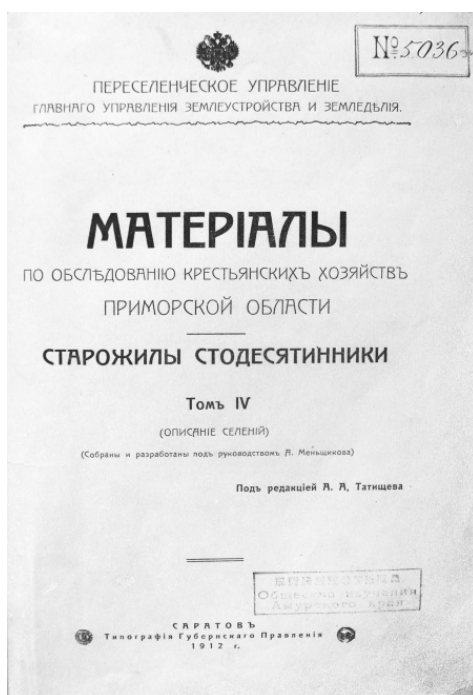

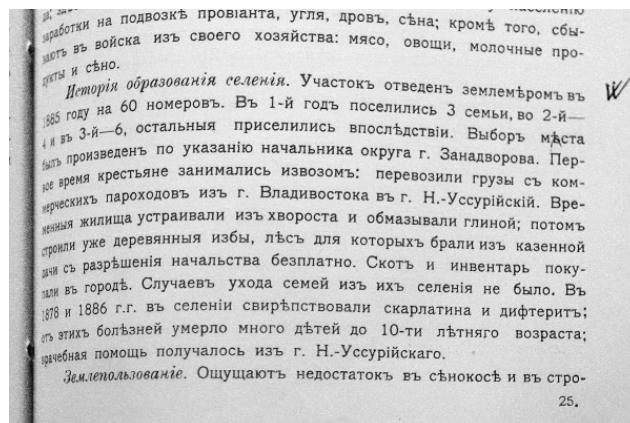
Вот так изменилась станция всего за семь лет... И село, конечно, тоже. Какие бы соображения ни обусловили на самом деле название селения, это определение как нельзя лучше подходило к его окрестностям. Раздолье – пожалуй, первое слово, которое приходит в голову при взгляде на долину этой реки. Чего-чего, а места здесь хватало.

В авторитетном справочном издании, на которое часто ссылаются исследователи, «Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы стодесятильники» – о Раздольном сказано следующее (сведения относятся к 1910 году).

«Селение Раздольное № 160, Раздольнинской волости, Н.-Уссурийского уезда; основано в 1866 году; в нем состоит душ: мужск. 331, женск. 280, всего 611.

В селении имеются: а) две церкви, из них одна построена в 1886 году на общественные средства и обошлась в 3000 рублей, а другая – в 1908–1910 г.г. тоже на общественные средства и стоит 24000 рублей; б) ц. – пр. школа, выстроенная в 1908 году на средства общества с пособием от казны в 4000 руб.; на ее содержание общество ежегодно дает 600 руб. У церкви есть надель, сдаваемый местным крестьянам за сто руб. в год, пашня и сдаваемые войсковым частям за 400 руб. в год луга.

Общие сведения о селении. Селение находится в расстоянии от: 1) ближайшего г. Н.-Уссурийского, где также есть врачебный и фельдшерский пункты и ярмарка – в 36 вер., б) ст. ж. д. Раздольного – в 2-х вер., в) границ своего надела: ближайших – $\frac{1}{2}$, дальних – 8 вер. Селение расположено на горе при р. Суйфуне. Водой пользуются круглый год, смотря по удобству и близости к каждому двору, из реки Суйфуна или из проточных ключей и колодцев. Сообщение с большей частью надела неудобное вследствие речек, р. Суйфуна, болот и протоков, прорезывающих надел. Через селение проходят: 1) Уссур. жел. дор., 2) две трактовые – из г. Н.-Уссурийского на Владивосток и от селения на Посыет и Новокиевск. Кроме того, через надел идут следующие проселочные дороги: в с.с. Городечню, Нежино и Алексеевку. Трактовые (почтовые) дороги выстроены на средства казны, а проселочные – общества; ремонтируются дороги на средства общества, и в настоящее время состояние дорог хорошее. Фабрик и рудников нет, а имеются два казенных кирпичных завода, здесь же, в селении, стоят войска, дающие местному населению заработки на подвозке провианта, угля, дров, сена; кроме того, сбывают в войска из своего хозяйства: мясо, овощи, молочные продукты и сено.

История образования селения. Участок отведен землемером в 1885 [видимо, ошибка в тексте: следует читать 1865. – *Ред*] году на 60 номеров. В 1-й год поселились 3 семьи, во 2-й – 4 и в 3-й – 6, остальные приселились впоследствии. Выбор места был произведен по указанию начальника округа г. Занаворова. Первое время крестьяне занимались извозом: перевозили грузы с коммерческих пароходов из г. Владивостока в г. Н.-Уссурийский. Временные жилища устраивали из хвороста и обмазывали глиной; потом строили уже деревянные избы, лес для которых брали из казенной дачи с разрешения начальства бесплатно. Скот и инвентарь покупали в городе. Случаев ухода семей из их селения не было. В 1878 и 1886 г.г. в селении свирепствовали скарлатина и дифтерит; от этих болезней умерло много детей до 10-ти летнего возраста; врачебная помощь получалась из г. Н.-Уссурийского.

Землепользование. Ощущают недостаток в сенокосе и в строевом лесе: последнего совсем в наделе не имеется. Из форм землепользования предпочитают общинную. Желали бы все удобные и пахотные земли и сенокос переделывать через каждые 5 лет, а неудобные под лесом и выгоном оставлять в общем пользовании.

Усадебные земли. Занимают усадьбы по указанию общества; средний размер усадеб – 1200 кв. саж; огородов почти нет, а средняя площадь, занимаемая постройками, – 510 кв. саж. Первые засельщики при образовании селения захватывали самовольно большие усадебные места, но в настоящее время распределение этих угодий между жителями более или менее равномерно. Отвод новых участков под усадьбы производится по приговору общества из запаса нарезки под усадьбы. При семейных разделах общество дает усадьбу в тех случаях, когда таковой не хватает у отца выделяемого. На огородах сеют исключительно только овощи.

Китайские и корейские пашни и аренды. В многолетнюю аренду отдельными домохозяевами корейцами и китайцами земля совсем не сдается, а практикуется лишь отдача пашни под посев хлеба из половины урожая. Эти случаи с 1905 года стали заметно уменьшаться.

Пахотные участки. В с. Раздольном позднейших переселенцев из Европейской России не было, а население, после прибытия первых 13 семей, образовалось выходцами из соседних селений: Городечни, Тереховки, Троицкого, Барабаша и других. Все эти выходцы наделялись землей по приговору общества, и никаких споров по сему поводу не возникало. Земли под пашни захватываются всякие, кроме сенокосной, которая переделяется ежегодно. Размер захвата определяется потребностью хозяйства и удобством охранения границ. Общество признает право захватчика на всю им захваченную и его трудами разделанную пашню. Размер пашни, могущей быть захваченной отдельным лицом, не ограничен.

Аренда. В 1910 году, в первый раз за все время существования селения, снимался обществом сенокос в 210 десятин, который разделили по 1 ½ десятины на бойца, т. е. мужскую душу от 16 до 20 лет; платежи разложили тоже на бойцов. Кроме того, отдельные домохозяева арендуют у казны сенокосы и пашни на один год; за хорошую пашню платят 5 руб., плохую – 3 руб., за новую землю – по 1 руб. за дес., за сенокос – от 1 до 8 руб. за десятину.

Земледелие. Система полеводства однопольная, при которой поле засеивается без отдыха много лет подряд; многие пашни засеивают, таким образом, 25 лет непрерывно. С течением времени замечается понижение урожаев. С 1905 года посевы значительно уменьшились по случаю бесперывных наводнений. Семена для посева очищают, а также сеют покупными.

Сенокосы переделяются ежегодно на бойца. Сенокосения на залежах не производится. Качество луговых сенокосов улучшается, а на увалах и горах ухудшается.

Огородничество и садоводство. Излишки урожая овощей сбывают стоящим здесь войскам. Размеры посевов овощей одинаковы, не увеличиваются и не уменьшаются. Из садовых растений разводят сливы, груши, райские яблоки, малину, смородину черную, крыжовник, клубнику и землянику. Продукты садоводства сбывают здесь же на рынке или в городе по ценам: слива – 2 руб., смородина, малина и крыжовник – по 4 руб. за пуд.

Выгоны. Специально отведенной площади под выгоны нет, а скот пасется по местам, покрытым кустарником: ближайшее расстояние выгона от селения – 2 вер., дальнее – 8 в. Пастуху платит не общество, а каждый домохозяин по 1 р. 20 коп. с головы всякого возраста и вида скота.

Лес. В наделе имеется 50 дес. дровяного леса, годного только на топливо. Лесом пользуются бесплатно и без всякого разрешения, по мере надобности. Лес никем не охраняется, и рубка не ограничена.

Скотоводство. Скот на пастьбу ходит в 2 стадах: а) дойные коровы и бугаи от 3 до 10 летнего возраста – около 200 голов, б) телки и бычки от 1-го до 3-х лет – около 100 голов. Весь скот ходит за пастухами. Обычное время начала пастьбы скота – 23-го апреля, конец – 22-го октября. Жеребчики с кобылами и бугаи с телками пасутся вместе. При пастьбе скота много неудобств причиняют: 1) частые наводнения, 2) учебная стрельба войсковых частей и 3) железнодорожный путь, который проходит через середину надельных угодий. Самое дальнее расстояние, на какое приходится гонять пасти коров от села, – 4 вер. В начале пастьбы скот весь подкармливается, а лошади во время полевых работ кормятся, кроме травы, еще овсом. Телята сосут матерей, так как все коровы доятся с телками. Зимой держат телят и свиней в закрытых помещениях, а лошадей, коров, быков и гулевой скот – в открытых; у некоторых же домохозяев имеются закрытые помещения для всех домашних животных. Молодые лошади поступают в работу с 4-х летнего возраста. В стаде ходит 5 бугаев, принадлежащих отдельным домохозяевам. В случае заболеваний животных обращаются за помощью к ветеринарному врачу, живущему здесь же в с. Раздольном.

Пчеловодство. Первый улей куплен в 1902 году в г. Н.-Уссурийском. Пчеловодство постепенно увеличивается. Время с 1905 по 1910 г.г. включительно было неблагоприятно для пчел, вследствие наводнений и частых дождей. Продукты пчеловодства продают в своем селе на базаре и в городе: мед сотовый по 6 руб., а топленый по 5 руб. за пуд.

Рыбный промысел. Рыбу ловят только в своем наделе, причем год от году добыча рыбы уменьшается. Наибольший улов был в 1900 и 1901 г.г.; ловятся: кета, сазан, щука, карась, сом, беленгас и красноперка. С 1901-го года улов рыбы заметно уменьшается ежегодно. Карасей, сазанов, щук, сомов и красноперку, главным образом, ловят с 6-го мая до 1-го июня; ход кеты бывает с 15-го августа по 15-е октября, а беленгас ловится с 15-го октября по 1-е ноября. Карася, щуку и сома ловят «вентиллями», связанными из неводного матауза бочкообразной формы, опускаемого в воду на крепких бичевках, концы которых прикрепляются к кольям на берегу. Кету, красноперку, сазана и белингаса ловят неводами. Вследствие очень небольшого улова в последние годы, рыба и икра почти не продаются. Редкий хороший улов сбывается на местном рынке по следующим ценам: сазан за пуд – 3 руб. 50 коп., кета за 100 штук – 25–35 руб., щука за 1 пуд – 3 рубля, карась за пуд – 1 р. 50 копеек».

(Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы столетия. Том 4 (Описание селений). Собраны и разработаны под руководством А. Меньщикова). Под редакцией А.А. Татищева. Саратов: Типография Губернского Правления, 1912. С. 385–388).

Отмечая точность и компетентность этого издания в целом, заметим серьезную ошибку (опечатку) в дате отведения участков под будущее Раздольное. Кроме того, иногда высказываются иные соображения относительно года рождения этого селения – официально 1866-го. По мнению некоторых краеведов, такой датой могло бы стать основание близ этого места военного поста или почтовой станции. Например, в уже процитированном «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге» 1900 года издания прямо сказано: «Это село основано в качестве военного поста в 1865 г., а затем к нему приселились крестьяне выходцы из разных губерний Европейской России». В книге Л.В. Александровской, посвященной первым годам жизни Владивостока, также указано: «Летом [1865 года. – *Ред*] в Южно-Уссурийский край перевели линейный батальон № 3, штаб которого расположился в Камень-Рыболове, а три роты направили во Владивосток и Раздольное» (Александровская Л.В. Владивосток: начало биографии. Официальный и неофициальный взгляд. Владивосток, 2010. С. 41).

Впрочем, пока не имеется достоверных документальных данных, опираясь на которые можно было бы пересмотреть столь значимую дату. Строго определенная, картографически выверенная дислокация первоначальных военных постов неизвестна; вполне возможно, что они располагались несколько в ином месте, чем впоследствии – населенные пункты. По крайней мере, требует уточнения такое утверждение из компетентной работы А. Сильниченко «Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край»: «...В 1860 году передвинуты из Хабаровска 2 роты 3-го линейного батальона, которые были расположены: одна в Раздольном, другая в Посъете» (с. 4–5 указанной работы).

Те же соображения касаются и государственной почтовой службы: поскольку ее становление шло на протяжении достаточно продолжительного отрезка времени, установить точные годы основания станций (станков) в районе современных населенных пунктов не представляется возможным. Например, по картам разных лет видно, что как минимум одна почтовая станция – Тигровая – находилась между Надеждинским и Раздольным, ближе к первому селению. А из приведенной в приложении газетной статьи понятно, что, например, в 1883 году почтовая станция Раздольное находилась в 5 верстах от одноименной пароходной пристани... Так что к настоящему времени годом рождения селения Раздольного, подтвержденным документами, является 1866-й.

Не подвергалась эта дата сомнению и в последующий период: «По сообщению уссурийского старожила протоиерея о. Павла Мичурина, история с. Раздольного начинается с 1866 года, когда здесь в сплошной тайге был образован для сопровождения почты (между Владивостоком и с. Никольским) военный пост из 15–20 оставленных матросов-инвалидов...» (газета «Владивостокские епархиальные ведомости», № 17 от 1 сентября 1908 г.).

Буквально через год после основания поста тут побывал военный разведчик и путешественник Н.М. Пржевальский, оставивший нам важные свидетельства очевидца. В своей известной книге («Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг.») он пишет: «В самой южной части степной полосы расположены еще две наши деревни – Никольская и Суйфунская (Раздольное)... Суйфунская (Раздольное) поселение весьма небольшое и состоит всего из 5 дворов, между тем как в Никольском считается 47 дворов и в обеих деревнях 313 душ обоего пола. Как Никольская, так и Суйфунская (Раздольное) основаны в 1866 г., одновременно с селением Астраханским и выходцами из тех же самых губерний, т. е. Астраханской и Воронежской. Но здешним крестьянам с первого раза не повезло, и в мае 1868 г. обе деревни были сожжены партией китайских разбойников (хунхузов), ворвавшихся в наши пределы».

В конце книги он указывает в примечании к тексту: «Хотя деревня Никольская и Суйфунское поселение еще не успели как следует обстроиться после недавнего погрома от хунхузов, но благодаря превосходной местности, на которой они расположены, крестьяне уже достаточно поправились в своих материальных средствах и живут довольно хорошо». Приводя сведения за 1869 год, Н.М. Пржевальский сообщает такие цифры по Суйфунской-Раздольному: дворов – 5, мужчин – 15, женщин – 9, обработанной земли – 15 десятин, лошадей – 4, свиней – 9, рогатого скота – 38 (больше, чем жителей в селении).

Любопытны и впечатления Н.М. Пржевальского, касающиеся повадок тигров – самых опасных хищников здешних мест: «... Зимой 1868-69 г. тигр пришел ночью в пост Раздольный на р. Суйфуне и, видя, что конюшня, в которой помещались лошади, плотно заперта, недолго думая, вскочил на крышу, откуда через небольшое отверстие забрался к лошадям и тотчас же задавил двух. Остальные лошади, перепугавшись неожиданного гостя, подняли страшный шум, так что солдаты, спавшие в соседней казарме, догадавшись, в чем дело, прибежали на помощь».

Услышав голоса людей, тигр выскочил через то же самое отверстие в крыше и исчез в темноте, так что вошедшие с огнем солдаты нашли в конюшне только двух мертвых лошадей, валявшихся на земле.

В это самое время раздается новый гвалт в свинарнике, и прежде чем туда прибежали солдаты, этот же самый тигр успел задавить трех свиней и уйти совершенно благополучно.

Ободренный такими удачными подвигами, тигр приходил сюда еще несколько раз ночью и таскал собак, но наконец был подкараулен охотниками и убит.

Однажды днем он посетил соседнюю телеграфную станцию, где в это время находился только один сторож. Последний, сидя в избе, вдруг заметил, что кто-то подошел к окну, и взглянув в него, увидел тигра, который спокойно лизал сосульки, намерзшие на стекле. Перепугавшись до смерти, солдат спрятался в печку и ждал, что будет далее. Тигр же забрался во двор, задавил находившуюся там лошадь, наелся мяса и преспокойно удалился в лес.

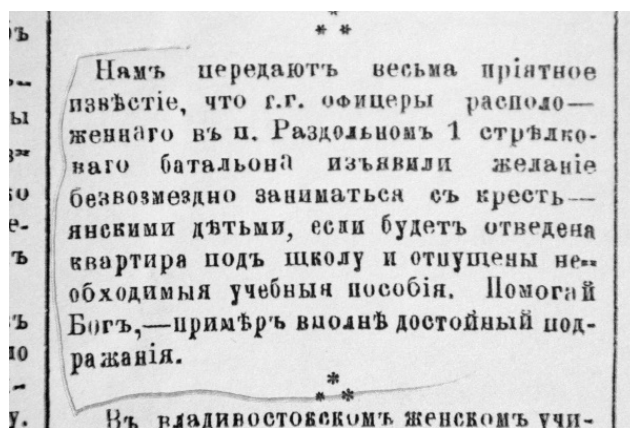
После ухода зверя солдат вылез из печки, и когда вечером возвратился его товарищ, ходивший на охоту, то рассказал ему обо всем происшествии и о постигшем их несчастье.

Посоветовавшись между собою, оба солдата решили караулить тигра, который имеет обыкновение, в особенности зимой, возвращаться к оставленной и несведенной добыче. Действительно, ночью зверь пришел, перескочил опять во двор и принялся доедать лошадь. Тогда оба солдата, караулившие в избе, приотворив немного дверь, выстрелили, но мимо. Тигр отскочил в сторону, но, видя, что все благополучно, стал опять продолжать свой ужин. Солдаты

опять выстрелили, но опять дали промах, а тигр по-прежнему, отскочив на несколько минут в сторону, снова принялся за лошадь.

*Казаки в Уссурийском крае
(Из книги «Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток... 1897 г.»)*

Таким способом солдаты сделали семь выстрелов, но тигр все-таки не уходил, и только восьмая пуля, угодив прямо в позвоночный столб, убила зверя наповал» (Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. СПб., 1870).

Вот таким образом, среди тайги, в окружении тигров, жили в Раздольном первые военные люди. Позже сюда стали прибывать гражданские переселенцы, и уже в 1870 году население Раздольного состояло из 52 мужчин и 28 женщин. Суйфунская долина шириной от 4 до 8 верст располагала плодородными землями, лугами, обилием водных притоков, а на сопках – лесными массивами. В тайге было много грибов, ягод, орехов, имелся дикий виноград, актинидия, лимонник.

Главный недостаток: во время обильных дождей Суйфун сильно разливался, и порой вся долина, от сопки до сопки, покрывалась водой. Особенно сильные наводнения были отмечены в 1877, 1879, 1890, 1895, 1896, 1914, 1938, 1943, 1946, 1951, 1954, 1956, 1965 годах. В 1914 году Суйфун прорвался в карьер, где брали песок и глину для производства кирпича, и в результате образовалась глубокая протока под названием Смиренка. Ширина ее 50–70 метров, течение такое же, как и в Суйфуне, длина более 10 километров; в районе села Кипарисово она снова соединяется с рекой Суйфун.

Небольшие заметки о Раздольном иногда появлялись в первой местной газете «Владивосток»; вот любопытные сообщения из газеты 1886 года.

«Нам передают весьма приятное известие, что г. г. офицеры расположенного в п. Раздольном 1 стрелкового батальона изъявили желание безвозмездно заниматься с крестьянскими детьми, если будет отведена квартира под школу и отпущены необходимые учебные пособия. Помогай Бог – пример, вполне достойный подражания» (газета «Владивосток» № 36 от 7 сентября 1886 г. С. 6).

Довольно необычная публикация увидела свет в конце того же года:

«Раздольное 1 декабря. У нас появился свой собственный Робинзон. Месяцев около трех назад на р. Сандагоу, притоке Суйфуна, в дер. Нежино прибыл молодой человек (если так можно назвать 14-ти летнего мальчика) В. Не так давно отец этого мальчика, г. В., имел заимку около самой деревни Нежино. По некоторым обстоятельствам г. В оставил свою заимку и переехал на жительство в Владивосток, где, кажется, поступил на службу. Четырнадцатилетнему В. городская жизнь не понравилась, и вот он уходит из дома родителей, взяв с собою только одно оружие – большой нож. С этим оружием отправляется Робинзон В. на место прежней заимки своего отца и начинает скитальческую жизнь по окрестным лесам, не боясь ни медведей, ни тигров, которых немало. Чем питается Робинзон В., известно одному Богу; но иногда он приходит или в деревню Нежино, или на соседнюю почтовую станцию, там поест и снова уходит в лес.

Около месяца тому назад г. В. прислал китайца за оставшимся в Нежине скотом. Китайцу этому была вручена записка к Нежинскому старосте, чтобы передал Робинзона В. китайцу или же доставил бы во Владивосток. Но, видно, скитание по лесам развивает самостоятельность и самостоятельность. Придя в Нежино и узнав, что отец прислал китайца за скотом, Робинзон спросил, нет ли письма и, когда получил ответ, что письмо имеется, то, прочтя, разорвал его, а сам ушел снова в лес. М.» (газета «Владивосток» № 50 от 14 декабря 1886 г. С. 5).

Конечно, теперь Нежино довольно сложно географически отнести к Раздольному, но тогда Раздольное (или Роздольное, как иногда писали) было неформальным – а позже и вполне официальным – центром всей окружающей местности, вплоть до территорий нынешнего Хасанского района. Из помещенного в приложении обзора Раздольнинской волости 1907 года это несложно понять.

Еще одна публикация «Владивостока» № 28 от 12 июля 1887 г., с. 4: «Один из проезжающих нам передает, что близ п. Раздольного довольно успешно обстраиваются новоселы. Постройки бревенчатые производятся на взгорье, в 1 версте от реки, и представляются в виде больших 2-оконных ульев [так в тексте. – *Ред.*]. По-видимому, новоселы не бедствуют: у гнавшего стадо пастуха очевидец насчитал до 30 голов крупного рогатого скота, да у построек десятка два телят; те и другие куплены у манз. Сенокосы в самой поре и ждут косцов, яровые в силе. Местность живописная».

Через год та же газета сообщала дополнительные подробности о жизни селения: «ВНУТРЕННИЕ ИЗВЕСТИЯ. Раздольное (Корресп. «Владивост.»).

Читая в поел. № «Влад.» постановление думы о постройке церкви на кладбище, нельзя не признать его основательным. Желательнее, чтобы, где есть церковь, епархиальное начальство озаботилось назначением священника; например, у нас в Раздольном, имея храм Божий, мы очень редко слушаем богослужение. А как это важно для обуздания нравов, в особенности раздольненцев.

Река Суйфун делает свое дело: рвет берега; где три года тому назад был перешеек, шириною в 24 шага, уже в минувшем году прорван, а ныне протока ещё уширилась и берег к продовольственным магазинам значительно обрушивается. Погода стоит по утрам холодная, дуют сильные ветра, палы кругом» (газета «Владивосток» № 18 от 1 мая 1888 г. С. 5).

Одна из основных особенностей селения Раздольное в первые годы его существования – важный перевалочный пункт на пути миграции переселенцев. Река Суйфун являлась удачным водным путем сообщения между Владивостоком и крупным селом Никольским (теперь город Уссурийск). Массовое переселение русских и украинских крестьян морем началось с 1883 года, когда были организованы их перевозки в Южно-Уссурийский край из Европейской России морем – рейсами пароходов Добровольного флота из Одессы. Как известно, партии переселенцев после прибытия во Владивосток должны были следовать вглубь края. При этом не только заселялась долина реки Раздольной: вновь прибывающие ехали далее, в другие районы Приморья, используя сухопутный способ передвижения. Отрывочные сведения об этом можно встретить в местной печати: «Мы слышали, что передвижение переселенцев из Владивостока в Южно-Уссурийский край началось при помощи подвод из селений Суйфунского участка, на которых они будут доставлены от Раздольного к местам поселений. Как говорят, часть поселенцев займут бывшие казачьи поселки: Фадеевку и Барановку, и бывшее молоканское селение Жариковский выселок, где имеются готовые дома» (газета «Владивосток» № 22 от 11 сентября 1883 г. С. 3).

Особенно сложной была такая дорога зимой; впрочем, в это время года переселенцев уже не было, а прочий люд старался отправляться в путь только в случае особой нужды. Но после вскрытия льда в Амурском заливе и ледохода на реке десятки плавсредств начинали заниматься перевозками по Суйфуну, связывая селения между собой, а также доставляя переселенцев и грузы из Владивостока до Раздольного или Никольска. Фактически эта река являлась главной транспортной артерией для всего Южно-Уссурийского края, составляя вместе с Ханкой, Сунгачой и Уссури общую водную магистраль. Разумеется, такой путь был короче сухопутного, к тому же дороги в первые годы освоения края были крайне некачественными. Вот типичное газетное сообщение на эту тему: «Сколько писали про «широкую» дорогу от Раздольного до Владивостока, а что же? Почтосодержатели станции Раздольной и Тигровой подали заявление начальнику почтово-телеграфной конторы в Раздольное, что с 8-й версты к Тигровой дорога очень плоха. Что же касается мостов, то их переезжать даже опасно и ямщики с боязнью ездят по ним. Кто обратит на это внимание? Почтово-телеграф. ведомство заявляет, что исправность дорог и мостов в ведении местной полиции, последняя от «широкой» дороги отказывается, заявляя, что она инженерного ведомства» (газета «Владивосток» № 18 от 1 мая 1888 г. С. 5). Более подробные впечатления очевидца от одной из таких поездок от Владивостока до Раздольного приводятся в приложении к тексту книги.

Начиная с середины 1860-х годов по реке Суйфун осуществлялось достаточно регулярное плавание русских небольших судов с пассажирами, почтой и грузами на борту, построенных во Владивостоке на первых частных верфях. «В 1865 году во Владивостоке, для Сибирской флотилии, построен первый паровой бот «Суйфун», долгое время поддерживавший летнее сообщение между Владивостоком и Речным (у устья р. Суйфун), а затем между Речным и Раздольным по р. Суйфуну» (Богданов Д. Путеводитель по Владивостоку и Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1909. С. 4).

Ходили по Амурскому заливу до устья Суйфуна и другие русские суда (небольшие пароходы «Амур», «Полюза» и «Кит»), а по реке – джонки китайцев-манз и принадлежащие им же «шампуньки» – небольшие парусные лодки. У острова Речного происходила перевалка грузов и пассажиров с самих пароходов и буксируемых ими шаланд на речное плавсредство.

Считается, что регулярное транспортно-грузовое сообщение по Суйфуну впервые организовал владивостокский купец М.К. Федоров. В 1875 году он выстроил на берегу Суйфуна лесопильный завод; в устье реки М.К. Федоров стал разрабатывать угольные копи и даже поставлял уголь на корабли Сибирской флотилии; кроме того, там же, в устье, он завел заимку.

Дошел вопрос и до собственного транспорта: М.К. Федоровым был приобретен речной колесно-парусный пароход «Пионер», долгое время бывший лучшим и самым известным плавсредством на Суйфуне. Мелкосидящее судно грузоподъемностью всего около 22 тонн, способное буксировать за собой грузовые баржи, стало здесь главным транспортным средством. М.К. Федоров дополнительно к пароходу приобрел четыре баржи на 5500 пудов груза, а впоследствии арендовал еще восемь барж общей грузоподъемностью 5000 пудов. В Раздольном «Пионер» становился к пристани, и грузы перегружались в его собственный береговой пакгауз. К слову в районе Раздольного было две пристани, ближняя и дальняя, до которых пароход доходил в зависимости от уровня воды в реке; в отдельные годы «Пионер» добирался даже до Никольска.

Вот типичное объявление из газеты «Владивосток» от 19 апреля 1887 года: «СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОК. Пароходное сообщение между Владивостоком и устьем реки Суйфун началось со вторника, 14 апреля, и будет производиться пароходом «Амур» два раза в неделю: по вторникам и пятницам, с заходом раз в неделю по пятницам, при возвращении с Речного, к устью р. Мангугай. Из Владивостока пароход выходит в 6 часов утра».

А в апреле 1888 года в газете «Владивосток» давалось такое обширное объявление:

«Пароход «Пионер» будет совершать рейсы, в продолжение настоящего лета, по реке Суйфун, от Раздольного до Речного и обратно, два раза в неделю: по вторникам и пятницам. Плата за проезд прошлого дня, т. е. в один конец 3 руб. с пассажира, едущего в каюте, и 1 руб. с едущего на палубе; с пуда груза на баржах по 10 коп., на пароходе же 20 коп; при этом громоздкий груз, как-то: экипажи, фортепиано и проч., перевозится только на баржах, за те же 10 коп., но по обмеру, принимая 40 куб. фут за тонну, или же по обоюдному соглашению. За число мест, принятых на мои баржи, я отвечаю только в таком случае, если будет, при погрузке товаров, предъявлена мне общая накладная с подробным указанием каждого места, его веса, марок на нем и стоимость его; и если мною будет выдана квитанция. Владивостокские торговые дома и фирмы, отправляя грузы, уплачивают фрахт по примеру прошлого года; иногородние же отправители уплачивают таковые деньги немедленно по сдаче грузов на баржи, без чего сии последние не будут отправлены и задержавший, т. е. не уплативший фрахтовых денег, как выше сказано, уплачивает за каждую задержанную баржу по 8 руб. в сутки. Грузы, по доставке

в Раздольное, находятся на баржах 24 часа, затем, если не явится приемщик, то таковые грузы выгружаются в мой пакгауз и хранятся там; за хранение взимается от одного дня до одного месяца 3 коп. с пуда, а за выгрузку с баржи и нагрузку в пакгауз 1 коп. с пуда. При этом не принимаю на себя ответственности, если утрата груза произойдет от воли Божией, т. е. от шторма на море, причинившего аварию моим судам, или от пожара в пакгаузе и наводнения р. Суйфун, – так как грузов я на страх не беру, а получаю плату только за перевозку их и для найма караульного и рабочих для выгрузки.

Пароходовладелец ФЕДОРОВ» (газета «Владивосток» № 15, 10 апреля 1888 г. С. 8).

В 1885 году на острове Речном был поставлен Суйфунский маяк, имевший белый проблесковый огонь с дальностью видимости 12,5 миль. Маяк работал и зимой, так как движение по льду вблизи устья Суйфуна было интенсивным. Позже на маяке появилась спасательная станция круглогодичного действия, на которой были даже сани-лодка – универсальное транспортное средство.

Как сообщала газета «Владивосток» 9 июня 1889 года, российское правительство по представлению Приамурского генерал-губернатора с этого года начало ежегодно выплачивать М.К. Федорову «в пособие за содержание срочных пароходных рейсов по реке Суйфун – 6000 рублей». Таким образом, регулярные рейсы «Пионера» по реке до Раздольной были поддержаны государством.

Кроме того, в конце 1880-х годов частное пароходство владивостокского купца М.Г. Шевелева заменило старый «Амур», купив в Англии винтовой пароход «Новик». Длина его была 45 метров, ширина – 6,6 метра, максимальная осадка -10,5 футов (около трех метров); пароход имел два трюма на 310 тонн груза и развивал скорость до 13 узлов. С 25 апреля 1889

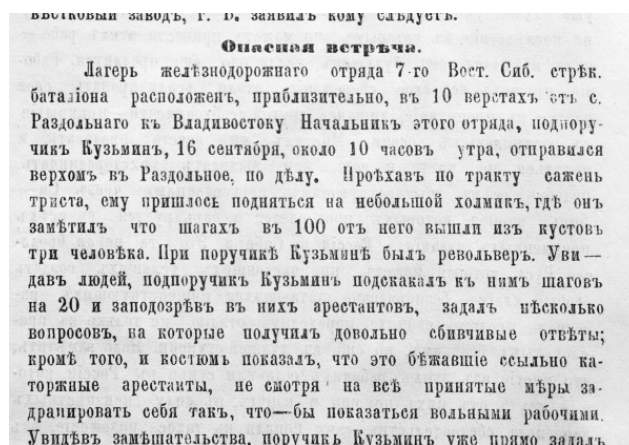
года «Новик» начал регулярную навигацию по заливу Петра Великого. По вторникам и пятницам он совершал рейс к устью Суйфуна, к острову Речному, где его ожидал для перегруза пароход «Пионер».

Когда в 1891 году началось строительство железной дороги от Владивостока, пароход «Пионер» перевозил стройматериалы, рельсы, тяжеловесные и крупногабаритные грузы на баржах до села Раздольного. С окончанием в 1893 году первого участка дороги до Никольска и началом движения по этому пути грузовых и пассажирских поездов все меньше перевозок доставалось «Пионеру». Тем не менее и в навигацию 1894 года он продолжал работать по обычному расписанию, и только 19 мая 1895 года рейсы по Суйфуну окончательно прекратились.

К слову, с началом строительства железной дороги возросло и количество работающих на ней каторжников, что повысило уровень преступности – бегущие с принудительных работ заключенные нередко нападали на местных жителей. Приведем один пример, характеризующий обстановку в районе Раздольного в 1890-х годах. Об этом случае рассказала газета «Владивосток» в № 39 от 29 сентября 1891 года.

«Опасная встреча.

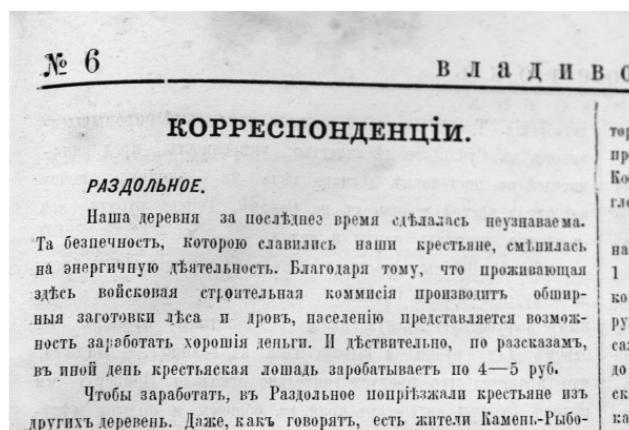
Лагерь железнодорожного отряда 7-го Воет. Сиб. стрелк. батальона расположен, приблизительно, в 10 верстах от с. Раздольного к Владивостоку. Начальник этого отряда, подпоручик Кузьмин, 16 сентября, около 10 часов утра, отправился верхом в Раздольное, по делу. Проехав по тракту сажень триста, ему пришлось подняться на небольшой холмик, где он заметил, что шагах в 100 от него вышли из кустов три человека. При подпоручике Кузьмине был револьвер. Увидав людей, подпоручик Кузьмин подскакал к ним шагов на 20 и, заподозрив в них арестантов, задал несколько вопросов, на которые получил довольно сбивчивые ответы; кроме того, и костюм показал, что это бежавшие ссыльно-каторжные арестанты, несмотря на все принятые меры задрапировать себя так, чтобы показаться вольными рабочими. Увидев замешательство, поручик Кузьмин уже прямо задал вопрос: когда они бежали с работ от г. Каморского, на что те ответили: «Простите, ваше благородие, явите Божескую милость – отпустите или убейте сейчас!». Разумеется, ни та, ни другая просьба уважена не была, а напротив – было строго приказано им следовать впереди поручика Кузьмина, в таком порядке: первый в 10 шагах, второй впереди первого в 5 шагах и третий впереди второго также в 5 шагах, причем им было безусловно воспрещено разговаривать, а если кто из них ослушается приказания или вздумают бежать, – то будут убиты. Арестанты исполнили энергичное требование и пошли, но один из них начал молить уж очень о том, чтобы его отпустил «его благородие» и вместе с тем начал незаметно приближаться. Это было вовремя замечено, приказано молчать и идти как указано, а иначе если сделает еще шаг с целью приблизиться, то этим принудит за ослушание его застрелить. Видя, что маневр их не удался, арестанты стали все просить отпустить их или застрелить, но только их не отправлять работать, где, по их уверению, обращаются с ними дурно, пища скверная, а работы пропасть. Но на эти просьбы не было обращено никакого внимания и они стали после этого советоваться на татарском языке (двое из них стали татары), несмотря на то, что рисковали, за ослушание, быть убитыми.

Таким образом, подпоручик Кузьмин вел их около 2 в., усовещивая и давая отеческие наставления, держа во всяком случае револьвер все время в руке. Наконец, около 2 верст, от места поимки, он встретил несколько манз, которым приказал вернуться, и предварительно расставив арестанта от арестанта на расстоянии 15 шагов, приказал манзам их связать; затем, под конвоем, перевязанных привел в Раздольно ей сдал на гауптвахту 1-го батальона. Арестанты были в шинелях, наброшенных на себя; один был в белой фуражке, другой без фуражки, а третий в серой шапке, они имели в котомках какие-то вещи и чайник. Бежали они 11 числа – шли лесом. Когда их вели в Раздольное, то по временам они разговаривали по-арестантски, т. е.: «Где были, там теперь нет, что видели – забыли; что делали – не помним» и т. д.»

Разумеется, мешали жить первым русским людям и хунхузы – банды китайских разбойников. Напомню, что, просуществовав всего пару первых лет, Раздольное было полностью разорено бандитами в начальный период действий так называемой «манзовской войны», в мае 1868 года. Но поскольку в последующие годы это селение располагало крупным военным гарнизоном, таких случаев здесь было все же заметно меньше, чем в остальных районах Южно-Уссурийского края.

В конце XIX века деловая активность в Южно-Уссурийском крае получила новый стимул, главным образом вследствие появления железной дороги. Этим изменениям посвящена отдельная работа 1901 года издания (Сильницкий А. «Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край»), в которой тщательно проанализированы все изменения, произошедшие в крае после постройки Уссурийской ветви Транссиба.

Коснулась эта тенденция и Раздольного. Так, газета «Владивосток» (№ 6 от 9 февраля 1897 г., с. 7) писала: «РАЗДОЛВНОЕ. Наша деревня за последнее время сделалась неузнава-

ема. Та беспечность, которую славились наши крестьяне, сменилась на энергичную деятельность. Благодаря тому, что проживающая здесь войсковая строительная комиссия производит обширные заготовки леса и дров, населению представляется возможность заработать хорошие деньги. И действительно, по рассказам, в иной день крестьянская лошадь зарабатывает по 4–5 руб.

Чтобы заработать, в Раздольное поприезжали крестьяне из других деревень. Даже, как говорят, есть жители Камень-Рыболова, отстоящего от Раздольного на 140 верст.

Крестьяне так рады случаю заработать, что откладывают свои домашние дела, как, например, свадьбы, до более свободного времени и хотят их сделать после Пасхи. Даже работа отбила страсть к гуляньям, которую славились наши крестьяне не в пример другим.

Посторонние лица, приезжавшие в деревню для того, чтобы нанять здесь лошадей для своих лесных работ, никак не могли этого сделать, так как крестьяне находят более выгодным работать на строительную комиссию.

Нынче летом предполагается здесь постройка больших казарм для имеющих прибыть частей войск».

Как уже отмечалось, тайга близ Раздольного во времена первых поселенцев отличалась богатством и леса (который позже был в основном вырублен или выгорел), и зверя (в том числе самых опасных местных хищников – тигров). На происшествии с тиграми мы еще остановимся; пока приведем один инцидент, описанный в журнале «Известия Императорского Русского географического общества» в 1875 году.

«Расскажу... случай с купцом Переваловым, страстным охотником, происшедший в 50 верстах от поста Раздольного. Передаю рассказ Перевалова так, как мне пришлось слышать лично от него во время моего короткого пребывания в посту Раздольном. Отправясь вдвоем с товарищем на охоту, вдруг на обширном безлесном пространстве они увидели тигра. Перевалов выстрелил, но пуля не произвела ожидаемого действия, хотя и попала в тигра, который в один прыжок очутился около Перевалова; другой же охотник вместо того, чтобы защитить, бежал, оставив на произвол судьбы своего товарища.

«Обладая огромною физической силою, – говорит купец Перевалов, – я стал бороться с тигром. Тигр уцепился за меня когтями, а я за дерево, когда-то срубленное и оставленное по негодности без внимания; борьба продолжалась несколько минут, которые мне показались веком; тогда тигр, расвирепев, впился в мою голову клыками; на несколько времени я потерял сознание, когда же пришел в себя, то тигра уже не было, я же с головы до ног был окровавлен, чувствовал изнеможение, жар и сильную горечь во рту. Не теряя присутствия духа, я пустился бежать, насколько мог, к лошади, которую оставил за две версты, селна нее и таким образом еле добрался до своей квартиры в посту Раздольном». Перевалов находился в таком безнадежном положении, что ни он, ни окружающие не надеялись на его выздоровление, однако через три месяца выздоровел и слабый, едва переступая, не раз с ружьем в руках бродил по Раздольному, тщетно ища своего врага. До этого несчастного приключения ему удалось убить двух тигров и одного медведя».

Что касается лесозаготовок, то они вблизи Раздольного велись весьма интенсивно, причем лес шел не только на строительство местных поселений, на отопление, на военные цели (а позже и на нужды железной дороги – ведь паровозы требовали дров), но и сплавлялся во Владивосток по Суйфуну, о чем подробнее будет написано ниже. Пока в качестве иллюстрации приведем лишь одно объявление из газеты «Владивосток» от 21 марта 1899 года: «Управление Уссурийской казенной железной дороги назначает в пятницу 2 апреля сего года в Общем Присутствии его письменную и устную конкуренцию на сплав в навигацию сего года из Раздольненской железнодорожной лесной дачи по речке Перевозной, к железнодорожному мосту на оной, а затем доставку к линии дороги 2188 кубических сажен 12-ти вершковых дров смешанных пород, достаточно просохших, вырубки зимою 1897-8 годов.

Дрова эти находятся в пределах Раздольненской железнодорожной дачи, на левом берегу речки Перевозной, на протяжении около десяти верст.

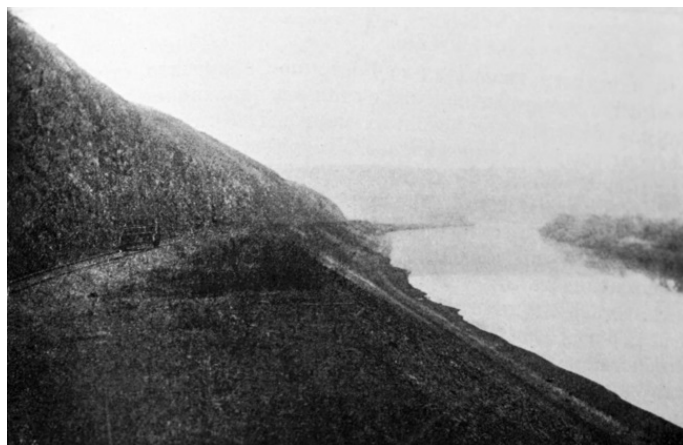
Сплав и сдача дров должны быть закончены не позже 1-го октября 1899 года.

Сплав этих дров по речке Перевозной предстоит на протяжении приблизительно не более 35 верст.

Лица, желающие принять на себя сплав вышеупомянутых дров, приглашаются подать или прислать к 2 апреля сего года, к 12-ти часам дня, заявление, в коем должно быть означено: 1) имя, отчество, фамилия, звание и местожительства заявителя; 2) цена за сплав и доставку к линии кубической сажени сданных дороге дров.

Заявления должны быть адресованы в Общее Присутствие Управления Уссурийской казенной железной дороги, в запечатанных конвертах...».

Как уже отмечалось выше, окрестности Раздольного были богаты стройматериалами; например, кирпича здесь производилось столько, что устраивалась его распродажа с аукциона, о чем время от времени сообщалось в газетах.

*Река Суйфун в районе Медвежьих Щёк
(Из книги «Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге... 1900 г.)*

«Объявление окружного инженерного управления Приамурского военного округа о продаже с публичного торга 611–700 шт. алого кирпича в с. Раздольном.

Окружное Инженерное Управление, по поручению Временной Распорядительной Комиссии по возведению оборонительных и казарменных сооружений в Приамурском военном округе, объявляет, что в с. Раздольном, 23-го августа 1898 [видимо, опечатка – следует читать 1899. – *Ред*] года, местным производителем инженерных работ будут произведены публичные торги на продажу алого кирпича, при соблюдении следующих условий, правил и порядка.

1) К торгам будут допущены все, имеющие по закону право вступать в обязательства с казною.

2) Торги будут произведены решительные: один торг без переторжки.

3) Кирпич будет продаваться партиями не менее 25/т. штук.

4) К торгам, для утверждения их на месте, будет выслана назначенная Временной Распорядительной Комиссией секретная цена. Конверт, в котором цена сия будет заключаться, должен быть распечатан отнюдь не прежде, как по окончании торгов, т. е. когда никто из покупателей не будет объявлять высшей цены.

5) Если объявленные покупателями цены не будут ниже секретной, то продаваемый кирпич оставляется за ними, причем покупатель вносит десять процентов в задаток условной

суммы и дает торговому присутствию подписку, что вывозка купленного им кирпича будет произведена в месячный, со дня торга срок.

б) Если бы давший подписку о вывозке сторгованного кирпича впоследствии от этого отказался и в указанный срок кирпича не вывез, то внесенный им задаток останется в пользу казны.

Начальник Инженеров Военный Инженер Генерал-Майор Александров.

Вр. и. д. Делопроизводителя Инженерный чиновник Попов» (газета «Владивосток» № 32 от 12 августа 1899 г. Третье прибавление. С. 4).

Видимо, в окрестностях Раздольного можно было найти и золото (что, в частности, привлекало сюда хунхузов). По крайней мере, попытки добычи золота были, о чем свидетельствует следующее сообщение: «Вблизи станции Раздольное по течению одной малой речушки найдены следы золотых россыпей, на обработку которых уже появляются предприниматели» (газета «Дальний Восток» № 186 от 1 сентября 1906 г. С. 3).

Земля и люди

Судьбе было угодно распорядиться так, что в рождении и становлении Раздольного, которое в разное время называлось постом, урочищем, селом, принимали участие многие выдающиеся личности Приамурского края, в том числе советник Приморского областного правления Полиевкт Алексеевич Занадворов, генерал-губернатор Приамурского края Сергей Михайлович Духовской, командующий Маньчжурской армией генерал от инфантерии Николай Петрович Линевиц. Роль и значение этих людей в дальневосточной истории настолько значительны, что до сих пор несколько населенных пунктов края носят их имена.

Место расположения села для прибывших Южно-Уссурийский край переселенцев-крестьян из Астраханской губернии было выбрано на берегу реки Суйфун (ныне Раздольная) по рекомендации чиновника особых поручений Приморского областного правления Полиевкта Алексеевича Занадворова (не следует путать его с Южно-Уссурийским исправником Н.С. Занадворовым, служившим в крае примерно в то же время)

Полиевкт (Полиект) Алексеевич прибыл в Южно-Уссурийский край из Забайкалья в 1869 году и прослужил здесь более двадцати лет, занимая должности чиновника особых поручений Приморского областного правления, ст. помощника начальника Южно-Уссурийского округа, начальника Южно-Уссурийского округа, советника областного правления. На всех должностях П.А. Занадворов проявлял большую заботу о переселенцах, что было отмечено в газете «Приамурские ведомости» 10 сентября 1890 года в некрологе (после его кончины в сентябре 1890 года):

«Покойный всегда отличался усердием к службе; за время служения в Южно-Уссурийском округе снискал любовь начальства и уважение крестьян. Полиевкт Алексеевич, кроме своей службы, много заботился о переселенцах, для которых было образовано Общество оказания помощи переселенцам. К нему охотно шли нуждающиеся, зная, что от него обязательно получают ссуду».

Известна большая роль П.А. Занадворова в учреждении первой в крае библиотеки. Как известно, во время посещения Южно-Уссурийского края Его Императорским Высочеством Великим Князем Алексеем Александровичем Романовым в 1873 году им была пожертвована по тем временам солидная сумма 300 рублей с адресным пожеланием – учредить в крае библиотеку «с сочинениями по всем отраслям человеческих знаний». Как засвидетельствовано одним из документов от 13 мая 1894 года: «Во исполнение желания Его Высочества, бывшим начальником Южно-Уссурийского округа статским советником Занадворовым (ныне покойным) на 300 рублей были приобретены сочинения русских писателей, как фундамент для библиотеки, и таковая учреждена при полицейском управлении, в течение десятилетнего служения г. Занадворова в Южно-Уссурийском крае, он прилагал все старания наполнять эту библиотеку, выписывая книги частью на собственный счет или собирая средства от частных лиц. Книги на иностранных языках, касающиеся Амурского края и Сибири, были присланы ему лично от Императорской Академии Наук за посылаемые туда г. Занадворовым чучела, шкуры зверей и птиц из Южно-Уссурийского края, и таковые покойным Занадворовым были пожертвованы библиотеке...».

Заслуги П.А. Занадворова были достойно оценены современниками. Одно из селений (теперь в Хасанском районе Приморья) еще при его жизни было названо Занадворовкой. И хотя в июне 1930 года Президиум Владивостокского окрисполкома Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов принимал решение о переименовании Занадворовки в село Буденновское, первое название продолжает существовать, напоминая об одном из первых строителей края, имевшем непосредственное отношение к появлению Раздольного. Нынешняя улица Чичерина в городе Уссурийске также когда-то была Занадворовской.

Сергей Михайлович Духовской – «отец» Раздольного, по оценкам историков, был одним из самых выдающихся высших администраторов Дальнего Востока. После выделения из состава Восточной Сибири Приамурского генерал-губернаторства руководителями этого административного подразделения были: А.Н. Корф – 1884–1893 гг., С.М. Духовской – 1893–1898 гг., Н.И. Гродеков – 1898–1902 гг., Д.И. Суботич – 1902–1903 гг., Н.П. Линевиц – 1903–1904 гг., В.А. Хрещатинский – 1904–1906 гг., П.Ф. Унтербергер – 1906–1910 гг., Н.Л. Гондатти – 1910–1917 гг.

Духовской стал вторым генерал-губернатором Приамурского края. К своему назначению на Дальний Восток 55-летний генерал-губернатор имел солидный послужной список и боевые заслуги. Он около 20 лет служил на Кавказе, отличился на войне с Турцией, служил на высоких должностях в Московском военном округе.

В Приамурском крае С.М. Духовской совмещал должность генерал-губернатора с обязанностями командующего войсками и наказного атамана Приамурских казачьих войск. В течение пяти лет управления краем губернатор энергично содействовал его изучению, процветанию местной промышленности и сельского хозяйства, торговли, ремесел, устройству грунтовых и улучшению водных путей. За этот период в крае были открыты 150 школ и училищ. Особая заслуга Духовского – его содействие в создании Приамурского отдела Русского географического общества в Хабаровске, а также открытие при нем музея и библиотеки. Одним из важнейших достижений генерал-губернатора Духовского было успешное завершение строительства Уссурийской железной дороги. Он вникал во все подробности стройки, лично участвовал в подписании приемных актов построенных участков, мостов, освящении различных железнодорожных сооружений. По его инициативе в названиях станций и разъездов были увековечены имена путейцев-изыскателей, строителей, инженеров путей сообщения и лиц, содействовавших великой стройке: Вяземская, Дормидонтовка, Шмаковка, Свиягино, Надеждинская, Кипарисово, Кнорринг, Корфовский и др.

С.М. Духовской принимал участие в первой инспекционной поездке по только что построенному участку пути от Владивостока до села Никольского (ныне Уссурийск), которая состоялась в воскресный день 22 августа 1893 года. Главного начальника края сопровождали военный губернатор Приморской области Павел Федорович Унтербергер, начальник работ по сооружению Уссурийской железной дороги инженер Орест Полиенович Вяземский, начальник первого участка Людвиг Иванович Прохаска, представители воинских частей, администрации области и края. Интересные подробности этой поездки сообщила газета «Владивосток» 5 сентября 1893 года в рубрике «Железнодорожное дело»:

«В 9 часов утра все заняли места в предназначенных к отправлению вагонах. За отсутствием, не прибывших еще на линию пассажирских вагонов, поезд был составлен из вагонов, построенных в местных временных мастерских дороги местными средствами и материалами под руководством самих инженеров-строителей дороги. Из этих, вновь устроенных вагонов особой изящностью отличался, только что отделанный перед проездом генерал-губернатора, служебный вагон начальника 1-го участка инженера Прохаска, выстроенный под его непосредственным руководством. По красоте и удобству этот вагон превзошел даже «директорский» вагон, присланный в 1891 году с Харьковско-Николаевской железной дороги. Вагон замечателен тем, что вся внутренняя отделка стен и вся мебель в нем сделаны из местных пород леса (большая часть из, так называемого, бархатного дерева). На это обстоятельство обратил внимание и Его Высокопревосходительство генерал-губернатор, причем высказана была та мысль, что наличность такого строительного материала в крае даст возможность в будущем обходиться своими собственными вагонами, сделанными на месте, без дорогой выписки их из Европейской России и заграницы.

В вагоне начальника 1-го участка генерал-губернатор и совершил свою поездку по линии. По первым двум дистанциям поезд лихо мчался со скоростью от 30 до 40 верст, увлекае-

мый локомотивом, на котором находились, по установленному обычаю, начальники дистанций (инженеры Кипарисов и Петропавловский). Подъем на перевал и спуск с него, на 3-й дистанции, поезд прошел несколько медленнее вследствие того, что путь еще не забалластирован и в некоторых местах его производилась ремонтровка.

Между станциями Надеждинской и Раздольной инженерами был предложен Его Высокопревосходительству завтрак, поданный в особом «вагоне-столовой». Этот вагон также сделан местными средствами из местных материалов.

За завтраком начальник работ инженер Вяземский и его помощник инженер Доке, в застольной речи приветствовали начальника края как первое лицо, проехавшее по линии в первом же экстренном поезде и как представителя Верховной Власти, так внимательно, и так сердечно отнесшегося к делу сооружения, к нуждам и интересам Уссурийской железной дороги. В ответной речи своей генерал-губернатор высказал благодарность, как представителю дороги – начальнику работ, инженеру О.П. Вяземскому, так и всем участвовавшим в сооружении этой дороги. Его Высокопревосходительство выразил также свою полную готовность всегда и во всякое время прийти на помощь и оказать полное содействие во всех нуждах, как самого сооружения, так и строителей дороги.

Поезд с генерал-губернатором был торжественно встречен на станции села Никольского в 14 часов. Таким образом, продолжительность пути по новой железной дороге от Владивостока составил пять часов. Обратный путь во Владивосток проходил в условиях резко ухудшившейся погоды с сильным дождем и ураганным ветром, что явилось серьезным испытанием для новоосвоенной дороги. Поезд благополучно прибыл на станцию Владивосток в установленное время».

Генерал-губернатор С.М. Духовской инспектировал не только уже построенную железную дорогу, но и строящиеся участки, и проселочные тракты. Из своей резиденции в Хабаровске он совершал регулярные поездки по Приамурскому краю, часто по бездорожью, посещая новые поселки крестьянских поселенцев, корейских иммигрантов, казачьи станицы.

Память о деятельности С.М. Духовского на благо Южно-Уссурийского края хранится в названиях двух селений современного Приморского края. Первое – это село Духовское Спасского района, которое было основано в 1897 году и названо именем генерал-губернатора по поводу знакового события: смычки северного и южного участков Уссурийской железной дороги. Второе – поселок Духовской в Пограничном районе, основанный в 1899 году казаками.

В формировании Раздольного, обустройстве жизни его военного и крестьянского населения принимал также активное участие Николай Петрович Линеви́ч – опытный военный начальник и талантливый администратор. Его служба на Дальнем Востоке началась в 1895 году, когда 57-летний генерал-майор Н.П. Линеви́ч, отличившийся в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.), был назначен командующим войсками Южно-Уссурийского отдела. Вскоре его произвели в генерал-лейтенанты, назначив командующим 1-м Сибирским армейским корпусом. В 1903 году Линеви́ч стал генерал-губернатором Приамурского края и командующим войсками Приамурского военного округа. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов генерал от инфантерии Н.П. Линеви́ч вначале командовал 1-й Маньчжурской армией, затем, с марта 1905 года, стал главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии.

Продолжительное время Николай Петрович Линеви́ч жил в г. Никольске-Уссурийском, откуда совершал инспекционные поездки по краю, часто бывал в Раздольном. Его большое и искреннее внимание к нуждам подчиненных военных, как офицеров, так и рядовых, способствовало формированию в армейских и казачьих частях особо уважительного отношения к Линеви́чу, его называли «отцом» и «папашей». Бывший ординарец генерала, прослуживший с ним много лет, вспоминал: «Генерал был очень строг по службе; он не допускал никаких упущений, больше всего любил строевых офицеров, ездил он на смотры без всякого преду-

преждения; даже адъютант не знал, куда собирается командующий войсками. Генерал садился в экипаж и приказывал ехать в кухню такой-то роты такого-то полка. Здесь приготовленные порции, так сказать, пробные, генерал отстранял в сторону, а пробовал солдатской обед непосредственно из котла; тут бывала или радость или горе кашевару. Отсюда генерал, садясь в экипаж, приказывал везти в учебную команду такой-то батареи и т. д. Таким образом, объезжая свои части, он совершенно не нуждался в официальных смотрах... Генерал был всегда сдержан и строг, но только тогда, когда касалось службы и вообще серьезного вопроса, зато в минуты досуга это был инициатор всевозможных развлечений и первый покровитель танцев, говоривший всегда, что танцы только облагораживают молодого человека и принимавший самое деятельное участие у себя в квартире в изучении молодежью новых танцев.

Генерал Линеви́ч был не только нашим отцом по службе, но он всегда был и душой нашего общества, вполне сознавая необходимость полезных развлечений при нашей, далеко не веселой жизни на окраине. Если командующий войсками почему-либо не мог прибыть на полковой праздник, то праздник был уже не веселый...» (газета «Приамурские ведомости» № 1838 от 10 апреля 1912 года).

Летом 1904 года Николай Петрович Линеви́ч, будучи генерал-губернатором Приамурского края, посетил Раздольное, где в это время квартировал Нерченский полк. Приезд генерала был отмечен специальной солдатской песней, родившейся среди казаков-забайкальцев:

*Вот мы жили, поживали
Во Раздольном селе,
Как мы ждали, все мы ждали
Все Линеви́ча к себе.*

*Вот придет наш Линеви́ч
Предводитель всем войскам!
Хорошо он службу знает,
Сидит бодро на коне,
Сидит прямо, смотрит браво,
Веселит «папаша» дух...*

На Дальнем Востоке Линеви́ч прослужил 11 лет, до выхода в отставку в 1906 году. Он скончался 10 апреля 1908 года, был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Похороны генерал-адъютанта Линеви́ча были торжественными и многлюдными. Вот как сообщала об этом скорбном событии газета «Дальний Восток» 4 мая 1908 года: «...Сказать последнее «прости» покойному пришли высшие представители военного и морского ведомств и целая группа уже отставных георгиевских кавалеров; среди них были адмиралы К.П. Иессен и В.Ф. Руднев; из группы нижних чинов – три безногих на костылях, были два сибирских стрелка и один артиллерист; была тут и известная женщина-казак Е. Малеева – участница русско-японской войны...».

На могилу было возложено много венков из живых цветов, были также серебряные венки от дальневосточников: от флота – «бывшему главнокомандующему», от Владивостокского отряда крейсеров – «своему главнокомандующему». При спускании гроба было прочитано стихотворение «Памяти генерала Н.П. Линеви́ча», прочитал его автор – Ю. Елец:

*«Все кончено. Свершен обряд
Перед раскрытою могилой
Толпою скорбной и унылой
Твои соратники стоят.*

*Гордимся мы, что вождь и брат
В тебе для нас соединились,
Что ты отцом был для солдат,
Что по тебе мы все равнялись...
Прощай наш вождь, покойся с миром!
Ты долг исполнил до конца
И славу стойкого бойца
Стяжал себе пред целым миром...»*

Память о Николае Петровиче Линевице в Приморском крае увековечена в названиях одного из фортов Владивостокской крепости и селения в Уссурийском районе. Деревня Линевицы (старое название – Линевицево) получила имя в 1897 году «в честь генерала Линевица, выхлопотавшего крестьянам около 500 десятин леса» (Меньщиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области...). В 1900 году рядом с деревней был основан женский Рождество-Богородский монастырь, в благоустройении которого принимал участие сам Николай Петрович.

Селение имени генерала Линевица получило солидный капитал, который был определен одним из пунктов официального завещания Н.П. Линевица, составленного 25 марта 1908 года: «...10 000 рублей я назначаю в дар в селение моего имени «Линевиц» (так написано в документе. – Ред.) в Приморской области, вблизи г. Никольска-Уссурийского с тем, однако, чтобы этот капитал хранился всегда в областном правлении, а на проценты из оногo в названном селении содержалось училище моего имени».

Согласно воле дарителя его душеприказчик генерал-майор В.А. Орановский переслал во Владивостокское отделение Сибирского торгового банка завещанную сумму для передачи ее Приморскому областному правлению. Со временем деньги стали поступать в школу деревни Линевицы и использовались для оборудования учебного заведения мебелью и пособиями. После установления Советской власти солидный капитал, завещанный генералом Линевицем селению, был национализирован, и практика помощи местной школе перестала существовать.

С Царским именем на устах

Южно-Уссурийский край не был обделен вниманием царствующего дома Романовых. Задолго до заключения договоров, разграничивающих государственные земли Китая и России (Айгунский 1858 года, Пекинский 1860 года), Петр Великий обратил пристальное внимание на восточную окраину Евразийского материка. По его инициативе были снаряжены морские экспедиции Витуса Беринга для выяснения, «где земля русская... сошлась с Америкой»; им же была учреждена Пекинская духовная миссия, которая не только выполняла миссионерские функции, но и способствовала налаживанию дипломатических контактов между странами. Все русские монархи, правившие после Петра Великого, осознавали значимость для страны Сибири и немало делали для ее развития.

Наследник на торжествах во Владивостоке, 1891 г.

Освоение Дальнего Востока России, в том числе и Южно-Уссурийского края, происходило в период царствования трех императоров: при Александре II началось активное заселение и освоение территорий; Александр III стал прокладывать Великий Транссибирский путь; в царствование Николая II разрабатывалась и претворялась в жизнь программа укрепления и расширения русского влияния в Восточной Азии; тогда же родилось крылатое выражение: «Будущее России – в Азии».

Семь представителей дома Романовых посетили Южно-Уссурийский край в период с 1873 по 1916 годы. Морем сюда прибыли: Великий Князь Алексей Александрович в 1873 году, Великий Князь Александр Михайлович в 1887 и 1888 годах, Цесаревич Николай Александрович в 1891 году, Великий Князь Кирилл Владимирович в 1898 году. По Уссурийской железной дороге: Великий Князь Сергей Михайлович в 1908 году, Великий Князь Константин Константинович в 1909 году, Великий Князь Георгий Михайлович в 1916 году.

Визиты их были разными по целям и задачам, по времени пребывания в крае. Великие Князья и Цесаревич побывали во Владивостоке, Посъете, Раздольном, Никольске-Уссурийском, Осиновке, Ляличах, Спасском и других селениях края и на станциях Уссурийского казачьего войска. Во время этих поездок решались важные вопросы, помогающие сблизить восточную окраину империи с центром России. Исследователи и историки единодушно отмечают выдающееся значение визита сюда Цесаревича Николая Александровича, будущего Императора России. Об этом, в частности, говорил в своей приветственной речи о. Смирнов, протоиерей Успенского кафедрального собора во Владивостоке, встречая 12 мая 1891 года высокого гостя у входа в храм:

«...Ваш приезд – это беспримерный факт истории, и она никогда не забудет его; в нем заключаются все данные к торжественному подъему народного духа и всестороннему развитию сил народов, населяющих нашу страну. Из этого исторического события произойдут результаты, итогом коих будет возвеличивание всего здешнего края, и наш небольшой теперь городок делается со временем громадной дверью, которая, по воле Монарха, будет открываться для всего, что прекрасно, что способно вести силы края по пути прогресса. Будущее нашей окраины утешительно, потому что с Вашим приездом через нее пройдет великий жизненный нерв, который соединит ее с государственным сердцем, и в этом – несокрушимая надежда на то, что наш город вполне оправдывает имя, которое он носит.

Дай Бог, чтобы остальное путешествие Вашего Императорского Величества было благополучно! Да пошлет Всевышний в спутники Вам своего Ангела хранителя, под благодатным осенением коего от всей души и от всего сердца желаем Вашему Императорскому Величеству в полном здравии и душевным миром возвратиться к своим возлюбленным Родителям» (Мизь Н.Г., Луганский Ю.К. Путь на Восток...).

Посещение Цесаревичем Дальнего Востока России было частью кругосветного морского путешествия на крейсере «Память Азова», вышедшем из Триеста 26 октября 1890 года. За восемь месяцев пути крейсер побывал в Греции, Египте, Индии, на Цейлоне, в Сингапуре, Китае, Японии. Логическим завершением морского вояжа стало трансконтинентальное путешествие из Владивостока в Санкт-Петербург. Строительство железнодорожной магистрали еще только начиналось, поэтому Цесаревич преодолевал огромные российские расстояния в коляске, на речных пароходах и паромах. Всего в этом грандиозном путешествии было пройдено 51 тысяча верст, в том числе 22 тысячи верст по железной дороге.

На территории Приамурского края Цесаревич пробыл около полутора месяцев, с 11 мая по 22 июня 1891 года. Во Владивостоке он принял участие в торжествах по случаю закладки Уссурийской железной дороги, здания вокзала, памятника адмиралу Г.И. Невельскому, сухого дока. Отсюда началась сухопутная часть путешествия Цесаревича через Забайкалье и Сибирь в Европейскую Россию. Он выехал из Владивостока 21 мая 1891 года в дорожной коляске, украшенной ландышами, в сопровождении Приамурского генерал-губернатора барона А.Н. Корфа и большого количества провожающих лиц. Первая остановка для отдыха была сделана на почтовой станции Подгородной (ныне ст. Океанская), а затем плановая – в Раздольном, где в это время квартировал 1-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Недолгое пребывание Цесаревича в Раздольном оставило долгую память. Когда он уже стал Императором, связь с этим селением поддерживалась постоянно, и царское имя часто звучало здесь. Это одна из интереснейших и малоизвестных страниц истории Южно-Уссурийского края.

Об этих событиях подробно и достоверно рассказывают исторические публикации и архивные документы. Один из них – «Краткое описание пути и населенных пунктов от Владивостока до р. Сунгача». Этот документ был составлен начальником Южно-Уссурийского округа А.В. Сухановым и вошел в подготовленный Центральным статистическим комитетом путеводитель «От Владивостока до Уральска» (издан в марте 1891 года в Санкт-Петербурге). Черновой вариант описания путешествия Цесаревича по приморской территории хранится в Российском государственном архиве Дальнего Востока, в деле Приморского областного правления «По предмету проезда через Приморскую область Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, о пожалованиях им». Описание пути и населенных пунктов, выполненное А.В. Сухановым в феврале 1891 года, дает реальное представление – по какой дороге следовал Цесаревич и каким он увидел Раздольное, которое посетил 21 мая 1891 года.

«Почтовый сухопутный тракт от Владивостока до селения Раздольное на протяжении 60 верст устроен в 1881 г., на средства, отпущенные от казны, под наблюдением и руководством бывшего в то время начальника Владивостокской инженерной дистанции военного инженера полковника Широкова. Стоимость проведения этого пути обошлась до 100 тыс. руб. Путь в

большинстве проходит по гористой и лесной местности и частью идет по берегу Амурского залива, на пути есть довольно крутые спуски и подъемы, как близ города Владивостока, так и станции Подгородной и между Тигровой и Раздольным. На пути встречается много речек и ручьев, впадающих в Амурский залив... Для переправы через ручьи и речки, встречающиеся на пути, устроены деревянные мосты...

Тракт от Владивостока до Раздольного со времен постройки до прошлого 1890 г. содержался в исправности на отпускаемые на этот предмет средства от казны, ежегодно от полтора до двух тыс. рублей, и работы по исправлению тракта производились исключительно нижними чинами саперной роты, расположенной в городе Владивостоке. С 1890 г. к ремонту этого тракта привлечено корейское население, а в настоящем году ремонт производился корейцами, проживающими в районе Посыетского участка, под ведением и наблюдением местной земской полиции. По этому пути в течение целого года происходит сообщение между Владивостоком и селением Раздольным. Кроме того, в течение навигации между этими пунктами содержится пароходное сообщение по Амурскому заливу, от Владивостока до Речной, где два раза в неделю совершает срочные рейсы морской пароход «Новик» купца Шевелева... От Речного до селения Раздольного по реке Суйфун на расстоянии 70 верст содержит срочное пароходное сообщение небольшой речной пароход «Пионер», принадлежавший купцу Федорову...

Селение Раздольное, расположенное на берегу реки Суйфун, первое из крестьянских поселений после Углого на пути от Владивостока... Одна часть этого селения расположена на склоне горы, там же возведена и церковь, другая в низине близ реки. Население состоит частью из крестьян, переселившихся из Астраханской и Воронежской губерний в 1866 г., и затем из переселившихся сюда в разное время крестьян из других селений округа, и частью из оставшихся здесь на жительство уволенных в запас армии нижних чинов. Занятие населения, по преимуществу, извозный промысел, благодаря тому, что Раздольное составляет конечный пункт возможности пароходства по Суйфуну; все грузы, идущие из Владивостока во время навигации, перевозятся водным путем до Раздольного, а оттуда перевозятся как в Никольское, так и другие местности сухим путем на лошадях, почему и жители этого селения по преимуществу занялись извозным промыслом, как наиболее выгодным, чем хлебопашество или другие промыслы.

В Раздольном расположен 1-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон...».

История этого батальона, впоследствии преобразованного в полк, имеет много интересных страниц, связанных прежде всего с Цесаревичем – Императором Николаем II, а также с военными действиями на Дальнем Востоке.

Первый Восточно-Сибирский стрелковый батальон был сформирован 30 октября 1883 года в селе Никольском, с 1884 года он размещался в Раздольном. За десять дней до проезда Цесаревича через Раздольное, где квартировал батальон, 11 мая 1891 года, Император Александр III назначил шефом батальона Цесаревича Николая Александровича, что было доведено до сведения всех воинских частей Приамурского военного округа. Это засвидетельствовано соответствующим документом от имени Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа.

«Приказ № 100 по войскам Приамурского военного округа о назначении Цесаревича Николая шефом 1-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона.

На посланную мною Военному министру четырнадцатого мая телеграмму следующего содержания:

«Войска Приамурского военного округа, высока ценя новую милость, оказанную им Государем Императором назначением Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича шефом 1-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, осмеливаются просить Ваше Высокопревосходительство повергнуть пред Верховным вождем армии их верноподданническую благодарность и уверения, что они, как в мирное, так и в военное время, не пожа-

леют себя, чтобы быть достойными милостей Его Императорского Величества»; я получил 16 мая следующий ответ от генерал-адъютанта Банковского:

«По всеподданнейшему докладу телеграммы Вашей с выражением верноподданнических чувств войск Приамурского военного округа, по случаю назначения Наследника Цесаревича шефом 1-го Стрелкового батальона. Государю Императору богоугодно было собственноручно начертать: не сомневаюсь в искренности их уверения».

Объявляя о сем по войскам вверенного мне округа в дополнение приказа моего от 14 сего мая за № 97, предписываю оба приказа эти прочесть во всех ротах, сотнях, батареях и командах.

Командующий войсками генерал-адъютант барон Корф».

Так впервые прозвучало имя Цесаревича в Раздольном; селение жило с этим именем более двадцати лет, до установления Советской власти.

Посещение Цесаревичем Раздольного 21 мая 1891 года и встреча со стрелками батальона его имени вылилось в большой праздник. Во время этого торжества Его Высочество подарил батальону серебряный набор – братину с чарками (братина – старинная русская большая чаша шаровидной формы для питья на пирах; напитки из братины разливали ковшом по чаркам или стаканам «на всю братию»).

После восхождения Цесаревича на императорский престол, со 2 ноября 1894 года, батальон стал именоваться 1-м Восточно-Сибирским стрелковым Его Императорского Величества батальоном. Ежегодно 26 ноября, в день Святого Великомученика Георгия Победоносца, отмечался батальонный праздник. Шеф батальона, Император Николай II, регулярно поздравлял стрелков с этим высокаторжественным днем. О том, как прошел праздник в ноябре 1897 года, подробную информацию опубликовала газета «Приамурские ведомости». Праздник начался молебном в церкви, которая находилась в одной из казарм батальона. После богослужения командир батальона полковник Хорунженков прочел поздравительную телеграмму Его Величества: «Искренно поздравляю моих молодцов стрелков с батальонным праздником и пью за их здоровье и дальнейшее процветание. Николай». Ответом на телеграмму было несмолкаемое «Ура!», сопровождаемое народным гимном, который был исполнен батальонным оркестром.

Затем все гости праздника и офицеры батальона были приглашены в Военное собрание на завтрак, который прошел очень оживленно. К концу завтрака была подана братина, подаренная батальону Его Величеством в 1891 году. Командир батальона предложил первый тост за здоровье Государя Императора, Державного Шефа батальона; тост был встречен дружным восторженным «Ура!» и звуками гимна. Праздничный день завершился очень оживленным танцевальным вечером в офицерском собрании. Командир батальона отправил Его Величеству телеграмму: «Сибирские стрелки Имени Вашего Величества, ликуя радостью, читая каждое слово драгоценной телеграммы Своего беззаветно любимого Шефа, усугубили свою единодушно прочувственную молитву Господу Богу за благоденствие обожаемого Монарха и Его Августейшей семьи, повергая к стопам Вашего Величества искренние свои чувства благодарности, поздравляют с праздником и пьют первую чару за многолетие и здоровье, при неумолкаемом богатырском русском «ура!»».

В январе 1898 года батальон был переформирован в полк, а 6 мая того же года 1-му Восточно-Сибирскому стрелковому Его Императорского Величества полку было пожаловано знамя. За первое десятилетие его существования полк принимал участие в двух военных кампаниях и восьми крупных сражениях. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов полк, сражаясь героически, понес большие потери. Так, в период с 21 по 26 февраля 1905 года в боях у деревни Цуанванчи и под Мукденом из строя полка выбыло более 1200 нижних чинов и около 50 офицеров убитыми и ранеными. Командир полка, полковник Леш, сумел вывести из окружения остатки полка (около ста человек).

Геройский подвиг 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Величества полка был оценен высоко. Наград были удостоены офицеры и рядовые, а также священник полка о. Иоанн Рублевский, который получил золотой наперстный крест на Георгиевской ленте. 26 ноября 1906 года, в день полкового праздника, Государь Император, поздравляя телеграммой стрелков, известил их о награждении полка Георгиевским знаменем. Вот как об этом извещала местная газета:

«1-му Восточно-Сибирскому Стрелковому Его Величества полку, квартирующему в с. Раздольном, 26-го ноября в день его полкового праздника, Высочайше пожаловано за боевые заслуги в войну с Японией Георгиевское знамя. Полк удостоился получить в этот день телеграмму от Государя Императора, своего Державного Шефа, следующего содержания: «Раздольное Командиру 1-го Восточно-Сибирского Стрелкового Его Величества полка.

В тяжелые дни минувшей войны Мои славные Сибирские стрелки всегда с одинаковым рвением самоотверженно, свято и непоколебимо хранили доблестные заветы русского солдата и становились грудью на защиту чести родины; ценя высокие подвиги отныне прославленного 1-го Восточно-Сибирского Стрелкового Моего полка, сегодня в Высочайший день праздника Святого Георгия Победоносца и полкового праздника, жалую Моему полку Георгиевское знамя в память его заслуг перед престолом и Россией; да сплотятся под сенью нового дорогого знамени молодые и старые Мои Восточно-Сибирские Стрелки; уверен, что они будущей своей службой оправдают Мое к ним доверие, показывая, как в мирное время, так и в бою, пример преданности, самоотвержения и храбрости всем верным сынам России.

НИКОЛАЙ.»

Командиром полка была послана следующая телеграмма:

«Царское Село Его Императорскому Величеству

Сибирские Стрелки Вашего Величества, празднуя день своего полкового и кавалерского праздника вместе со своими товарищами по гарнизону Приморскими драгунами, восторженно поднимают чару за здоровье Вашего Императорского Величества и повергают к стопам Вашим свою горячую готовность положить головы и силы свои без остатка за Вас Государь, за Вашу семью и за Вашу славу. Стрелки Вашего Величества, безмерно счастливые Высокоимператорской

и редкой оценкой их боевых дел и пожалованием Георгиевского знамени, постараются заслужить и оправдать драгоценное доверие Вашего Императорского Величества и России доказать свою беспредельную благодарность. Ура Вашему Императорскому Величеству» (газета «Дальний Восток» № 259 от 5 декабря 1906 года. С. 3).

Фактически торжества состоялись почти через полгода и длились несколько дней, так как по существовавшему регламенту полученное Георгиевское знамя должно было пройти обряды торжественной прибавки и освящения. Эти события произошли в Раздольном 5 и 6 мая 1908 года, став грандиозным праздником для всего селения. Церемония прибавки нового знамени к древку началось 5 мая в 18 часов в офицерском собрании полка. Полотнище знамени, вытканное шелком и золотом, имевшее с одной стороны изображение «Нерукотворного Образа с ликом Спасителя» и надпись «С нами Бог!», с другой – вензель Государя, а по углам – двуглавых орлов, было разложено на большом столе в центре зала. Рядом со знаменем на серебряном блюде лежал специально заказанный для этого случая серебряный молоток.

Почетное право забивки первого гвоздя было предоставлено командиру 1-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанту Александру Алексеевичу Гернгроссу, который «имел весьма почтенную долю в заслугах полка». Он также вбил и следующий гвоздь по поручению генерал-майора Леша, бывшего командира полка, прошедшего с ним всю кампанию 1904–1905 годов. Затем вбивали гвозди: начальник 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Сидорин, командир 2-й бригады 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Захаров, командиры полков 1-й дивизии, гости и офицеры полка по старшинству и нижние чины – от каждой роты: фельдфебель, унтер-офицер и рядовой стрелок.

По окончании прибавки все расписались на большом листе толстой бумаги, художественно украшенном акварельной виньеткой. Затем генерал-лейтенант А.А. Гернгросс, подняв Царскую чарку, провозгласил здравицу за Державного Шефа полка, Его Императорского Величества Государя Императора. За здравицей прозвучало многократное «Ура!» и трехкратное исполнение народного гимна. Ритуал прибавки закончился торжественным ужином и гулянием.

На следующий день, 6 мая 1908 года, состоялось освящение нового знамени и вручение его полку. Утром была отслужена литургия в полковой церкви. К 11 часам полк был выстроен вокруг красивой беседки, в которой должно было состояться освящение знамени и передача его полку. В беседке на аналое была положена икона Святого Георгия Победоносца, сюда были принесены старое и новое знамена.

Командир корпуса генерал-лейтенант А.А. Гернгросс поздравил полк с праздником, под звуки музыки полкового оркестра старое знамя было отнесено на квартиру командира полка. Прощание с боевым полковым знаменем было трогательным и грустным. Как отмечал участник события, подполковник Добржанский, «Относ и отдача старого знамени вызвали грустное шемящее чувство... все взоры были прикованы к потрепанному, местами прорванному и вылинявшему в боевых походах полотнищу, тихо полоскавшемуся теперь под напором налетевшего ветерка... Эта одухотворенная святыня, политая кровью и потом доблестных стрелков, стала полку близкой и родной, стала олицетворением высокой чести и воинской доблести. Эта немая свидетельница геройских подвигов, геройских смертей и славных дел полка, несмотря на несчастную войну, была для каждого стрелка Государева полка глубоко красноречива... И теперь ее уносили навсегда... неудивительно, что тысячи благодарных прощальных взглядов, покоившихся на уходящем друге, были грустны...».

Когда смолкла музыка, провожавшая старое знамя, командир полка, после команды «На караул!», громко прочитал Высочайшую грамоту:

«Божьей Милостью Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему 1-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку.

В ознаменование особенного Монаршего благоволения Нашего за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-м Восточно-Сибирским стрелковым полком в войну с Японией 1904 и 1905 гг., Всемилостивейше жалуем полку сему препровожаемое при сем Георгиевское знамя, с надписью «За бой под Мукденом 21–26 февраля 1905 г.».

Повелеваем знамя сие, освятив по установлению, употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью и усердием, Российскому воинству свойственными.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано: Николай».

После прочтения грамоты, перед началом богослужения по освящению знамени, прозвучали основные статьи законов, карающие за утерю знамени и указывающие на никогда не смываемый позор для военных частей, утративших свою полковую святыню, если оставались в живых ее защитники.

Обряд освящения знамени был совершен священниками под началом благочинного 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии о. Иоанна Рублевского. Он вручил освященное знамя генерал-лейтенанту А. А. Генгроссу, который передал его коленопреклоненному командиру полка полковнику Квещинскому. Командир полка, в свою очередь, вручил знамя коленопреклоненному знаменщику со словами: «Прими, знаменщик, этот драгоценный символ беззаветной доблести нашего полка в его прошлом. Да благословит Господь наш полк и в будущем на новые геройские подвиги под сенью этого Георгиевского знамени».

Перед освещенным знаменем состоялся парад всех частей полка, затем новая полковая святыня под звуки оркестра была отнесена на квартиру командира полка, а праздник в Раздольном продолжился на разных площадках. Нижние чины получили праздничный обед, а гости торжества были приглашены в офицерское собрание на дружескую трапезу, где звучали тосты, здравицы и состоялось «посвящение» вновь прибывших офицеров полка. Об этой традиции сообщил в газетной публикации подполковник В. Добржанский: «... Вновь прибывшие в полк офицеры при первом же торжестве, на котором появляется на столе пожалованная полку его Шефом великолепная серебряная братина, получали из рук старшего Царскую чарку и, выслушав несколько слов и добрых пожеланий, пили под дружное приветствие присутствующих – это был как бы акт рыцарского посвящения и окончательный ввод в полковую семью нового его члена, обязанного свято хранить обычаи и заветы славного полка» (газета «Дальний Восток» № 110 от 12 февраля 1908 года).

На торжественном застолье прозвучало немало душевных речей, с особенным вниманием было выслушано выступление командира полка, который напомнил о некоторых событиях истории полка:

«3 января 1884 г. выступила из села Никольского небольшая команда, в составе всего 33 стрелков, под начальством молодого офицера подпоручика Островского и направилась к маленькой деревушке, расположенной в 36 верстах от Никольского, на берегу р. Суйфун, среди болот и густой тайги.

Деревушка эта была – Раздольное. С прибытием туда команды застучал топор, заходила лопата, заработала кирка, и эта небольшая горсть людей вступила в ожесточенную борьбу с природой, подготавливая штаб-квартиру для вновь сформированного 1-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона. Здесь, на берегах Суйфуна, среди непроходимой тайги и бесконечных болот, в постоянной борьбе с бушующими водными потоками и в борьбе с дикими зверями, зародился и выработался тот могучий дух, который спустя два десятка с небольшим лет привел Раздольнинский стрелковый батальон, превратившийся волею нашего Верховного Вождя в 1-й Восточно-Сибирский стрелковый Его Величества полк, к целому ряду блестящих дел, в которых, как гласит Высочайший приказ, этот полк доказал свою доблесть и беззаветную преданность долгу.

Поднимая эту полковую чару, я от всей души желаю вам, господа офицеры Первого полка и нашим молодцам стрелкам, чтобы этот могучий дух, выросший в сибирской тайге и болотах

и укрепившийся на сопках и равнинах Маньчжурии, вечно бы жил среди вас на страх врагам и честь и славу нашему Царю и нашей Родине».

Торжество в Раздольном 6 мая 1908 года закончилось вечерним гулянием. Для нижних чинов и унтер-офицеров был устроен танцевальный вечер в красиво декорированных залах учебной команды, куда были приглашены солдатские жены и знакомые стрелков из села Раздольного. На этом вечере был буфет с чаем, закусками и сладостями, всем присутствовавшим был предложен ужин.

В одной из казарм полка состоялся парадный спектакль с показом патриотической пьесы «Жизнь за царя», которая была поставлена на основе известной одноименной оперы. Как отметили зрители, постановка, декорации и костюмы были выполнены прекрасно. Продолжительные аплодисменты прозвучали в награду артистам-стрелкам полка и талантливому капиталу Резанову, который вложил в это дело много знаний и труда. В последующие дни, с 7 по 14 мая, спектакль был повторен неоднократно, чтобы все раздольненцы смогли его посмотреть.

В день праздника, 6 мая 1908 года, из Раздольного в адрес Императора были отправлены две телеграммы, от личного состава полка и от запасных стрелков, следующего содержания.

«Царское Село. Его Императорскому Величеству. Только что под новым знаменем, Георгиевским, присягнули Сибирские стрелки Вашего Величества. Несущееся грозной волной по Раздольненской долине громкое могучее «ура» вселяет убеждение, что, сплотясь под сенью новой бесценной для них Святыни, стрелки самоотверженно, свято и непоколебимо сохранят заветы Русского солдата и снова станут крепкой грудью на защиту Родины и Батюшки-Царя по мановению своего Верховного Вождя. Да здравствует, на счастье нашей армии, России, наш Великий Государь и вся Августейшая Вашего Величества Семья.

Старший стрелок Вашего Величества генерал-лейтенант Гернгросс.

Командир полка полковник Квецинский».

Вторая телеграмма имела такой текст:

«Царское Село. Его Императорскому Величеству. Участники минувшей кампании, запасные стрелки Вашего Величества в числе 1200 человек, при увольнении в запас армии, прощаясь со старым знаменем, при развернутом Георгиевском знамени, просили в день освящения Всемилоостивейше пожалованного Георгиевского знамени повернуть к стопам Вашим, Державный Шеф, их верноподданнические чувства и «готовность» стать грудью на защиту Царя-Батюшки и Родины при каких бы то ни было обстоятельствах.

Командир полка полковник Квецинский».

На вторую телеграмму был получен следующий ответ: «Передайте увольняемым в запас армии стрелкам Мою сердечную благодарность за выраженные мне верноподданнические чувства и готовность их стать на защиту дорогой нашей родины. Сердечное им спасибо за верную службу. Николай».

Царское имя, связанное с названием и историей становления и службы 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Величества полка, звучало в Раздольном не только в военное время, но и в мирные годы, поскольку полк был неразрывно связан с жизнью селения Раздольного. Одно из свидетельств тому – события 1910 года, когда здесь состоялся торжественный строевой смотр учеников Раздольненского двухклассного сельского училища, произведенный командиром полка полковником Квецинским в присутствии нескольких офицеров полка, крестьянского начальника Репина, учительского персонала и многочисленной сельской публики.

Этому событию предшествовала годичная подготовка. Еще в 1909 году, когда вышло распоряжение Государя Императора о необходимости физического развития учащихся с попутным ознакомлением их с воинским строем, подпоручик 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Величества полка Шапиловский начал безвозмездно заниматься с ними. Эти занятия поощряли заведующий школой священник о. Сергей Данилов, учителя

Преловская и Свинын. Успех проведенных занятий был достойно продемонстрирован на торжественном смотре 2 мая 1910 года. В этот день, после литургии, школьники выстроились около новой сельской церкви. На правом фланге строя расположился оркестр полка. Вначале была продемонстрирована строевая подготовка: сельские мальчики ловко и правильно проделали ряд строевых и гимнастических упражнений. Затем присутствующие офицеры провели устный экзамен, руководствуясь «Программой строевых занятий с учениками школ Приморской области», утвержденной епархиальным наблюдателем С. Фатуевым.

Ученики давали правильные и бойкие ответы на задаваемые вопросы: о назначении солдата, о причинах призыва солдат на службу, о существующих родах войск и видах вооружений, о присяге и сроке действительной службы, о врагах России внешних и внутренних. Мальчики хорошо знали о подвигах крестьянина Ивана Сусанина, купца Иголкина, старшего унтер-офицера Старичкова, рядовых Архипа Осипова, Василия Рябова и других.

Отдохнув после устного экзамена, дети показали свои успехи на марше. Они пели строевые песни «Вспомним, братцы, как стояли мы на Шипке в облаках», «Было дело под Полтавой», отлично маршировали, соблюдая такт и рядовое равнение, чем вызвали много похвал. Смотр закончился торжественным церемониальным маршем в сопровождении полкового оркестра, после чего полковник Квещинский обратился к мальчикам с речью:

«Два года тому назад я имел честь присутствовать на освящении нового здания вашей школы и тогда мы отметили, что для величия русской армии необходимо единение ее с сельской школой. Поэтому мне, как представителю русской армии, отрадно видеть сегодня, что во исполнение Высочайшей воли Государя Императора раздольненцами положено твердое основание подготовки своей юной молодежи к выполнению великой задачи каждого гражданина – защиты своей родины.

Да будет этот день великим, памятным днем для Раздольного. Пользуясь же этим знаменательным днем, пожелаем нашему Государю Императору и Верховному Вождю русской армии и всей Его Августейшей Семье счастья и полного во всем благополучия на долгие годы».

Свое выступление полковник Квещинский закончил словами благодарности учителям школы и родителям, которые уделяли большое внимание делу образования и воспитания своей молодежи.

Смотр 2 мая 1910 года произвел на жителей села глубокое и неизгладимое впечатление, поскольку, как отмечалось в газетной публикации («Дальний Восток» № 107 от 19 мая 1910 года), он «показал внимательное и серьезное отношение со стороны армии к делу подготовки ее будущих членов». В тот же день, следуя пожеланиям сельского схода, начальник гарнизона полковник Квещинский отправил в Петербург следующую телеграмму:

«Министру народного просвещения. Сегодня присутствовал на испытании учеников сельской школы Раздольного по гимнастике, словесным и строевым занятиям. Школьники отлично проделали гимнастику, отлично отвечали общие военные сведения и отлично произвели строевое учение и маршировку под лихие военные песни и музыку. Как старший представитель русской армии в Раздольнинском гарнизоне, счастлив донести Вашему Превосходительству о таком блестящем выполнении раздольнинцами

Высочайшей воли и просить повергнуть к стопам обожаемого Монарха верноподданнические чувства и беспредельную преданность юной раздольнинской молодежи, готовящейся к великой роли защитников своего Отечества.

Начальник гарнизона и командир 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Величества полка, полковник Квещинский».

Подобные смотры происходили в Раздольном и в последующие годы, до убытия полка на фронт в 1914 году, после начала Первой мировой войны.

Приморский драгунский полк

Это воинское подразделение, как одно из самых известных регулярных кавалерийских соединений русской армии на Дальнем Востоке, имеет интересную историю. Несмотря на большое значение Приморского драгунского полка в истории Приамурья, публикаций о нем немного, и они не всегда достоверны. Правда, в течение последнего десятилетия появились серьезные публикации авторитетных исследователей этой темы – В.Г. Дацышена, Р.С. Авилова. Они основаны на архивных документах, воспоминаниях участников тех далеких событий.

В формировании Приморского драгунского полка отразились этапы создания регулярных армейских частей в Приамурском крае. Участие полка в военных действиях сыграло важную роль в подавлении восстания ихэтуаней в 1900–1901 годах, в сражениях Русско-японской войны 1904–1905 годов. В полку служили выдающиеся личности военной истории Приамурья и России.

Как все начиналось

Историки единодушно подчеркивают большое значение Приморского драгунского полка как воинского подразделения регулярной армии в отличие от иррегулярных частей, к которым относились казачьи полки Приамурского края. Формирование полка прошло несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности, обусловленные политическим, военным и экономическим положением Приамурья. Здесь уместно вспомнить, что драгуны, как вид кавалерии, появились во Франции еще в XVI веке; в русской армии этот вид кавалерии в XIX веке стал основным, так как в драгунские полки были переформированы армейские кирасиры, гусары и уланы.

Драгуны воевали в конном и пешем строю, были обучены огневому и штыковому бою, поэтому вооружены холодным рубящим оружием (саблями, шашками) и укороченными пехотными ружьями со штыками. При этом в драгунских частях наименования чинов были не кавалерийскими, а пехотными.

Официальное появление Приморского драгунского полка, как подразделения регулярной кавалерии российской армии на Дальнем Востоке, относится к 1898 году. Однако началом его формирования многие исследователи считают 1869 год, когда Государь Император повелел: «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать Уссурийскую казачью конную сотню». Этот документ был подписан 24 мая 1869 года, а опубликован в приказе № 203 по военному ведомству 26 мая – вот почему возникает разночтение, когда речь заходит о дне рождения Уссурийской казачьей сотни.

Численность созданной сотни, определенная утвержденными штатами 1869 года, должна была составлять 167 человек (4 штаб-и обер-офицера, 145 строевых и 18 нестроевых нижних чинов) и 145 лошадей (133 строевых и 12 обозных). Формирование основного состава сотни производилось непосредственно на Дальнем Востоке, о чем сообщалось в Императорском повелении: «Сформирование сотни произвести по распоряжению командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, представив ему право вызвать для того охотников из Амурского и Забайкальского казачьих войск, и назначить потребное, по его усмотрению, число строевых и нестроевых чинов из Восточно-Сибирских линейных батальонов».

Об особенностях созданной Уссурийской казачьей сотни указано в публикации Р.С. Авилова «История создания регулярной кавалерии на восточных рубежах России или 34 года на границе (1869–1903 гг.)»: «Обращает на себя внимание тот факт, что Уссурийская каза-

чья конная сотня после своего создания, хотя формально и была прикомандирована к Амурскому казачьему войску и подчинялась Главному управлению иррегулярных войск Военного министерства, но по своему характеру и составу была максимально приближена к регулярным войскам, что, во-первых, позволяло ей выполнять задачи, ставившиеся обычно именно перед регулярными кавалерийскими частями, и, во-вторых, в перспективе облегчило задачу постепенного преобразования сотни в регулярную часть».

Первым командиром Уссурийской казачьей конной сотни стал майор Н. Ножин, служивший ранее в резервном эскадроне 15-го драгунского Тверского Его Высочества Великого Князя Николая Николаевича полка. Его назначение было утверждено приказом Императора за № 51 от 24 ноября 1869 года.

Местом дислокации Уссурийской сотни был вначале пост Камень-Рыболов, затем – пограничный Атамановский караул. Ее основные задачи: контроль и охрана стратегически важного участка российско-китайской границы в районе Приханковья и борьба с хунхузами, которые нередко делали разбойные набеги на российскую территорию. Постоянная боевая востребованность сотни требовала хорошей подготовки воинов, поэтому регулярно проводились учебные сборы и тренировки. Один из таких сборов, летом 1875 года, прошел в соответствии с приказом командующего войсками Восточного Сибирского округа, генерал-адъютанта П.А. Фредерикса, где были конкретно сформулированы задачи и методика учений: «Считаю необходимым обратить внимание начальников казачьих частей на то обстоятельство, что при излишней трате времени на обучение казаков стойке, ружейным приемам и маршировке, основательная подготовка их для боевых целей невозможна, почему и рекомендую означенными отраслями строевого образования заниматься только в размере действительной необходимости...».

В казачьих частях Амурского конного войска и в Уссурийской сотне строевые знания должны заключаться, кроме одиночного обучения всадников, в сотенных, а там, где будет собрано несколько сотен, – в дивизионных учениях. Так как разведочная служба составляет одну из главных обязанностей казачьих частей, то на этот предмет предлагаю обратить особое внимание. Для приготовления к ней казаков необходимо развить в людях находчивость и смелость, а в конях выработать полный шаг и быстрый карьер и рысь. Приучение всадников и лошадей к значительным и быстрым переходам для выполнения всех требований разведочной службы особенно желательно. Кроме показанного, конные казаки должны быть обучены рубке и стрельбе с коня по различным предметам, преодолению различных препятствий и другим отраслям джигитовки и производству атак лавою».

Такие учения проводились регулярно, поэтому Уссурийская сотня успешно выполняла возложенные на нее задачи, хотя ей, совместно с 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном, тоже квартировавшем в посту Камень-Рыболов, приходилось охранять обширную территорию Южно-Уссурийского края к западу и юго-западу от озера Ханка.

В периоды обострения отношений между Китаем и Россией служба на границе была особенно трудной. Так, в 1880 году, когда из-за Кульджинского вопроса обе страны начали наращивать вооружение и готовиться к военным действиям, в Южно-Уссурийский край были отправлены две казачьи сотни из Забайкалья. Инспектировавший полк в октябре того же года генерал Н.М. Тихменев отмечал, что «одна Уссурийская и две Забайкальские конные сотни положительно не могли прикрывать даже слабым кордоном границу пятисотверстного протяжения, постоянно прорываемую разбойничьими шайками хунхузов», а командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа генерал Д.А. Анучин возбудил ходатайство о формировании 2-й Уссурийской конной сотни или присылке в край еще одной сотни Забайкальского казачьего войска.

Таким образом, объективные обстоятельства способствовали формированию в крае еще одного воинского подразделения – 2-й Уссурийской конной сотни. Высочайшее повеление об

этом состоялось 23 октября 1880 года. Командующий войсками Восточного Сибирского военного округа получил в Иркутске соответствующее сообщение телеграммой от Военного министра. Через несколько дней был издан приказ по военному ведомству № 75 от 25 марта 1881 года: «... В виду значительного протяжения нашей границы в Южно-Уссурийском крае и недостатка для охраны оной конных казачьих частей, там расположенных, Высочайше повелено сформировать 2-ю Уссурийскую казачью конную сотню...». В приказе, состоявшем из многих пунктов, регламентировались все условия и особенности формирования новой части, в том числе следующие:

«.. Офицеров и нижних чинов во вновь формируемую сотню назначить согласно прилагаемой ведомости.

При выборе из Иркутского местного батальона 110-ти строевых нижних чинов обратить особое внимание на крепкое сложение и способность людей к кавалерийской службе, с непременным соблюдением уравнительности людей ко срокам службы, но вовсе не назначая в сотню нижних чинов срока 1876 года и старше.

Выбранных в Иркутске нижних чинов отправить установленным порядком ныне же в г. Читу, где прикомандировать их к штабу 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска для обучения строевой казачьей службе, а затем, ко времени открытия навигации по Амуру, отправить их в конном составе в Сретенск, для сплава в п. Камень-Рыболов...».

Приложенная к приказу ведомость определяла численный состав формируемой сотни – 145 строевых нижних чинов, в том числе: 1 старший урядник, 8 младших урядников, 3 трубача, 8 приказных и 125 казаков. В ноябре 1880 года командиром 2-й Уссурийской конной казачьей сотни был назначен майор армейской кавалерии Гернгросс. Только через полгода, весной 1881-го, закончилось формирование в Чите 2-й Уссурийской конной сотни, откуда она с открытием навигации была отправлена в Южно-Уссурийский край.

К этому времени произошла очередная реорганизация воинских частей на Дальнем Востоке, в результате чего 1-я и 2-я Уссурийские казачьи конные части получили уточненные наименования, соответствующие их фактическому положению и подчиненности.

В приказе по военному ведомству от 25 марта 1881 года было засвидетельствовано: «Сформированной, на основании Высочайшего повеления 23 октября прошлого года, 2-й Уссурийской конной сотне присваивается штат, определенный для бывшей Уссурийской казачьей сотни, которая получает название 1-й Уссурийской конной сотни, с переименованием чинов обеих сотен в регулярные чины и с разрешением иметь в каждой сотне одного штаб-ротмистра и одного поручика, взамен положенных по штату двух сотников».

В соответствии с этим приказом и Высочайшим повелением, Уссурийские конные сотни перестали принадлежать к казачьим войскам и стали первыми регулярными кавалерийскими частями в Приамурье, несмотря на сохранившиеся наименования «сотни», характерные для казачьих частей. Следует отметить, что эти наименования не соответствовали количественному составу сотен – в каждой из них было не менее 150 человек.

Военная служба конных сотен в дальнейшем была связана со всеми событиями, происходившими на Дальнем Востоке России, особенно в Приамурском крае, который был образован в 1884 году. Местом дислокации 1-й Уссурийской конной сотни был п. Камень-Рыболов, 2-й Уссурийской сотни – урочище Новокиевское, но это не значило, что они там находились постоянно. Так, 1-я Уссурийская сотня была разделена на две полусотни. Первая из них, приписанная к урочищу Атамановскому, содержала пограничные караулы Молодецкий и Комиссаровский, которые контролировали долины рек Комиссаровка, Мельгуновка и Приханкайскую низменность. Вторая полусотня, квартировавшая в п. Полтавском и содержавшая караулы Утесный, Ушагоуский и Надежденский, прикрывала всю долину реки Суйфун. 2-я Уссурийская сотня, располагавшаяся в районе залива Посьета, контролировала пограничную часть

края. Она содержала караулы и отряды в населенных пунктах Ханси, Савеловка, Красное Село, Фаташи.

Поскольку политическая и военная обстановка в Приамурье часто осложнялась различными событиями, кавалерийские караулы Уссурийских сотен меняли места своих дислокаций, располагаясь в наиболее проблемных участках границы. При этом они продолжали составлять единую систему обороны Южно-Уссурийского края.

Освоение прибывающими переселенцами края и увеличение населения требовало усиления военной защиты и наращивания войск. Эта тема была подробно изложена командующим войсками Восточного Сибирского военного округа генералом Д.Г. Анучиным в рапорте № 46 Военному министру в 1881 году в виде программы повышения обороноспособности и усиления военных средств края. Особое внимание в документе уделялось вопросам преобразования и усиления кавалерийских подразделений. Вот выдержки из него:

«При удвоении числа действующих пехотных частей в Южно-Уссурийском крае, необходимо также соответственное усиление там кавалерии и артиллерии. По самому характеру степной, несколько всхолмленной местности Приханкайского края, особенно к северу и востоку от р. Суйфуна, и по громадности расстояний, кавалерия может принести здесь существенную пользу; точно также она необходима и при вторжении в Маньчжурию, для освещения мало известной местности, прикрытия прочих войск и для противодействия Маньчжурской кавалерии, к числу коей принадлежит вся местная милиция. Имеющиеся ныне в крае три конные сотни в мирное время размещены на протяжении всей 500-верстной границы от озера Ханка до р. Тюмень-ула, для содержания кордона, необходимого чтобы не пропускать хунхузов и вообще китайских бродяг, крайне вредных для края. Вновь формируемая ныне вторая Уссурийская конная сотня, несмотря на слабость кордона, занятого тремя вышеупомянутыми сотнями, должна быть употреблена в виде резерва для поддержки остальных и сообразно сему расположена позади их.

Поэтому, в видах более надежного охранения нашей 500-верстной Южно-Уссурийской границы, необходимо было бы ввести в линию кордона еще одну сотню. Затем следует иметь в виду что Южно-Уссурийский край заключает в себе еще постоянного, внутреннего, так сказать, домашнего врага, представляемого находящимся в его пределах китайцами, привлекаемыми сюда безлюдность края и нетронутыми еще естественными богатствами... Китайцы эти, в весьма значительном числе, наполняют внутренние части края и нередко, при неудачах в своих исканиях насущного хлеба, производят грабежи и разбои. Если население это, отличающееся крайней подвижностью, нередко и в мирное время нарушает порядок и спокойствие в крае, то в военное время, при известных обстоятельствах, беспорядки примут размеры, которые могут затруднить наши войска в успешном выполнении операций, направленных против внешнего врага, и потребуют принять серьезные меры. В виду сего, для поддержания внутри края порядка и, в особенности, для быстрого подавления волнений среди многочисленного местного манзовского населения, представляется необходимым иметь еще одну или две конные сотни, а всего это составит шесть сотен. При этом, для более правильной организации, было бы наиболее соответственно четыре сотни, комплектуемые и содержимые на одинаковых основаниях с прочей регулярной кавалерией, свести в отдельный драгунский полк 4-х эскадронного состава, что вполне соответствовало бы его назначению в мирное и военное время; в помощь же ему продолжать наряд двух Забайкальских сотен...

Предлагаемые перемены в организации кавалерии ограничиваются требованием о преобразовании теперешних двух Уссурийских конных сотен в регулярный 4-х эскадронный драгунский полк. Если первая Уссурийская конная сотня названа была казачьей, то поводом к этому послужило то обстоятельство, что первоначально она была сформирована из забайкальских казаков. В настоящее время, как первая, так и вновь формируемая вторая Уссурийская

сотня состоит не из казаков, а из солдат общего срока службы и комплектуется новобранцами на одинаковых условиях с регулярными войсками, почему сохранять на будущее время за

Уссурийскими конными частями характер казачьих не представляется никаких причин. Драгунский полк, который признается необходимым иметь в Южно-Уссурийском крае, вместо двух конных казачьих Уссурийских сотен, должен быть устроен во всем согласно организации драгунского полка, с допуском уклонения только относительно сорта лошадей, которые по необходимости будут ближе к типу малорослой казачьей лошади, чем к ремонтной строевой лошади, пока в крае не разовьется свое улучшенное коневодство.

Сформировать штаб Уссурийского драгунского полка и преобразовать 1-ю и 2-ю Уссурийские конные казачьи сотни в драгунские эскадроны признавалось бы соответственным теперь же; формирование же третьего и четвертого эскадронов полагалось бы произвести при посредстве командира полка, отложив до тех пор, пока не будут приготовлены полку все необходимые помещения в пункте его предполагаемого расположения...».

Программа генерала Анучина с главной идеей: создать Приморский драгунский полк, выдвинутая и обоснованная им в 1881 году, затем уточненная в 1883 году, была реализована лишь в 1898-м. За упущенные 17 лет обстановка изменилась, произошло несколько важных организационных преобразований. Так, в 1891 году 1-я и 2-я Уссурийские конные сотни были переименованы в 1-ю и 2-ю Приморские; в 1895-м 1-я и 2-я Приморские сотни были объединены в Приморский конный дивизион с местом дислокации в урочище Славянка. Вскоре, в мае 1896 года, дивизион был перемещен на новое место – в Раздольное.

Два года спустя был издан Циркуляр Главного штаба русской армии, где, в частности, говорилось, что «согласно донесению Приамурского начальства, Приморский конный дивизион переформирован в Приморский драгунский полк, четырехэскадронного состава, 2-го минувшего мая месяца». Таким образом, официальная дата создания Приморского драгунского полка – 2 мая 1898 года.

На учениях и в боевых действиях

Формирование Приморского драгунского полка после его образования в мае 1898 года продолжалось еще в течение двух лет. В 1899 году в полку появился 5-й эскадрон, сформированный из новобранцев, прибывших из Одессы пароходами Доброфлота. В этом же году, 4 марта, отношением № 2069 Штаб Приамурского военного округа был уведомлен протопресвитером военного и морского духовенства А.А. Желобовским, что «на вакансию священника в церковь Приморского драгунского полка им назначен священник 34-го драгунского Стародубовского полка о. Владимир Волочков». 13 июня 1899 года в полковой церкви состоялось освящение пожалованного Приморскому драгунскому полку знамени. На торжественном собрании присутствовал Командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант Н.И. Гродеков.

В 1900 году приведением Приморского драгунского полка в шестиэскадронный состав формирование этой, единственной на Дальнем Востоке, регулярной кавалерийской части было завершено.

До начала Первой мировой войны полк квартировал в Раздольном. Здесь для него были построены специальные помещения, отсюда он направлялся на сборы и учения, сюда возвращался после Китайского похода 1900–1901 годов и Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Одним из самых крупных учений был так называемый «подвижный сбор» 1899 года. Военные учения частей и соединений Южно-Уссурийского отдела проходили с участием войск Владивостокского гарнизона. Большие военные маневры продолжались с 25 по 30 августа в окрестностях ст. Надеждинская и на полуострове Муравьева-Амурского. Войска, принимавшие участие в учениях, были разделены на два отряда: Северный и Южный.

В состав Северного отряда входили: 14 батальонов Восточно-Сибирских стрелковых полков, 24 легких орудия, 16 горных орудий, 6 мортир, 7 сотен Забайкальского казачьего войска, одна рота Восточно-Сибирского саперного батальона и Приморский драгунский полк (5 эскадронов). Северный отряд на маневрах возглавлял командующий войсками генерал-майор Линевиц. Сборным пунктом отряда стала станция Надеждинская.

В составе Южного отряда были: 2 батальона 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 5 батальонов Восточно-Сибирских линейных полков, 16 орудий легких батарей, Уссурийская казачья сотня, одна рота Восточно-Сибирского саперного батальона. Командовал Южным отрядом генерал-майор Айгустов, сборным пунктом была деревня Городечная.

Учения прошли в соответствии с планом, изложенным в специальном приказе по войскам Приамурского военного округа № 337 от 12 августа 1899 года. Большое внимание было уделено соблюдению санитарных правил во время учений, для чего разработали «План устройства санитарной части на время подвижных сборов». Проведенные маневры показали хорошую подготовку разных частей войск, но выявили и серьезные недостатки, которые были отмечены в специальном приказе.

После маневров участились инспекционные поездки командных лиц по воинским частям Южно-Уссурийского края. Так, в конце 1899 года гарнизон Раздольного инспектировал генерал-лейтенант Н.И. Гродеков, который в отношении Приморского драгунского полка отметил следующее:

«Помещения полка хороши и люди размещены просторно. Конюшни хороши и хорошо содержатся. Манежи устраивают, окружая их валом из земли и навоза с воткнутым в него хвостом.

На выводке лошади были в хороших телах. Между лошадьми попадают уже несколько слишком старых, казачьего склада; не отвечают теперь общему составу лошадей полка. Пища была особенно хороша...

На полковых учениях замечено: люди были выведены в старых шинелях...

Все учение проходило на малых аллюрах и, тем не менее, лошади после учения сильно вспотели – признак, что поездки производятся недостаточно часто и слишком кратковременно (их делают только до 10 часов утра).

Вообще было мало стройности.

Одинокое управление конем в одном из осмотренных эскадронов весьма слабое. Даже офицер, чтобы подгонять свою лошадь, ударил ее шашкою. В карьер для рубки пошли только пять лошадей.

Рубка с коня неудовлетворительна, попадали по цели немногие. Большая часть лошадей не шла на крестовины с прутьями.

Много разговоров в строю. В то время, когда дано было оправиться, старшие офицеры подняли слишком громкий спор.

На пешем учении дистанции не соответствовали требованиям устава».

Отмеченные Н.И. Гродековым недостатки боевой подготовки полка устранялись учениями и тренировками как в гарнизоне, так и во время подвижных сборов. Очередной такой сбор должен был состояться летом 1900 года, но восстание ихэтуаней в Китае потребовало участия полка в боевых действиях. Китайский поход 1900–1901 годов стал первым боевым испытанием полка.

Волнения в Китае, направленные в целом против засилья иностранцев, были инициированы тайным обществом «И-хэ-цюань» (Кулак во имя справедливости и согласия); на знамени восставших был изображен сжатый кулак. Поэтому второе его название – «боксерское восстание».

В подавлении народных волнений принимали участие армии нескольких стран (Англии, Германии, Франции, США и др.). Активно действовала в этой ситуации и Россия, поскольку

с началом восстания возникла угроза завершению строительства Китайской Восточной железной дороги и появилась опасность вооруженного вторжения на территорию Приамурского военного округа. При получении первых известий о серьезных беспорядках на линии КВЖД в Приамурском крае началась мобилизация войск с организацией боевых мобильных подразделений.

В начале лета 1900 года Приморский драгунский полк в полном составе уже был в Китае. Два его эскадрона несли службу на Печелийском участке боевых действий на Пекинском направлении. Четыре эскадрона полка в составе Никольского отряда генерал-майора Н.М. Чичагова принимали участие в Североманьчжурской наступательной операции на Харбин. Приморские драгуны отличились при взятии китайской крепости Эхо в бою 20 июля 1900 года, когда был атакован укрепленный китайский лагерь недалеко от деревни Эхо. Бой с отрядом китайцев (1000 человек пехоты, 250 кавалеристов, 2 орудия) привел к его полному разгрому. Русские войска потеряли 8 драгун убитыми и 11 – ранеными.

«Такой исход боя был во многом следствием героизма Приморского драгунского полка. Когда китайцы, используя превосходство в силе, начали охват левого фланга отряда и открыли косопрямый огонь, 2,5 эскадрона драгун произвели решительную атаку обходящих китайцев и заставили их отступить» (Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны).

После подавления восстания ихэтуаней и окончания военных действий Приморский драгунский полк еще некоторое время находился в Китае. В середине 1902 года он возвратился в Раздольное, где продолжались обычные для мирного времени учения и смотры. В сентябре 1902 года командиром полка был назначен полковник П.П. Воронов, благодаря энергии и организационно-военному таланту которого эта воинская часть стала одной из самых благополучных в Приамурье – как по обеспеченности всем необходимым, так и по общевойсковой подготовке. Подтверждением тому служит характеристика, данная полку военным министром генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным, который в 1903 году посетил Дальний Восток «с целью ближайшего ознакомления во всех отношениях с положением и состоянием наших войск, и со всеми вопросами по Дальнему Востоку, имеющими отношение к военному ведомству».

По итогам своей поездки министр составил подробный отчет, который был опубликован в том же 1903 году в Санкт-Петербурге.

Та часть отчета, где изложены результаты инспектирования Приморского драгунского полка, дает возможность реально представить состояние полка как по обеспеченности жильем и подсобными помещениями, продовольствием, фуражом, обмундированием и снаряжением, так и по уровню обученности кавалеристов.

Перечислим основные пункты отчета военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина:

«Приморский драгунский полк (командир – полковник Воронов).

Казна истратила много денег, построив казармы и конюшни для 6 эскадронов. Кроме того, построено 21 квартира обер-офицерских, 4 штаб-офицерских и квартира командира полка. Офицеры не все обеспечены квартирами.

Главный недостаток стоянки драгун – нет хорошего плаца или местности для учений. Кругом с. Раздольного горы и болота. Общая нужда всего гарнизона – нет храма, но ныне уже решено храм построить.

Полковник Воронов представлял, что многого не хватает: нет помещений для нестроевых, учебной команды, музыкального хора, разведчиков, гауптвахты и пр.; нет военного собрания...

Конюшни дорогие: на эскадрон 27 тыс. руб., но много недостатков: почва кругом них болотистая и от дождей размокающая; недостаточно светло; нет помещений для седел...

Поручил генерал-майору Александрову заняться осушением площади для учений. Так как на нее претендуют крестьяне, то надо ее отстоять сношением с гражданским ведомством.

Командиру полка сказал, что полк останется в Раздольном и что ему надлежит приводить все в порядок при помощи полковых средств, на что он получил разрешение командующего войсками округа...

По моему приказанию Кавалергардского Ее Величества Гос[ударыни] Императрицы] Марии Федоровны полка полковник Бернов произвел подробный осмотр 6-го эскадрона во всех отношениях.

Осмотр привел к следующим результатам:

Представилось 5 офицеров, 135 нижних чинов (в том числе 43 человека молодых солдат) и 132 лошади.

Выправка нижних чинов и одиночное учение очень хороши. Держание оружия правильное. Вид людей бодрый и здоровый.

Чистота рук, ног и всего тела только удовлетворительна.

Белье грязно вымыто, его редко меняют; портянки грязные.

Неопрятность в уходе за телом и бельем объясняется тем, что баня, приспособленная самим полком из имеющегося свободного помещения, пришла в такую ветхость, что ее не представляется возможным поправить; люди редко бывают в бане; временная прачечная мала.

У нижних чинов христианского исповедания кресты имеются.

Ежемесячные врачебные осмотры нижним чинам полковым врачом и еженедельные наружные осмотры фельдшерами – производятся.

Нижние чины в строю были одеты в мундирах второго срока и полном снаряжении, состояние коих хорошее.

Эскадрон сидит на лошадях Сибирско-Томской породы, сложения крепкого, но несколько сыроватого; рост их до 2 аршин 4 ½ вершков, для данной местности велик (аршин – 0,7 м, вершок – 4,45 см-Ред.)...

Содержание лошадей хорошее, но тела не ровны. Ковка и содержание копыт хороши, причем соблюдается 6-ти недельный срок перековки.

Уход, чистка и зимняя втянутость лошадей в работу – хороши.

Перед строем офицеры ездят сноровисто и внимательно.

Общий состав людей эскадрона и молодых солдат – ездят и управляют конями хорошо. Посадка всех нижних чинов твердая и уверенная. Следовало бы пригонять стремена длиннее и ровнее; этой мерой достигалась бы более глубокая и однообразная посадка в седле, чем замечается в настоящее время в эскадроне.

Рубка прутьев и уколы производятся очень хорошо. Преодоление препятствий (барьера, вала, канавы) удовлетворительно.

Седловка и выючение производятся хорошо...

Все обмундирование оказалось хорошо пригнанным, в должном и достаточном количестве; замечено несколько узких и широких воротников и узких мундиров.

Сапог имеется у всех по две пары; из них новые сапоги не на всех пригнаны удовлетворительно; встречаются сапоги с неформенными узкими носками, высокими каблуками и неправильными подметками.

Конское снаряжение находится в хорошем состоянии. Седла драгунского образца имеются на полное количество штатного состава лошадей и по качеству и достоинству материала хороши.

Вооружение нижних чинов в хорошем состоянии и должном количестве; замечается только некоторый недостаток в принадлежностях. Совсем не заведены кольца из сыромятных ремней, служащие для правильной пригонки на всаднике винтовки и составление винтовок в козлы.

При обходе помещений, порядок и чистота в казармах найдены были везде хорошими.

Полк (в том числе и осмотренный эскадрон) помещается во вновь отстроенных казармах, которые по наружному виду кажутся прекрасно, прочно и весьма удобно устроенными, но нет умывальной комнаты, прочно устроенных отхожих мест, погребов для хранения продуктов, солдатской лавки, бани, прачечной, кузницы...

В помещениях нижних чинов имеются железные кровати с тюфяками и подушками, набитыми соломой. Все содержится в чистоте и освежается вовремя.

Конюшни теплые, воздух и вентиляции хорошие. Из конюшен устроен один лишь только выход незначительных размеров и притом закрытый тамбуром; в случае пожара вывод лошадей из конюшни будет крайне затруднен.

Пища, хлеб и квас, в дни смотров, были приготовлены вкусно и питательно...

Ежедневно нижнему чину дается: завтрак из чая и хлеба, обед – щи с 0,5 фун. мяса и каша; ужин – каша с салом; хлеба 3 фунта; квас по желанию, без меры (1 фунт – 0,45 кг. – Ред).

Корм лошадей – овёс, сено, также как и подстилочная солома, оказались хорошего качества».

Военный министр во время пребывания на Дальнем Востоке не ограничился только инспекционной проверкой воинских частей, учреждений и гарнизонов. По его инициативе были проведены большие двусторонние маневры для проверки качества боевой подготовки войск Приамурского военного округа. Маневры прошли под г. Никольском-Уссурийским и имели следующий план: на город вел наступление большой отряд противника со стороны с. Раздольного; участники маневров были разделены на атакующий Раздольнинский отряд и оборонительное соединение, которое разместилось в районе Фениной сопки как природной позиции, закрывающей подступы к Никольску. В составе атакующего отряда находился Приморский драгунский полк, который весьма успешно справился с поставленной задачей и сумел зайти в тыл позиции Никольского отряда. А.Н. Куропаткин дал высокую оценку действиям войск на маневрах.

С началом Русско-японской войны Приморский драгунский полк был отправлен на боевые позиции, где, по мнению историка В.Г. Дацышена, приморские драгуны выгодно отличались на фоне других частей.

После Русско-японской войны 1904–1905 годов и революционных событий 1905–1907 годов начавшаяся реорганизация русской армии коснулась и Приморского драгунского полка. По приказу командующего войсками Приамурского военного округа генерала Р.А. Хрещатинского в декабре 1905 года, еще до возвращения полка в Раздольное, был расформирован маршевый эскадрон полка. Офицеров и нижних чинов, призванных из запаса, перечислили в запас. Оставлены были нижние чины срока службы 1900 и 1901 годов. Полк прибыл в Раздольное на постоянные квартиры 15 февраля 1906 года, имея в своем составе девять эскадронов, нестроевую команду и штаб полка. В тот же день командир полка полковник Н.С. Плаутин был назначен начальником гарнизона с. Раздольное.

Реорганизация и передислокация производились и в последующие годы. Так, в 1907 году шесть эскадронов полка квартировали в Раздольном, в 1908-м полк временно находился лагерем при Никольске-Уссурийском, в 1910-м один эскадрон остался в Никольске, а сам полк квартировал в Раздольном. В том же 1910 году в Раздольном побывал сенатор А.А. Глищинский с ревизией по Высочайшему повелению. В отчете по итогам ревизии отмечалось, что «сосредоточенные здесь войска трехродов оружия не все одинаково удовлетворены необходимыми помещениями. В лучших условиях квартирования находится Приморский драгунский полк, имеющий кирпичные двухэтажные казармы и такие же офицерские флигеля».

В отчете были приведены описания основных осмотренных помещений:

«№ 36. Казарма для нижних чинов Приморского драгунского полка, постройки конца девяностых годов; здание кирпичное, двухэтажное, с каменным цоколем и окрашенной железной крышей; внутри оштукатурено; пол асфальтовый; разделено поперечными стенами с аркой в средней части на отделения; потолок по балконам сплошной; значительная часть печей в неудовлетворительном состоянии.

№ 28. Офицерский флигель на 4 квартиры, постройки тех же лет; здание двухэтажное, кирпичное с каменным цоколем и такой же отмосткой; с железной крашеной крышей; внутри оштукатурено, частью оклеено обоями; печи в сравнительном порядке.

№ 32. Конюшня постройки того же времени, здание каменное; швы расшиты; с крышей волнистого оцинкованного железа; имеет отмостку в одну сажень; внутри разделено на две половины; с каменным, хорошо уложенным полом и стояками; деревянные части удовлетворительны.

Весь полк размещен в однотипных кирпичных зданиях вполне удобно и просторно, однако, за отсутствием ремонта, здания приходят в расстройство и в настоящее время требуют в некоторых случаях довольно значительных исправлений. Имеющиеся хозяйственные постройки выстроены собственными средствами».

Последняя передислокация Приморского драгунского полка произошла в 1912 году, когда местом его постоянного расквартирования стало урочище Новокиевское. Отсюда в октябре 1914 года полк отправился на Первую мировую войну.

Около двух десятилетий существовал Приморский драгунский полк под руководством менявшихся друг друга 13 командиров. Дольше всех – около четырех лет – полком командовал полковник П.П. Воронов, выдающаяся личность в истории Дальнего Востока.

Командир полка Павел Воронов и его жена

Павел Павлович Воронов известен не только как командир прославившегося в военных действиях Приморского драгунского полка, но и как военный советник в Китае, оказавший действенную практическую помощь в формировании регулярной китайской армии.

Сотрудничество России и Китая в военной сфере в разные периоды истории отвечало интересам обеих стран. С одной стороны, это поддерживало Китай в противостоянии со странами Запада, с другой – усиливало русское влияние на азиатские страны. Так, в 1858 году Цинское правительство Китая приняло предложение российских специалистов о военно-технической помощи. Этому способствовала инициатива российского посланника Е.В. Путятина: «Китайское правительство должно видеть... что войско его с употребляемым ныне оружием не в состоянии противиться военным силам западных держав и что ему необходимо изменить все свое устройство, – говорилось в его заявлении. – ...Россия готова для этого помочь Китаю приобрести разные нужные ему военные материалы... прислав несколько хорошо знающих военное искусство офицеров, которые бы научили китайцев всем новым усовершенствованиям в военном деле» (Хохлов А.Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае...).

В 1890-е годы, когда после поражения Китая в войне с Японией появилась потребность в очередном реформировании китайских вооруженных сил, между Россией и Китаем было достигнуто соглашение о командировании военных специалистов в китайскую армию. Условия деятельности российских военных советников в Китае были согласованы дипломатическими службами стран, о чем сообщал министр иностранных дел М.Н. Муравьев: «Согласно выработанным... условиям, офицеры, командируемые нами в Китай...будут приниматься китайскими военачальниками не как нанятые за деньги учителя, но как командированные нами в виде особенного одолжения китайскому правительству офицеры русской армии, кои и будут руководить обучением китайских войск в качестве советников. Не будучи связаны никакими контрактами или иными обязательствами по отношению к сроку пребывания в Китае, или к порядку отправления служебных обязанностей, русские офицеры, таким образом, сохраняют за собой свободу действий... Офицеры наши не будут непосредственно подчинены китайским начальникам».

Военную миссию в Китай возглавил полковник П.П. Воронов, его кандидатура была согласована Министерством иностранных дел и военным как наиболее достойная по степени профессиональной подготовки и опыту в военном деле. К этому времени Павел Павлович Воронов уже имел награды: орден Святого Станислава 3-й степени, орден святой Анны 3-й степени, орден Святого Станислава 2-й степени, Черногорский орден Князя Даниила 3-й степени.

Павел Воронов родился 26 июля 1862 года в дворянской семье. В 1880 году он окончил Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду, служил командиром эскадрона в Лейб-гвардии гусарском Его Величества полку, в 1895 году получил звание полковника. Его назначение военным советником в Китай состоялось в 1897 году, при этом в распоряжении Главного штаба Воронову предписывалось: «Ваше высокоблагородие командуетесь в Китай к начальнику расположенного в Луте Китайского отряда генералу Не Шичэну... На основании соглашения с китайским правительством продолжительность пребывания Вашего в Китае не обусловлена никаким сроком и вполне зависит от усмотрения нашего правительства. Таким образом, Вы не будете непосредственно подчинены генералу Не Шичэну, а все вопросы, касающиеся Вашего положения при названном генерале, будут решаться соглашением между Цзунли ямэнем и нашей миссией в Пекине; все подробности исполнения возлагаемого на Вас поручения будут Вам выяснены нашим китайским посланником, советами и указаниями коего Вы обязаны руководствоваться. О Вашей деятельности вы обязаны доносить в Главный штаб».

Сестры Старцевы Евдокия (в центре) и Елизавета (справа) и их мужья Воронов (справа) и Токмаков

Русская военная миссия в составе полковника Павла Павловича Воронова, вахмистров Тимофея Запорожцева и Сидора Артамонова выехала в Китай в августе 1897 года. По прибытии российские военные специалисты разместились в поселке Лутай, рядом с городом Тяньцзинем; в марте 1898 года они начали проводить занятия в Кайпинской кавалерийской школе. Около двух лет длилась успешная работа по обучению китайских кавалеристов. Оценив достигнутые результаты, китайские власти обратились в Военное министерство России с ходатайством о награждении русских инструкторов. В результате в декабре 1899 года Воронов был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, а Запорожцев и Артамонов получили медали «За усердие». Впоследствии Воронов был удостоен китайского ордена Двойного дракона 3-го класса.

В Китае состоялось знакомство Павла Павловича Воронова с семьей предпринимателя – чаеоторговца и большого знатока культуры и истории Поднебесной Алексея Дмитриевича Старцева, который жил в Тяньцзине и был одним из самых влиятельных и состоятельных граждан города. Младшая дочь Старцева, Евдокия, стала женой Воронова. Венчал их в Воскресенском храме Токио епископ Николай Японский (Касаткин), о чем в его опубликованных дневниках есть соответствующие записи:

«18 июля 1899 г. – После литургии зашел бывший в церкви полковник Воронов, состоящий военным агентом в Пекине, и просил повенчать его с дочерью купца Старцева».

23 июля 1899 г. – В одиннадцать часов было в Соборе бракосочетание гусарского гвардейского полковника Павла Павловича Воронова с Евдокией Алексеевной Старцевой. Полковник был в своей великолепной гусарской форме, невеста не менее великолепно одета была в белый атлас и цветы... Новобрачные были, видимо, очень счастливы, и дай Бог соблюсти счастье сегодня на всю жизнь».

Молодой семье вскоре суждено было оказаться в зоне военных действий. Когда в 1900 году началось восстание ихэтуаней и активные бои шли в районе Тяньцзиня, Вороновы и члены военной миссии укрылись в укрепленной европейской концессии города. Осада китайцами этого района длилась около полумесяца. П.П. Воронов участвовал в отражении штурмовых

атак китайцев; его молодая жена, имеющая медицинское образование, как сестра милосердия помогала ухаживать за ранеными в городском госпитале.

Решающее сражение произошло 30 июня 1900 года, когда китайские части (повстанцы и армия) были разбиты и иностранные войска заняли город. До конца 1901 года Воронов оставался в Тяньцзине, некоторое время ему довелось быть губернатором города вместо заболевшего российского военного агента в Китае К.И. Вогака (после подавления восстания Тяньцзинем правили три губернатора: русский, английский и японский).

В 1902 году полковник Воронов был назначен командиром Приморского драгунского полка, с этого времени начался раздольненский период жизни семьи Вороновых – 40-летнего Павла и 24-летней Евдокии. За доблестное участие в военных событиях, связанных с восстанием ихэтуаней, Воронов был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, его жена – медалью на Георгиевской ленте.

О Евдокии Алексеевне Вороновой (Старцевой) сохранилось много свидетельств, характеризующих ее как отважную воительницу и профессиональную наездницу, как доброго и отзывчивого человека. Видимо, поэтому близкие знакомые и родные называли ее Душей. Она была хорошей помощницей мужу в его делах как медик и как переводчица.

Евдокия Алексеевна Старцева, в замужестве Воронова

О прекрасном владении ею китайским языком свидетельствовал писатель и китаист Дмитрий Янчевецкий, рассказывая о встрече с нею в Тяньцзине, в доме российского консула Н.А. Шуйского: «В нарядно убранной гостиной я встретил г-жу Поппе, супругу секретаря нашего консульства, и г-жу Воронову, супругу полковника Воронова. Когда в гостиную вошла престарелая ама-няня китаянка, со сморщенным добрым лицом, на маленьких остроконечных ножках, все дамы заговорили с ней по-китайски. Как они чудесно говорили... Моему восторгу китаиста, который несколько лет изучал этот заколдованный язык на Восточном факультете Петербургского университета и ничего не изучил, – не было пределов. В разговоре дам китайский язык звучал так же свободно, легко и красиво, как французский. Благодаря легкости языка, постоянному общению с китайской прислугой, особенно нянями, наши дамы в Китае, при желании и некотором труде, быстро усваивают этот язык.

Госпожа Воронова, дочь известного русского деятеля на Дальнем Востоке и китаиста Старцева, с детства говорящая по-китайски, владеет китайским языком в совершенстве. Если бы она пожелала произнести в Петербурге речь на китайском языке, она затмила бы весь Восточный факультет безукоризненной чистотой и красотой произношения, знанием духа языка и богатством воображений. Полковник Воронов неоднократно пользовался ее услугами в качестве переводчицы при сношениях с генералом Не Шиченом, который говорил, что редко встречал иностранцев, которые бы так блестяще владели китайским языком, как эта русская лингвистка».

Вороновы прожили в Раздольном, в мирной обстановке недолго, до начала Русско-японской войны. Когда Приморский драгунский полк в 1904 году отправился в Манчжурию, Евдокия Воронова (ставшая к тому времени сестрой милосердия и возглавившая созданный ею санитарный транспорт) сопровождала полк в военных действиях, даже на передовые позиции. Опыт, приобретенный Евдокией Вороновой во время боев в Тяньцзине, подсказал ей идею – создать мобильный транспорт, который мог бы следовать за кавалерийским полком до передовой линии и, подбирая раненых, доставлять их до ближайшего лечебного заведения. Эту идею она смогла реализовать, употребив на создание санитарного транспорта как собственные, так и пожертвованные средства. Самые большие пожертвования – 10000 рублей – поступили от Государыни Императрицы Александры Федоровны.

В санитарном транспорте Вороновой было 14 двуколок, из которых 10 имели оборудование для перевозки больных и раненых (двух лежа или четырех сидя), а четыре двуколки были предназначены для перевозки медикаментов, перевязочных средств и питательных припасов. Создателями этого транспорта стали ее муж, командир Приморского драгунского полка П. Воронов, начальник нестроевой команды полка Н. Квитко и капельмейстер Е. Браун. Однако душой большого и важного дела была сама «сестра Воронова» – так звали на фронте Евдокию Алексеевну.

Самоотверженная и неустанная работа санитарного транспорта Вороновой, на пределе сил и возможностей, зачастую под огнем неприятеля, спасла жизнь сотням и тысячам раненых и больных воинов. О личном бесстрашии Евдокии Алексеевны, ее умелых действиях в самых сложных обстоятельствах, постоянной готовности к самопожертвованию писали многие участники событий той войны. Своеобразный портрет сестры Вороновой создал П.Н. Краснов (тот самый генерал белой гвардии, казачий атаман, а ранее – известный военный журналист и публицист) в своих публикациях об отступлении русских войск к Хайчену в июле 1904 года:

«Это была какая-то необыкновенная сестра. Все ее спрашивали, всем она распоряжалась. Худенькая и стройная, молодая, загорелая, с изящными манерами, такая чистая, несмотря на окружающую ее обстановку, с русыми кудрями, выбивающимися из под косынки и шляпы, с темными соболиными бровями, тонким носом и ясными глазами, полными сострадания, – она как-то сразу запечатлевалась в памяти целым образом. Одна душа, казалось, в ней осталась, тело исчезло, так исхудала и так невещественна стала она... Ей бы полководцем быть, а не женщиной – столько физической силы в этом маленьком и воздушном теле!».

После окончания Русско-японской войны Приморский драгунский полк возвратился в Раздольное. Командир полка П.П. Воронов в 1906 году, уже будучи генерал-майором, получил новое назначение и навсегда расстался с Дальним Востоком. Он был прикомандирован к Главному штабу, с 1907 года командовал 2-й бригадой 11-й кавалерийской дивизии. В Первую мировую войну Павел Павлович Воронов принимал участие в Персидской кампании на Кавказском фронте.

Трудами военного инженера Вацлава Жигалковского

В Приморском крае немало городов и поселков, где краснокирпичные воинские постройки дореволюционной поры обращают на себя внимание строгой простотой композиции и одновременно разнообразием кирпичного дизайна фасадов. Такие казарменные городки есть во Владивостоке, в Уссурийске, Спасске-Дальнем, Барабаше, Краскино, Славянке и других населенных пунктах.

В поселке Раздольном, на протяжении почти всей длины 14-километровой улицы Лазо (как, впрочем, и на других улицах), можно видеть разноэтажные кирпичные постройки, где в прежние времена размещались воинские части квартировавших здесь 1-го Восточно-Сибирского Его Императорского Величества стрелкового полка, Приморского драгунского полка, Восточно-Сибирской роты искрового телеграфа, 6-й Строительной войсковой комиссии и другие. Несмотря на разнообразие казарменных построек по отделке и этажности, в целом они создают впечатление единого ансамбля. И это не удивительно – проектировал и строил основной комплекс кирпичных казарменных и офицерских жилых зданий в Раздольном талантливый военный инженер Вацлав Игнатьевич Жигалковский.

О казармах Вацлава Жигалковского, даже сто с лишним лет спустя после их постройки, специалисты говорят с пиететом. Вот лишь один из отзывов: «Раздольненские казармы являются одной из ярких архитектурных достопримечательностей на конечном участке Транссибирской железнодорожной магистрали. Группы казарменных зданий выстроены преимущественно в традиционном «кирпичном» стиле, обычном для построек подобного назначения, однако некоторые из них... в стиле «модерн» с элементами неоготики и обращенные к линии железной дороги, заставляют многих пассажиров проходящих мимо поездов подолгу задерживать на себе взгляд. Даже сейчас, несмотря на поздние искажения и перестройки, ансамбль воинских зданий на ст. Раздольное мало кого может оставить равнодушным» (Калинин В.И., Аюшин Н.Б., Лыньша О.Б. Военный инженер генерал-майор В.И. Жигалковский...).

Генерал-майор В.И. Жигалковский отдал службе в Южно-Уссурийском крае почти четверть века и за это время успел сделать много для блага края. Он выполнял проекты и строил крепостные сооружения во Владивостоке, казарменные городки в Барабаше, Черниговке, Уссурийске, Раздольном, а также православные храмы во Владивостоке и Уссурийске. Здесь, на Дальнем Востоке, он приобрел практический опыт военного инженера и архитектора, здесь у него появилась семья, родились дети.

Длительное, в течение 24 лет, пребывание уроженца западных районов России в Приморье – явление редкое. В жизни Жигалковского на восточной окраине России было много интересных событий, а в деятельности – немало высокопрофессиональных достижений и свершений.

Вацлав Игнатьевич Жигалковский родился 22 сентября 1859 года в г. Виннице Каменец-Подольской губернии в семье потомственного дворянина. После обучения в Киевской гимназии поступил в Константиновское военное училище в Санкт-Петербурге, которое окончил одним из лучших выпускников и в звании подпоручика был зачислен в Лейб-гвардии Павловский полк. Успешная четырехлетняя служба в полку позволила ему стать гвардейским офицером с хорошей перспективой карьерного роста. Но молодого офицера привлекала деятельность военного инженера, поэтому Жигалковский, основательно занявшись самообразованием, сумел поступить в старший класс Николаевской инженерной академии и в 1886 году получил чин штабс-капитана и звание военного инженера.

Местом его службы стал Дальний Восток. 28-летний В. Жигалковский был зачислен в штат Амурской инженерной дистанции с прикомандированием для производства строитель-

ных работ к Владивостокской инженерной дистанции. Во Владивосток он прибыл 7 марта 1887 года.

Суйфунская деревянная церковь, построена в 1871 г.

Жигалковскому сразу же были поручены строительные и инженерные работы. В период с 1888 по 1891 годы он выполнил проекты, по которым были построены на полуострове Назимова деревоземляные батареи, сыгравшие большую роль в защите внешнего рейда Владивостока на подступах к Золотому Рогу.

Одновременно с военным проектированием и строительством В. Жигалковскому пришлось заниматься сооружением Успенского Кафедрального собора. Постройка храма началась зимой 1887 года под наблюдением инженера-капитана И. Зеештрандта. В течение года был заложен фундамент, а в 1888-м завершилась кладка кирпичных стен. С 1889 года, в связи с отъездом Зеештрандта, окончанием постройки собора занимался В. Жигалковский. Под его руководством было произведено наружное и внутреннее оштукатуривание, настланы полы, сложены печи, устроены хоры, сделана лестница для хода на колокольню, изготовлены переплеты окон и двери.

При освящении собора присутствующие отмечали изящность пропорций здания, а также добротность исполнения отделочных работ: «Стены колонн и своды выведены из кирпича, причем пилоны и пяты сводов сложены на цементном растворе. Рамы окон и косяки сделаны из ясеня. Парапеты окон, в общем изображающие крест, окруженный венком в виде розеток, временно сделаны из кедрового дерева с разделкой их под яшень.

Полы храма выстланы кафелем разного цвета... Лестница в колокольне – чугунная на железных косоурах, она соединяет притвор храма с кладовыми и библиотекой, устроенной в колокольне...

Все лепные украшения внутри храма сделаны из особой китайской массы. Наружная отделка храма отличается простотой, очень мало тяг и круглых окон, однако барабаны глав отделаны более богато. Небольшое количество лепных работ, в виде крестов и листьев, разнообразят монотонность основных форм...» (газета «Владивосток», 23 сентября 1896 года).

Успенский Кафедральный собор был достойным украшением Владивостока, пока его не уничтожили в советское время. Вскоре после освящения собора (6 декабря 1890 года) В. Жигалковский за отличие по службе был произведен в капитаны (1 марта 1891 года). Некоторое время спустя он был переведен в Южно-Уссурийскую инженерную дистанцию и по роду службы подолгу жил в Никольске-Уссурийском. Здесь он проектировали строил казармы для воинских частей, квартировавших в городе. Высокий профессионализм Жигалковского как архитектора и строителя, его большая популярность в городе способствовали тому, что к нему нередко обращались с просьбами сделать проекты гражданских сооружений. Он не отказывал,

несмотря на большую занятость по службе. Так, благодаря таланту и стараниям Жигалковского в Уссурийске появились ряд его «гражданских объектов», некоторые из этих зданий прекрасно сохранились до сих пор и считаются настоящим украшением современного города.

Собор в Никольск-Уссурийске, начало XX в.

Сооружен по проекту В. Жигалковского и при его техническом надзоре

К сожалению, не уцелело здание первой каменной церкви села Никольского – Преображения Господня. Жигалковский безвозмездно сделал проект и построил ее в 1893 году на Никольском кладбище. Не сохранилась также, из-за ветхости, первая деревянная церковь села, где в 1894 году венчался сам Жигалковский и где были крещены его дочери – Татьяна (20 октября 1894 года) и Наталья (4 сентября 1896 года). Будучи католиком, Вацлав Игнатьевич венчался по православному обряду, так как его женой стала Александра Викторовна Курсель, православного вероисповедания, дочь командующего войсками Южно-Уссурийского отдела Приамурского военного округа генерала-майора В.М. Курселя.

Жигалковский с семьей был участником строительства Свято-Никольского собора в селе Никольском. В 1894 году Вацлав Игнатьевич безвозмездно составил проект нового, самого большого в Южно-Уссурийском крае храма. Торжественная закладка его состоялась 4 сентября 1894 года. В течение нескольких лет, пока шло строительство, Жигалковский безвозмездно осуществлял архитектурный и технический надзор. Свято-Никольский собор был освящен в торжественной обстановке 12 января 1901 года.

Об облике нового храма и его некоторых особенностях тогда сообщали «Владивостокские епархиальные ведомости»: «Собор выстроен в русском стиле, в традициях московско-ярославского зодчества XVII века. Величественный храм имел форму креста, высота его от пола до купола составляет 51 метр. Купола покоятся на восьми сложенных из дикого камня пилонах, искусно скрытых в углах здания. Казалось, что купол парит, едва опираясь на стены. Внутреннее убранство храма отличается великолепием, красивый иконостас заказан в Москве, как и светильники».

Почти все газеты края поместили публикации о торжествах в Никольском, связанных с освящением собора. Первое торжественное богослужение 12 января 1901 года в новом храме служил архиепископ Владивостокский и приморский Владыка Евсевий. Сразу же после его

завершения благодарные прихожане преподнесли Вацлаву Жигалковскому икону, а Владыка Евсевий благословил его. «Это была, пожалуй, наивысшая честь, которая может быть оказана в православном храме католику» (газета «Владивосток» от 21 января 1901 года). Советское атеистическое время не пощадило Свято-Никольский собор – он был уничтожен в 1930-е годы.

К счастью, в современном Уссурийске сохранились два здания, спроектированных и построенных В.И. Жигалковским для нужд верующих. Одно из них – подворье женского Рождество-Богородицкого монастыря (нынешний его адрес – ул. Амурская, 69); второе – церковно-приходской школы (расположено по адресу ул. Краснознаменная, 80).

Известно, что первая церковно-приходская школа в селе Никольском открылась в 1884 году, она размещалась в деревянном здании. Через десять лет школа оказалась мала, появилась острая потребность в новом, более просторном помещении. Жители села Никольского, желая отметить важное событие в истории России – коронацию на царствование Императора Николая II, решили на общем сходе в память об этом построить каменное здание церковно-приходской школы, где могли также разместиться библиотека и помещение для народных чтений. Священник о. П. Мичурин организовал сбор средств на строительство среди крестьян, купечества, предпринимателей, служащих. Проектирование школы поручили военному инженеру В.И. Жигалковскому. В 1896 году новую школу уже освятили. Несмотря на то что здание было одноэтажное и относительно небольшое (длина 30 метров, ширина – 16, высота – 5), оно выглядело нарядно, было украшено оригинальным архитектурным декором, созвучным с русским зодчеством XVII века.

В настоящее время здесь находится городской историко-краеведческий музей Уссурийска. Мемориальная доска на главном фасаде извещает, что здание является памятником архитектуры XIX века. Этот город хранит память о замечательном инженере-строителе В.И. Жигалковском и в других своих архитектурных объектах. Так, он принимал участие в составлении проекта застройки восточной части Уссурийска (1893 год), осуществлял технический надзор (1900 год) за работами по реконструкции моста и дамбы, связывающих Уссурийск с железнодорожной станцией.

В эти же годы Жигалковский руководил строительством воинских зданий разного назначения в Черниговке, Славянке, Барабаше. Но, как считают многие исследователи, главным делом профессиональной жизни Жигалковского в этот период было проектирование и строительство комплекса кирпичных казарменных зданий в Раздольном. Этими работами он начал заниматься в 1899 году, уже имея звание подполковника. Как гласит послужной список, деятельность Жигалковского в Раздольном была завершена в 1901 году. С этого времени он занимался строительством Владивостокской крепости. В 1902 году за отличие по службе Жигалковский был произведен в полковники, назначен Строителем Владивостокских укреплений и Начальником инженеров Владивостокской крепости. Деятельная, инициативная работа Жигалковского, особенно во время Русско-японской войны, была оценена по достоинству: его наградили орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1904 год) и орденом Св. Владимира 3-й степени (1906 год).

«Работы, выполненные за время войны по усилению Владивостока под руководством полковника Жигалковского, вынудили японцев отказаться от планов перенесения военных действий на территорию Южно-Уссурийского края и осады Владивостока. Крепость сыграла, таким образом, свою стратегическую роль, не сделав ни одного выстрела по врагу» (Калинин В.И., Аюшин Н.Б., Лынша О.Б. Военный инженер генерал-майор В.И. Жигалковский...).

После окончания войны в 1905 году В.И. Жигалковский строил в крепости новые казарменные здания, дороги, мосты и другие объекты военной инфраструктуры. В 1909-м он за отличие по службе был произведен в генерал-майоры.

Дальневосточный период жизни Вацлава Игнатьевича Жигалковского закончился в 1910 году, когда он был переведен в Батум начальником инженеров Михайловской крепости. В том

же году он вышел в отставку. О дальнейшей судьбе выдающегося военного строителя и архитектора В.И. Жигалковского достоверных сведений пока не найдено. Известно лишь, что в 1917 году он жил с семьей в Петербурге.

«Тенор» от коннозаводчика Михаила Янковского

Имя Михаила Ивановича Янковского широко известно и на Дальнем Востоке России, и на Западе. В его честь названы полуостров в заливе Петра Великого, несколько видов бабочек, птиц, растений, археологическая культура юга Приморья. Помимо исследовательских работ в области климатологии, ботаники, зоологии, орнитологии, археологии М.И. Янковский известен также своими уникальными достижениями в хозяйственной деятельности.

На полуострове Янковского, на берегу бухты Сидими (ныне бухта Нарва. – *Ред.*), более сорока лет располагалось многоотраслевое хозяйство Янковских. Именно здесь была выведена особая порода – так называемая «лошадь Янковского»; здесь высаживались кедры, разводились фруктовые сады и пятнистые олени, искусственно выращивался женьшень.

В настоящее время на месте бывшего конного хутора, в современном поселке Безверхово, стоит памятник Михаилу Ивановичу Янковскому с надписью: «Он был дворянином в Польше, каторжником в Сибири, нашел приют и славу в Уссурийском крае. Содеянное им пример будущим хозяевам земли». Автор этих слов, известный приморский исследователь-краевед Борис Алексеевич Дьяченко, с большой точностью выразил выдающееся значение деятельности Янковского на благо Дальнего Востока России.

Отрасль коневодства была важной для Южно-Уссурийского края, поскольку лошади требовались для работы в крестьянских хозяйствах, для перевозки грузов и пассажиров, а также для армии – в кавалерийские и артиллерийские части. М.И. Янковский весьма преуспел в этой области. Выращенные на его хуторе лошади получили высокую оценку после того, как участвовали в военных действиях в Китае: при подавлении «боксерского восстания» в 1900–1901 годах и в Русско-японской войне 1904–1905 годов. С его же конного завода поступали лошади в Приморский драгунский полк, квартировавший в Раздольном.

Полную характеристику коневодческому хозяйству Янковских дал Г.А. Суханов на страницах журнала «Приморский хозяин» в 1914 году. Б это время хозяйством в Сидими руководил сын М.И. Янковского – Юрий. Автор статьи Григорий Александрович Суханов – старший сын более известного А.В. Суханова, крупного приморского чиновника; он сам занимался фермерским хозяйством, основав процветающую молочную ферму. Вот выдержки из этой публикации:

«В настоящем году исполняется 35-летие основания одного из старейших хозяйств Приморской области: конного завода Ю.М. Янковского на Сидими... Посетив в прошлом году это хозяйство, вблизи которого четыре года тому назад пришлось самому заниматься сельским хозяйством, пришел к убеждению, что до сего времени, это единственное в крае хозяйство, как по качеству и количеству имеющегося материала, так и продуктивной, культурной работе.

Конный завод находится в Посьетском участке на полуострове Янковского. Основан в 1878 году... Все жилые и хозяйственные постройки разбросаны в живописном порядке среди липовых и дубовых рощ.

Центр усадьбы составляет 2-х этажный дом – жилище владельца хутора и от него радиально расходятся другие постройки: молочная, ледник, кузница, баня, помещение для рабочих-конюхов, птичник, свинарник, скотный двор, погреба, обширные теплые и свободные конюшни для маток и жеребцов производителей.

Все постройки сделаны из саманного кирпича фундаментально и, отличаясь дешевизной и изяществом, соединяют с себе прочность и сухость, что особенно важно в здешнем климате... Здесь всегда под рукой можно найти глину, песок и солому, они являются самыми дешевыми, огнестойкими и практичными постройками. Необходимо только тщательно следить за правильной прессовкой и сушкой такого кирпича. На заводе такие постройки стоят более тридцати лет...

На заводе устроен прекрасный манеж и скаковой круг, где лошади под наблюдением американского тренера проходят школу выездки и тренируются для скачек и бегов» (Суханов Г. Конный завод и оленеводство на полуострове Янковского...).

Конный хутор в Сидими был создан благодаря инициативе, знаниям, упорству, целенаправленности Михаила Ивановича Янковского, его сына Юрия и при большой поддержке администрации края. В многочисленных публикациях, основанных на архивных документах, приводятся сведения о трудностях становления коннозаводства в Южно-Уссурийском крае.

В середине 80-х годов XIX века, после образования Приамурского генерал-губернаторства, когда активизировался процесс переселения из Европейской России на Дальний Восток, стало очевидным, что одним из условий будущего процветания края должно быть развитие коннозаводства. Это положение стало частью общегосударственной политики, выработанной в ходе реформ, в том числе и в военном деле. В 1881 году было учреждено Главное управление государственного коннозаводства, которое утвердило в 1884 году Положение о комплектовании войск лошадьми. В стране создали сеть государственных конных заводов, регулярно проводились военно-конские переписи, учитывавшие все поголовье; повсеместно создавались Общества поощрения коннозаводства. Главной целью этой государственной политики в области коннозаводства было выведение военной и земледельческой пород лошадей.

На Дальнем Востоке и в том числе в Южно-Уссурийском крае положение с поголовьем лошадей как в армии, так и в сельском хозяйстве было неблагоприятным. Здесь имелись монгольские и маньчжурские лошади, малорослые и физически слабосильные, хотя, надо сказать, они были хорошо адаптированы к местным природным условиям. Породистые привозные лошади стоили очень дорого, их было крайне мало, а потребность армии в верховых и упряжных лошадях постоянно росла.

Проблемами разведения, доставки и улучшения породы лошадей в Приамурском крае занимался генерал-губернатор А.Н. Корф. Он неоднократно в течение 1891–1892 годов обращался в Петербург к Управляющему государственным коннозаводством графу И.И. Воронцову-Дашкову с просьбой выслать жеребцов и кобыл для разведения и улучшения породы лошадей в Приамурье. Он же оказывал содействие М.И. Янковскому в устройстве конного хутора в Сидими, в получении земельного надела, в транспортировке купленных в Томске лошадей на Дальний Восток.

О том, как начинался конный завод, Михаил Иванович подробно рассказал в своем очерке «Опыты коннозаводства в Южно-Уссурийском крае на конном хуторе М.И. Янковского...», опубликованном в Санкт-Петербурге в 1896 году:

«Известно, как трудно подобрать первоначальный состав маток для завода даже в местности, изобилующей лошадьми, и при наличии конских заводов. Какой же можно было иметь выбор тогда в Южно-Уссурийском крае? Самая ценная здесь томская рабочая лошадь, по своей тяжеловесности не могла служить материалом для выработки из нее желательного местного типа. Тут нужна лошадь поворотливая и энергичная, которая могла бы одолевать крутые горы и вместе с тем умела бы не завязнуть в болоте. Пришлось остановиться на матках исключительно восточно-сибирского происхождения, несмотря на их малый рост, т. е. забайкальских, маньчжурских и корейских... Я купил для первого опыта 2 корейских, 4 маньчжурских и 4 забайкальских маток... Первым производителем для этой мелюзги был куплен рыжий жеребец Атаман 2 арш. 1 верш. [144 см. – *Ред.*], родившийся во Владивостоке в Морском экипаже в 1874 году от томской более легкого типа матки и забайкальского жеребца, т. е. от лошадей из числа первых, привезенных во Владивосток... Атаман имел все данные, чтобы дать серию дочерей, долженствующих служить первой ступенью для последующих скрещиваний с заводскими жеребцами».

Когда подросли кобылки, рожденные от Атамана, Янковский приобрел у иркутского купца Игнатьева вороного жеребца рысистой породы – Визапура. На Сидиминском хуторе ему

была дана добавочная кличка «Вор оно-Крыло», которая за ним закрепилась лучше, чем первая, из-за его чисто вороной масти, без всяких отметин.

Это было очень полезное приобретение М.И. Янковского. Как он сам отмечал: «Жеребец оказался весьма удачным. При очень живом темпераменте, ловкости и быстроте поворотов и движений, он был добронравен, послушен, силен, вынослив в продолжительной езде. При всем этом хорошо сложен, красив и осанист под седлом и в упряжи.

Все свои качества он в сильной степени передавал потомству... С 1884 по 1896 гг. от него родилось около полутора ста жеребят. Жеребчики в четырехлетнем возрасте охотно покупались в войска и ценились городскими жителями за их крепкие ноги и хорошую службу. Дочери же, за очень малым исключением, почти все поступали... в заводские матки.

Жеребец этот по справедливости заслужил название основателя породы на первом в крае заводе... Не считая проданных и выбывших от разных случайностей в период 12-летнего пребывания его на заводе... в числе 146 маток, состоящих по описи 1-го января 1896 г., находится 56 его дочерей и 25 внучек, итого 81 матка его крови».

В 1886 году конный завод в Сидими получил чистокровных арабских лошадей. Это были жеребец Саиб и кобыла Эльмаска от завода графа В.А. Браницкого; их доставили из Одессы пароходом Добровольного флота «Царь». Это был первый опыт перевозки лошадей из европейской России в Приморскую область морским путем. Из потомства Саиба получились хорошие верховые и пристяжные лошади. Конный завод М.И. Янковского развивался успешно, несмотря на невзгоды и временные неудачи: нападение тигров на жеребят, ограниченность пастбищ, болезни, занесенные из соседних азиатских стран.

Увеличивающийся со стороны воинских частей спрос на лошадей Янковского заставлял владельца расширять производство. С этой целью он в 1891 году предпринял поездку в Западную Сибирь для закупки там на рысистых заводах, а также у населения производителей-жеребцов и кобылиц. Поездка затянулась на десять месяцев из-за плохих сибирских дорог, трудностей с переправами через реки и озеро Байкал, нехватки транспорта во время сплавов по рекам. О сложностях транспортировки табуна свидетельствует архивный документ – телеграмма, посланная Михаилом Янковским 7 мая 1892 года из Читы в Хабаровск, на имя Приамурского генерал-губернатора:

«Прибыл в Читу из Томска со ста шестьюдесятью лошадьми, в числе их находится девять жеребцов кровных, двадцать четыре полукровных и простых, и шестьдесят маток для развития коннозаводства в Уссурийском крае. Остальные лошади в большинстве подъемные для батальонов. Поплыву из Читы в Благовещенск на плотах. Товарищество Амурского пароходства ввиду совпадения моего прибытия с новобранцами отказывает мне в баржах до Хабаровки и по Уссури до конца июня. Между тем, местность от Благовещенска до Хабаровки и по Уссури заражена бывшей там сибирской язвой, в жаркое время дорогою небезопасна: трава, сено, дальше овод, которого не выдержат кровные и другие более неясные лошади. Весь успех зависит от возможностей поспешности провоза лошадей до жаркого времени из Благовещенска, куда прибуду в конце мая, иначе с большими трудами и затратами дело может погибнуть. Почему честь имею покорнейше просить начальнического распоряжения Вашего Высокопревосходительства разрешить мне занять пароход и нужные барки под лошадей, из назначенных под другие терпящие некоторую отсрочку грузы. Покорнейше прошу не оставить меня резолюцией по адресу: Сретенск, Янковский».

Исполняющий обязанности Приамурского генерал-губернатора генерал-майор А.С. Бенецкий весьма оперативно отреагировал на это ходатайство. Уже 12 мая 1892 года, т. е. через пять дней после получения телеграммы, он направил депешу директору Товарищества Амурского пароходства в Благовещенске:

«Янковский сплавляет в Благовещенск к концу мая сто шестьдесят лошадей. Если в ожидании свободных барж задержите означенных лошадей целый месяц в Благовещенске, откуда

далее будут перевозиться в самую жару по зараженным сибирской язвой местам, то лошади, наверное, выпадут в разорение честного полезного деятеля и в крайний подрыв развитию коневодства, а потому убедительно прошу, не признаете ли возможным согласиться с Янковским и за его счет зафрахтовать пароходы для новобранцев, а баржи назначить под его лошадей до Буссе, откуда может направить гоним».

Несмотря на трудности транспортировки, табун прибыл в Сидими осенью 1892 года без больших потерь.

Деятельность конного завода требовала немалых затрат, особенно в первое десятилетие. Средства для этого М.И. Янковский получал от других видов хозяйственной деятельности: разведения пятнистых оленей, выращивания женьшеня, рыболовства, охоты. Некоторый доход был от поставок мяса в воинские части, прежде всего в Раздольное, где квартировали Приморский драгунский полк, 1-й Восточно-Сибирский Его Величества стрелковый полк и другие воинские подразделения. Не всегда поставка мяса происходила благополучно. Так, осенью 1895 года газета «Дальний Восток» в нескольких номерах разместила сообщение о том, что в Раздольном разгорелся спор между крестьянами и доверенным Янковского – неким Бердовым.

В первой публикации (27 октября 1895 года), под заголовком «Из жизни окраины», газета сообщила, что 5 октября из деревни Фроловки, отстоящей от Раздольного в 200 верстах (Сучанская долина), в сопровождении шести крестьян – владельцев скота, прибыло стадо в 37 голов. Крестьяне утверждали, что им был обещан расчет в три дня, но доверенный Янковского заявил, что скот будут забивать постепенно, по мере надобности гарнизона, т. е. примерно в течение месяца. Один из фроловских крестьян с негодованием заявил корреспонденту газеты: «Разве мы уж такие дураки, чтобы, имея в виду отлучиться из дома, даже позабыли узнать, на какой срок отлучаемся? У нас ведь есть свое хозяйство, требующее постоянного надзора, без которого даже этой скотины у нас не было бы».

Приведя в публикации мнения крестьян и доверенного Янковского, корреспондент вынес спорный вопрос о сроках оплаты крестьянам на суд читателей. Вскоре в газете появилось «Письмо в редакцию», подписанное М.И. Янковским:

«...20 сентября начальник Южно-Уссурийского округа лично предложил мне покупку скота на Сучане у крестьян, пострадавших от наводнения, но с тем условием, чтобы гарантировал покупную цену не менее 3 руб. 50 коп. за пуд, которая там практиковалась.

Посланный мною туда доверенный Червов через посредство местного сучанского пристава объявил крестьянам цену 4 руб. за пуд и, поручив производство самой покупки доверенному Бердову, сам возвратился во Владивосток.

В короткий срок было куплено Бердовым 226 голов рогатого скота. При покупке вес определялся по взаимному соглашению, в живом скоте. Но некоторые крестьяне не согласились с покупателями в определении веса таким путем и пожелали присутствовать при убойе своего скота, чтобы вес мяса проверить лично...

Им было обещано за прогон до с. Раздольного, сверх платы за мясо, по рублю со скотины. Первым таким гуртом, состоящим из 37 голов скота при 6 крестьянах, был гурт, прибывший в Раздольное 5 октября».

Далее в своем письме М.И. Янковский утверждал: Бердов предупреждал крестьян, что убой скота будет производиться по мере потребности батальона, и что первый из хозяев скота может получить расчет через три дня, а остальные должны дожидаться своей очереди. Закончил свое письмо в редакцию Янковский рассуждением, что крестьяне «не маленькие» и должны понимать, что для нужд батальона убить за 3 дня 37 голов скота невозможно.

Еще в двух последующих номерах газеты были опубликованы краткие заметки, в которых комментировался спор между Янковским и крестьянами из Фроловки. Подводя итог, редакция приняла сторону крестьян. Эта публикация является, по-видимому, единственной известной на сегодняшний день негативной оценкой деятельности М.И. Янковского. В изложенных

событиях много неясного; возможно, будущие исследователи смогут восстановить истинность произошедшего.

Занимаясь поставками мяса в города и армейские части Южно-Уссурийского края, М.И. Янковский закупал скот не только у местных крестьян, но и за рубежом. Разумеется, он вел постоянный учет прибывающего из-за рубежа скота и анализировал возможности увеличения закупок скота, избегая при этом заразных болезней, которые часто появлялись в Китае и Корее. В феврале 1891 года он составил для администрации края обстоятельную характеристику «мясного вопроса» со своими выводами и предложениями:

«По сведениям, почерпнутым от пристава Посьетского участка, ветеринарного врача Митта и приходящих из-за границы корейцев, а также по многим собственным расчетам и соображениям, положение мясного вопроса в настоящее время выражается в следующем:

За 1890 год было пригнано в наш край из-за границы всего скота 10 тысяч голов, в том числе через Суйфунскую границу 2400 и через Посьетскую (включая примерно 600 контрабандистов) – 7600 голов. Из этого числа пошло на убой 9200, а остальные 800 – для работ у сельского населения. Из 9200 убойных, 4700 было потреблено округом, а 4500 – городом Владивостоком. Около половины всего вгонного скота приходилось на корейский и столько же – маньчжурский скот.

За последнюю осень и зиму пало от чумы в Северной Корее около 3000 голов, чума не прекратилась и продвигается на юг.

Вследствие затруднений в прогоне маньчжурского скота зимой из Гирина (бескормица) и чумы в Корее, в январе нынешнего года прошло через Хунчунский карантин, вместо обычных 600, только 200 голов, а в бытность мою в Новокиевске 3 февраля сего года в карантине был всего один гурт, состоящий из 12 голов, и тот был зачумлен.

Ввиду увеличения еще расхода на мясо с прибытием эскадры и началом постройки железной дороги, в числе ближайших мер было бы весьма важным исходатайствовать от Корейского правительства разрешения вывозить скот из порта Фузан.

Еще южнее лежит порт Макни, изобилующий скотом, и хотя он до сих пор не открыт для иностранной торговли, но по недалекому расстоянию его от Фузана (около 200 верст) скот тамошний может быть тоже направлен сухим путем к этому последнему».

Торговля мясом не была основным занятием Янковского, а лишь средством получения доходов для развития конного завода. Именно это хозяйство было главным, и оно требовало постоянного внимания и затрат на пополнение табуна породистыми производителями. В 1896 году Михаил Иванович привез из европейской России морским путем двух жеребцов. Один из них – Крит, чистокровный английский скакун, был подарен заводу Управляющим государственным коннозаводством, графом И.И. Воронцовым-Дашковым. О втором М.И. Янковский сообщал: «Вороной жеребец Алмаз – завода Вячеслова, прекрасного могучего склада и с большим огнем, выбранный лично мною в Москве из числа многих рысистых четырехлеток с целью получить от него хороший приплод для артиллерии. Он хорошо перенес путь от Одессы до Владивостока, но весной, покрыв только четырех маток, пал скоропостижно от паралича».

Конный завод в Сидими был затратным хозяйством, не приносящим прибыли в течение первых 19 лет, о чем писал Янковский в одной из своих публикаций: «В течение 19 лет затрачено 180678 руб. выручено от продажи лошадей 39460 руб. Средняя стоимость содержания одной лошади в год от 122 рублей к 1897 году дошла до 27 руб... 1897 год дал первый доход».

В совершенствовании работы конного завода М. Янковского особую роль сыграл его старший сын Юрий, помощник отца во всех его начинаниях; около трех лет Ю. Янковский обучался в США фермерскому делу, передовым методам ведения хозяйства. Он прослушал курс лекций в сельскохозяйственном институте города Сент-Луиса, работал некоторое время ковбоем в Техасе. Возвращаясь из США в 1902 году, он привез из Сан-Франциско четырех чистокровных производителей, чем «фактически положил начало классическим бегам и скачкам

на ипподроме» Владивостока (Троицкая Н.А. Янковские и развитие коннозаводства в Приморье...).

В первое десятилетие 1900-х годов конный завод Янковского стал общепризнанным поставщиком лошадей в сельское хозяйство края и в армейские части – в кавалерию, артиллерию и обоз. На всех выставках и конных соревнованиях лошади Янковского всегда получали награды и занимали призовые места.

Адъютант Командующего войсками Приамурского военного округа, ротмистр фон Веттерштранд в своем докладе от 28 июня 1903 года представил подробный отчет о заводе Янковского: «Завод основан 22 года назад... В настоящее время есть производитель из Америки – кровный англичанин Бангор шести лет, англо-араб Витязь 1900 года рождения, шесть производителей смешанного типа; маток 170, из них две кровные арабские, полукровных – 78, и 98 – простых кровей...

Лошади Янковского, в особенности упряжного сорта, распространены в крае повсюду. Его лошади разнотипны и разномастны, но, в общем, хороши, добронравны, выносливы в работе и мало прихотливы на корм, другими словами, Янковский создал улучшенную местную лошадь, совершенно удовлетворяющую нужды местного населения.

Среди этих лошадей встречаются экземпляры очень резвые, элегантного экстерьера, вполне годные под офицерское кавалерийское седло. Завод ежегодно дает по 80 жеребят, согласно контракту между казной и М.И. Янковским, на 4-й год по заключению контракта он обязуется поставлять по 60 лошадей для кавалерии, артиллерии и под офицерское седло» (РГИА ДБ. Фонд 702. Опись 5. Дело 19. С. 171–171 об.).

В этом же отчете были перечислены восемь лошадей Янковского в Приморском драгунском полку в Раздольном: Отважный, Орган, Оператор, Отгон, Отруб, Областной, Опекун, Орханий. Здесь названы только офицерские лошади, а в целом в драгунском полку конный завод Янковского был представлен гораздо шире.

Отзывы о лошадях Янковского были только положительные, особенно после участия полка в военных действиях. Так, после подавления восстания ихэтуаней в Китае 1900–1901 годов, газета «Приамурские ведомости» в номере от 25 февраля 1902 года сообщала: «Во время маньчжурского похода самыми выносливыми из лошадей Приморского драгунского полка оказались лошади, купленные полком у местного коннозаводчика М.И. Янковского». Поэтому вполне заслуженно М.И. Янковский был награжден медалью за участие в маньчжурском походе, хотя сам лично участия в боевых действиях не принимал.

Во время Русско-японской войны лошади, приобретенные на заводе Янковского, показали себя так же хорошо, как и в маньчжурском походе; они были лучшими по выносливости, в преодолении различных препятствий, в скорости во время кавалерийских атак. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы и характеристики, зафиксированные документами. Один из таких отзывов принадлежит Ивану Павловичу Надарову, который в 1880-е годы, занимая должность правителя канцелярии при Военном губернаторе Владивостока, предпринял несколько исследовательских и инспекционных поездок по Южно-Уссурийскому краю, что нашло отражение в его обстоятельных трудах. В 1904–1905 годах он, имея звание генерал-лейтенанта, принимал участие в Русско-японской войне. В собрании документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока сохранились два послания И.П. Надарова:

«1904 г. Его Высочородию М.И. Янковскому, коннозаводчику Приморского генерал-губернаторства...

Ваши лошади в походе так же хороши, как были и всегда... Ив. Надаров».

«Дорога на Фень-шуй-линь невозможно плоха... «Тенор», на котором я совершил весь этот тяжелый поход, перенес его прямо-таки молодцом. А ведь в этих захолустных деревушках ему приходилось довольствоваться одной соломой. На обратном пути из 15 коней, составляв-

ших наш отряд, трех лошадей пришлось бросить на дороге, а мой «Тенор» дошел, как ни в чем не бывало. Когда я въезжал в Ляоянь, не было ни одного человека, который бы не остановился и не похвалил «Тенора». Ко мне приходили уже много раз его покупать. Давали и 500 и 600 рублей, но я не продал бы его и за двойную цену. Он моя гордость.

Генерал-лейтенант Надаров. 1904 г.».

Подобные отзывы и многочисленные дипломы, полученные на выставках и скачках, были заслуженной оценкой трудов М.И. Янковского. Он имел также и государственные награды. В 1912 году Государь Император пожаловал ему орден Святого Станислава 2-й степени, о чем сообщили все дальневосточные газеты, в том числе «Дальний Восток» от 8 января 1912 года:

«Государь Император, по представлению Главного начальника края, 28 ноября всемиловитивейше соизволил пожаловать коннозаводчику, потомственному дворянину М.И. Янковскому за особо полезные труды по его коннозаводству и оказываемое Приморскому обществу поощрения коннозаводства в течение десятилетнего существования его широкое и всестороннее содействие – орден Св. Станислава 2-й степени».

Конный завод в Сидими в течение многих лет успешно действовал под руководством Михаила Ивановича Янковского. С 1904 года эту работу возглавил его сын – Юрий Михайлович; спустя шесть лет, в 1910-м, завод начал производить местную кавалерийскую лошадь, которая не имела конкуренции на Дальнем Востоке и в Сибири. «К 1917 году общее поголовье лошадей на заводе составляло 600, 100 из них относилось к чистокровным верховым, 100 – к рысакам, небольшое количество к арабской и першеронской породам, остальные к полукровным лошадям для поставки в армейские части» (Бабцева И.И. Из истории коневодства в Приморье...).

Конный завод в Сидими успешно развивался до 1922 года. После установления Советской власти семья Янковских эмигрировала в Корею, завод был национализирован.

В 1924 году решением Дальревкома по представлению Дальплана бывший завод Янковских, уже как Областной государственный конный завод, был переведен в Шкотово, где через несколько лет перестал существовать.

Дальневосточная юность маршала Буденного

Имя прославленного командарма легендарной Первой Конной армии в годы Гражданской войны, полного Георгиевского кавалера Первой мировой, Маршала и трижды Героя Советского Союза Семёна Михайловича Буденного широко известно благодаря его воинским заслугам и многочисленным публикациям о нём.

В годы Гражданской войны его узнала вся страна, когда Первая Конная армия защищала молодую Советскую республику. С.М. Буденный стал народным героем, одним из первых был награжден боевым орденом Красного знамени, третьим из советских военачальников он удостоился Почетного золотого революционного оружия – шашки и маузера. В числе первых ему было присвоено высшее воинское звание Маршала Советского Союза.

В преддверии Великой Отечественной войны С.М. Буденный внес немалый вклад в укрепление Красной Армии. В годы войны он занимал ответственные посты – от командующего Особым Западным фронтом до командующего кавалерией. Имя его тесно связано с Дальним Востоком, и в частности с Раздольным, где он служил в начале своего военного пути около десяти лет.

Приехал С.М. Буденный сюда с Дона после призыва на армейскую службу. В некоторых источниках, касающихся его биографии, ошибочно указывается, что родом он из донских казаков. Однако сам Буденный в автобиографии подчеркивал свое крестьянское происхождение:

«Отец мой, Михаил Иванович, как и дед, всю жизнь работал батраком. В молодости, не имея своего собственного угла, он кочевал по Дону из станицы в станицу в поисках работы, а женившись на крестьянке Меланье Емченко... обосновался в хуторе Козюрин, недалеко от станицы Платовской. На этом хуторе я родился в 1883 г. и прожил тут до 1890 года... В девятилетнем возрасте меня определили мальчиком в магазин купца первой гильдии Яцкина... Днем я был на побегушках у хозяина и приказчиков, а вечером, когда все мои однолетки уже спали, мыл грязные, затоптанные, заплыванные полы магазина. Потом – я тогда уже был подростком – хозяин послал меня работать в кузницу.

Старший унтер-офицер Приморского драгунского полка С. М. Буденный. Владивосток, 1912 г.

Работая в кузнице подручным кузнеца и молотобойца от зари до зари, я не мог ходить в школу, а учиться хотелось, и начал постигать грамоту с помощью старшего хозяйского приказчика Страусова. Он взялся научить меня читать и писать, и за это я должен был убирать его комнату, чистить обувь, мыть посуду, в общем, выполнять обязанности прислуги. После работы я оставался в кузнице и при свете каганца учил заданные мне уроки.

Уже юношей я работал у того же купца Яцкина на локомобильной молотилке смазчиком, кочегаром, а потом и машинистом» (Буденный С.М. Пройденный путь. С. 9–10).

Несмотря на такую трудную жизнь, Семен Буденный к 17 годам стал хорошим наездником, «конем и холодным оружием владел не хуже любого казака», что наглядно проявилось 1900 году, когда на Дону побывал военный министр генерал А.Н. Куропаткин. Б станице Платовской в честь высокого гостя была устроена показательная казачья джигитовка с рубкой лозы и чучел. Среди принимавших участие в этом событии был С. Буденный, и за отличные результаты он получил награду от А.Н. Куропаткина – серебряный рубль.

В сентябре 1903 года 20-летний Семен был призван в армию, его определили служить в кавалерию и отправили служить на Дальний Восток – в Маньчжурию. К месту назначения эшелон новобранцев прибыл в январе 1904 года, когда уже началась Русско-японская война.

В Маньчжурии С. Буденный вместе с другими новобранцами пополнил 46-й Донской казачий полк, который охранял коммуникации русской армии и нес службу летучей почты. В боевых действиях полк участия не принимал, но при обеспечении деятельности почты нередкими были стычки с хунхузами. Конная летучая почта состояла из постов, расположенных, в зависимости от состояния дорог и особенностей рельефа местности, на расстояниях от 3 до 10 верст. Количественный состав конных постов варьировал от 7 до 12 человек.

Хунхузы порой нападали на казачьи посты и наряды, пытаясь забрать военную почту или прервать налаженную связь. В одной из перестрелок Буденный был ранен в плечо, но остался в строю. После окончательного выздоровления он добился направления в ночную разведку, из которой вернулся с пленным хунхузом, пытавшимся подорвать почтовую кибитку.

По окончании войны 46-й казачий полк возвратился на Дон, а С. Буденный, награжденный медалью за участие в Русско-японской войне, был переведен в Приморский драгунский полк, который базировался в Раздольном. Служба будущего маршала здесь проходила весьма успешно. Почти не было учений, на которых он за джигитовку, рубку саблей, стрельбу не получал бы призов. Осенью 1906 года Буденный отличился на очередных маневрах, захватив батарею условного противника.

В 1907 году командование полка направило его в Петербургскую школу наездников при высшей офицерской кавалерийской школе, где готовились инструкторы по выездке молодых лошадей в воинских частях. Проучившись около года в Петербурге и заняв на соревнованиях по выездке коней первое место, Буденный получил возможность учиться еще год и затем остаться в школе на должности инструктора-наездника. Но по требованию командира Приморского драгунского полка полковника С.Ф. Лисовского он возвратился в Раздольное.

Здесь, получив звание старшего унтер-офицера и должность вахмистра эскадрона, он стал полковым наездником. Когда закончился пятилетний срок действительной службы, Буденный остался на сверхсрочную. Летом 1914 года он получил отпуск, выехал в станицу Платовскую, где к тому времени жил его отец. Когда началась Первая мировая война, Буденный был мобилизован и направлен в Кавказскую кавалерийскую дивизию.

О дальневосточном периоде военной биографии Буденного сохранились воспоминания сослуживцев и участников тех далеких событий. Так, в воспоминаниях бывшего поручика 3-й Сибирской Стрелковой артиллерийской бригады Т.Г. Вержболовича «По дорогам жизни» есть сведения о событиях в Приморье в 1913 году: «На больших осенних маневрах нашей бригаде пришлось воевать совместно с Приморским драгунским полком... Мне лично, да и многим нашим артиллеристам, особенно запомнился вахмистр (т. е. старшина) одного из эскадронов

этого полка. Вахмистр этот отличался среди остальных драгун шикарными пышными усами с подусниками, чем он резко выделялся среди остальной безусой молодежи. Нам сказали, что это Буденный, и нам даже не могло прийти в голову, что этот лихой вахмистр через четыре года станет героем Гражданской войны...».

В 1970-е годы приморский журналист и историк А. Чукарев отыскал в Уссурийске сослуживца Буденного по Приморскому драгунскому полку Семена Михайловича Циркунова и записал его воспоминания:

«С Буденным впервые познакомился после прибытия его в наш полк. Я служил в первом эскадроне, а он в пятом. Офицеры нам часто ставили его в пример. Да и сами мы не раз любовались его воинской выправкой, посадкой. Кавалерист он прирожденный. Солдаты уважали его за справедливость. Характер был у него веселый. Был он гораздо развитее нас, любил хорошие книги, хотя достать их было трудновато. Грамоте ему в те годы учиться не пришлось. Рассказывал он, что азбуке его обучал купеческий приказчик, которому он за это мыл полы, посуду. Но в полку в свободное от службы время Семен Михайлович много времени уделял самообразованию. Особенно заметно вырос его кругозор после поездки в Петербург...».

Большим событием для Приморья стал приезд С.М. Буденного в феврале 1929 года. Он прибыл сюда по железной дороге, побывал в Никольске-Уссурийском и во Владивостоке, принял участие в праздновании 11-й годовщины Красной Армии и 10-летней годовщины начала партизанского движения в крае.

Первая встреча на приморской земле состоялась 19 февраля 1929 года в Никольске-Уссурийском. На вокзале члена Реввоенсовета СССР и инспектора кавалерии С.М. Буденного встречали представители командования, партийных и советских организаций. После обмена приветствиями с частями Красной Армии С.М. Буденный принял у себя в вагоне встречающих. В беседе с ними интересовался состоянием частей гарнизона, постановкой учебы красноармейцев, жизнью гражданского населения, производством.

Четыре дня С.М. Буденный провел в Никольске-Уссурийском, выполняя программу намеченных встреч и торжественных мероприятий. К Дню Красной Армии, 23 февраля, ранним утром он прибыл во Владивосток.

Во Владивостоке С.М. Буденный принимал участие во многих мероприятиях. Он выступил на торжественном заседании в театре «Золотой Рог», встречался с представителями власти. Еще одно, двухчасовое выступление состоялось в Доме обороны, где он говорил начальствующему составу гарнизона города о состоянии военной техники Красной Армии и на Западе. Многолюдной была встреча с бывшими приморскими партизанами в клубе им. Воробьковского (теперь Пушкинский театр).

В день Красной армии, 23 февраля 1929 года, несмотря на неблагоприятную погоду – сильный ветер и низкую температуру – почти все население Владивостока вышло на улицы приветствовать красноармейцев. Торжественный митинг состоялся на Вокзальной площади, здесь С.М. Буденный принял присягу молодых красноармейцев. Колонны демонстрантов и военного парада прошли по улицам 25 Октября и Ленинской (ныне Алеутская и Светланская).

После 1929 года С.М. Буденный в Приморье не был, но он всегда помнил край, где состоялась его военная карьера, о чем свидетельствуют конкретные факты. Об одном из них рассказал А. Чукарев в своем очерке «Солдатская юность маршала», опубликованном в 1972 году в одном из литературных сборников: «Не так давно в столице побывал Краевой драматический театр имени М. Горького. Его коллектив показал москвичам спектакль «Первая конная». Посмотрев его, Семен Михайлович дал высокую оценку спектаклю, познакомился с актерами. Долго расспрашивал он их о Приморье, вспоминал свою службу в Раздольном, свой второй приезд в край в 1929 г. Маршал хорошо помнит Приморье, край, где прошла его солдатская юность».

Семен Михайлович Буденный скончался в 1973 году, он похоронен у Кремлевской стены на Красной площади в Москве. В Приморье имя Буденного носил в 1935–1957 годах Партизанский район. Во Владивостоке в течение некоторого времени была улица Буденного.

Герои Хасана служили в Раздольном

На главной улице поселка Раздольного установлен памятник героям Хасана. На одной из граней обелиска сделана надпись: «В память о героях-воинах дальневосточниках, проявивших мужество и храбрость при защите священной советской земли в боях с японскими захватчиками у озера Хасан».

Одним из воинов-героев был танкист Давид Абрамович Драгунский; не меньшую храбрость он проявил во время Великой Отечественной войны, став дважды Героем Советского Союза. Д.А. Драгунский не был коренным дальневосточником – он проходил военную службу в Раздольном. Отсюда в 1938 году он отправился на границу командиром роты 32-го отдельного танкового батальона. В хасанских боях 28-летний лейтенант Драгунский получил первое боевое крещение. Впоследствии в его военной жизни было немало сражений, но начальную танкистскую подготовку он получил в Раздольном.

О жизни и боевом пути Д.А. Драгунского написано немало, он сам опубликовал книгу воспоминаний «Годы в броне», которая выдержала несколько изданий. Большой интерес представляет дальневосточный период его биографии, в которой было много неожиданных поворотов судьбы.

Давид Драгунский родился 2 февраля 1910 года в селе Святск Брянской области, в бедной еврейской семье, которая насчитывала 12 человек. Родители возлагали большие надежды на Давида как на старшего сына; они полагали, что он выучится на бухгалтера и сможет помогать семье растить младших детей. Давид пробовал поступить учиться на бухгалтера в городе Клинцы, но не смог сдать вступительных экзаменов. Тогда он отправился в Москву, что подробно описано в его книге воспоминаний «Годы в броне»:

«Поздней ночью поезд доставил меня, безбилетника, в столицу. Утоляя ненасытное любопытство, я обошел и объехал Москву вдоль поперек. Ночевал в подъездах больших домов и на скамейках в парках. А когда истратил последние копейки, пошел в райком комсомола Красной Пресни...

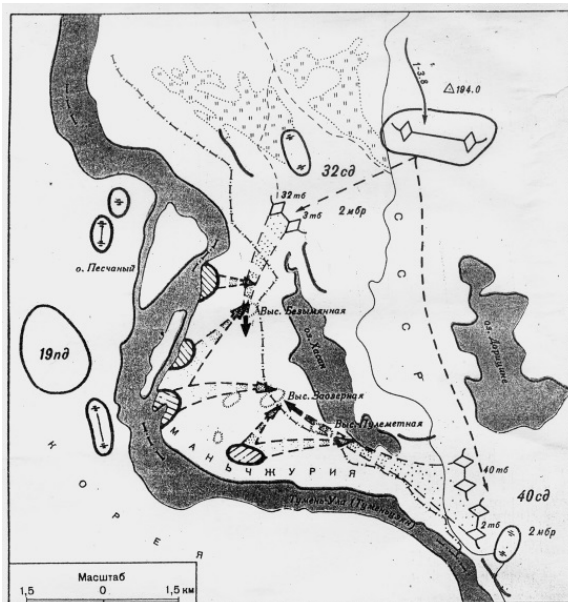

Дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск Д.А. Драгунский

С путевкой комсомола я отправился на стройку... Я был чернорабочим и землекопом в Мостострое: рыл котлованы, возил песок на тачке, таскал на «козе» кирпичи на пятый этаж... Вскоре я стал подручным слесаря, а потом – слесарем-водопроводчиком».

Затем в жизни Драгунского произошел неожиданный поворот: по направлению райкома партии он был послан в деревню для организации колхозов. Зимой 1931 года он прибыл в село Ахматово Калининской области, а оттуда Драгунского призвали в армию. Сначала он служил рядовым в 4-м стрелковом полку 2-й Белорусской дивизии, которая располагалась под Минском. В 1933 году Давид Драгунский был направлен в Саратовскую Краснознаменную бронетанковую школу, которую окончил через три года и получил направление на Дальний Восток.

Поздней осенью 1936 года Давид Драгунский со своими товарищами по танковой школе отправился поездом «Москва-Владивосток» к месту службы, в 32-й отдельный танковый батальон, базировавшийся в Раздольном. Здесь в канун Нового, 1937, года началась служба молодых танкистов. В воспоминаниях Драгунского есть страницы, рассказывающие о бытовых условиях танкистов в Раздольном, о походах в тайгу, о занятиях на полигоне, о лыжных пробегах, о работе драматического кружка и танцах в батальонном клубе – «маленьком, тесном, прилепленном к таежной сопке».

Применение танков при разгроме японских войску озера Хасан (август 1938 г.)

В его книге есть также сведения о том, как Драгунский стал командиром роты:

«Нелегким был путь моего командирского становления. Люди у меня во взводе подобрались отменные. Водители танков Петр Никифоров и Ибрагим Валеев считались танковыми асами, на их счету значились несколько сот часов вождения боевых машин по крутым сопкам и таежным дебрям. Командиры танков Анатолий Кузнецов, Евгений Богатов и Андрей Швайковский были признанными танковыми снайперами, поражавшими цель с первого выстрела.

Да и танки Т-26 по тому времени были неплохими. Казалось, все бы должно быть в порядке, но, тем не менее, на первых порах далеко не все ладилось у меня во взводе. Теперь я понимаю, что во многом был виноват сам – допускал неоправданную резкость, не хотел учиться у младших командиров, считая, что это зазорно для лейтенанта.

Не знаю, как сложилась бы моя судьба дальше, не вмешайся мои начальники. Присматриваясь к молодым командирам, в том числе и ко мне, они сразу заметили мои недостатки... Труды их, видимо, не пропали даром. Через год я уже командовал танковой ротой».

Д.А. Драгунский в Раздольном командовал ротой 32-го отдельного танкового батальона 32-й стрелковой дивизии. В роте были боевые машины Т-26; танкисты на учебных полигонах и в походах по пересеченной местности набирались опыта, который помог сломить врага в боях у озера Хасан. Один необычный тренировочный поход, когда Драгунский в составе экипажа Т-26 успешно провел свой танк под водой через реку, нашел отражение в его воспоминаниях: «Это было 13 июня 1938 года. На глазах у всей нашей 32-й стрелковой дивизии мой танк, оборудованный двумя трубами, замазанный суриком и солидолом, вошел в бурную реку Суйфун и, спустя 15 минут пребывания под водой, вышел на противоположный берег. Тогда я и получил первую награду. Командир дивизии майор Николай Эрастович Берзарин наградил членов экипажа именными часами».

Через полтора месяца после этого водного рейда танкисты 32-го батальона уже воевали на левобережье пограничной реки Тюмень-Ула, у озера Хасан. В Хасанский конфликт – так обычно называют военные действия на границе в августе-сентябре 1938 года – были вовлечены значительные военные силы СССР и Японии, в том числе пехота, артиллерия, моторизованные части, авиация. Конфликт возник в результате обострения внешнеполитической обстановки после заключения Японией и Германией «антикоминтерновского пакта» в ноябре 1936 года. В 1931–1932 годах Япония захватила Маньчжурию, образовав там марионеточное государство «Мань-чжоу-го». Одновременно дипломатическая служба Японии начала предъявлять территориальные претензии к СССР. В непосредственной близости от советской границы было начато активное строительство дорог, военных объектов, предприятий; здесь концентрировались воинские части Квантунской армии.

К июлю 1938 года вблизи хасанского участка границы японцы сосредоточили три пехотные дивизии, механизированную бригаду, кавалерийский полк, три пулеметных батальона и 70 самолетов. 15 июля 1938 года японский поверенный в делах СССР г-н Ниси посетил Народный Комиссариат внутренних дел с официальным визитом. Он потребовал отвести советских пограничников с высот в районе озера Хасан и передать эту территорию Японии. В ответ на эти требования японскому представителю были предъявлены документы и карты, удостоверяющие принадлежность сопки Заозерной и Безымянной СССР.

29 июля 1938 года две роты японцев атаковали советский пограничный пост на сопке Безымянной. Здесь находился наряд из 11 пограничников во главе с лейтенантом А. Махалиным. В результате ожесточенного боя пятеро пограничников погибли, остальные были ранены. Японцы овладели высотой, но ненадолго. Подоспело подкрепление – стрелковая рота под командованием лейтенанта Д. Левченко штыковой атакой и гранатами выбила захватчиков с высоты. Японцы отступили и стали укрепляться в 400 метрах от линии границы.

Так начались военные события у озера Хасан. На рассвете 31 июля японцы перешли границу и начали наступление, в котором приняли участие две пехотные дивизии численностью до 20 тысяч человек, два артиллерийских полка с 200 орудиями и минометами, три бронепоезда, батальон танков, смертники-камикадзе. После ожесточенных боев японским войскам удалось оттеснив советских бойцов, выйти к озеру Хасан и, углубившись на российскую территорию до четырех километров, захватить сопки Заозерную и Безымянную.

Советское командование разработало план ответных действий, согласно которому с нашей стороны участие в боях приняли 40-я и 32-я стрелковые дивизии, 2-я отдельная механизированная бригада, стрелковый полк 39-й стрелковой дивизии, 121-й кавалерийский и 39-й артиллерийские полки. Среди 245 танков Т-26, участвующих в боях на Хасане, был отдельный 32-й батальон, прибывший из Раздольного. Командир 3-й роты батальона лейтенант Д. Драгунский оставил воспоминания об этих событиях:

«Однажды в воскресный день я со своей ротой отправился на реку. День выдался хороший, лов рыбы оказался удачным. В котле варилась тройная уха... Но уха так и осталась несъеденной. Прибежавший дежурный встревоженно сообщил: «Батальону объявлена тревога». На

сей раз она оказалась не учебной, а настоящей, боевой. Через несколько часов мы мчались к советско-маньчжурской границе.

Пройдя свыше двухсот километров по тридцатиградусной жаре, мы оказались в районе озера Хасан лицом к лицу с японскими самураями. Первая атака вражеских позиций 2 августа 1938 года оказалась неудачной. Три наших танка были подбиты и два сожжены. Вместе с ротой я откатился на исходные позиции...

В день 6 августа начался генеральный штурм неприятельских позиций... Третья рота, которой я командовал, наступала на высоту Безымянную... В танке стояла неимоверная жара, нечем было дышать, снарядные гильзы обжигали руки. Через прицел я видел только ярко-голубое небо. И вдруг что-то рванулось в машине. Мелкие осколки иглоками закололи щеки, нос. Дым и грязь пеленой застлали глаза. Танк развернулся влево, он стал скатываться... Неуправляемая машина помчалась вниз, зарывшись по башню в болото, застыла в мертвой судороге.

Только выскочив из танка, я понял, что произошло. Передо мной стояли окровавленные члены экипажа. Среди них не было водителя Андрея Сурова. В танк попало два японских снаряда: первым водителю оторвало ногу, вторым пробilo голову. Вышла из строя коробка перемены передач. В правом борту нашего Т-26 зияли две круглые рваные пробоины» (Драгунский Д.А. Годы в броне...).

Лейтенант Д. Драгунский был среди награжденных хасанских героев: «За умелое руководство боевыми действиями роты и личную храбрость в бою» он был удостоен ордена Красного

Знамени. В аттестации, составленной на Драгунского в 1938 году, говорилось:

«... Тов. Драгунский партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан. Политически и морально устойчив. Классово бдителен, ведет самую решительную борьбу со всякими проявлениями не советского и не партийного порядка. Военную тайну хранить умеет и борется со всякими проявлениями попыток к разглашению военной тайны. Политически развит отлично. Имеет оценку по Марксистско-Ленинской подготовке за 1938 г. отлично.

Связь с красноармейцами и начсоставом имеется достаточная, работает в роте с бойцами и командирами систематически, отличный массовик. С партийной и комсомольской организацией связан, работает активно, любит партийную работу, в настоящее время состоит в партийном активе. Является руководителем кружка комсомольского просвещения. В общественной работе принимает активное участие. К подчиненным относится внимательно и проявляет достаточную заботу о них. Деловой, служебный и политический авторитет имеет. Волевыми качествами обладает достаточными – энергичен, решителен, инициативен... Требователен к подчиненным. Решение принимать может, настойчиво проводит их в жизнь. Организационно – обеспечивает. Лично дисциплинирован. В подготовке своей работы преобладает личный показ, на основе его и учит своих подчиненных.

Тактически подготовлен хорошо. В огневом отношении – хорошо, стреляет из всех видов орудия хорошо. Специальная танковая подготовка хорошая, но требуется еще более глубокое изучение танка и, в особенности, вождения.

Имеющиеся знания передать может как красноармейцам, так и нач. составу, хороший методист. Работает над собой в области политического роста хорошо, в области боевой подготовки – в отношении командирского уровня работает недостаточно. Особые склонности – умеет работать строевым командиром.

Тов. Драгунский с ротой участвовал в составе батальона с начала боевых действий и до конца в районе озера Хасан, где тов. Драгунский показал себя с хорошей стороны, как сам, так и совместно с ротой. Участвовал в двух атаках в составе батальона, его рота и сам тов. Драгунский показали свою преданность, геройство и отвагу, а также в полной мере полную сплоченность роты для выполнения боевых задач, в боях с японскими самураями, за что тов. Драгунский награжден Правительством – орденом «Красное Знамя».

Состояние роты хорошее. Состояние боевых машин хорошее.

Отношение к военно-хозяйственному имуществу, к его учету и отчетности хорошее. Рота на сегодня вполне боеспособна и способна выполнить поставленную задачу.

Вывод: Должности командира роты вполне соответствует. Может быть выдвинут в очередном порядке на должность начальника штаба отдельного танкового батальона. В военное время можно использовать на должности начальника штаба отдельного танкового батальона».

Эта аттестация, по-видимому, стала определяющей при поступлении Драгунского в академию. Послужив в Раздольном, в 32-м танковом батальоне около трех лет, он поступил в Военную академию им. М.Ф. Фрунзе. После окончания академии в 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, был направлен командиром батальона на Западный фронт. В ноябре 1943 года Драгунский уже командовал 55-й гвардейской танковой бригадой; он участвовал в боях под Москвой, Смоленском, Курском, Белгородом, Харьковом, Киевом; форсировал Днепр; освобождал Польшу и Чехословакию.

За героизм и воинское мастерство, проявленное при форсировании реки Вислы и удержании Сандомирского плацдарма, Драгунскому было присвоено звание Героя Советского Союза. За умелое руководство боевыми действиями бригады в Берлинской операции, стремительный бросок на Прагу и проявленные при этом личное мужество и отвагу был награжден второй медалью «Золотая Звезда» с присвоением звания Героя Советского Союза – 31 мая 1945 года. Таким образом, он стал дважды Героем Советского Союза.

В послевоенные годы генерал-полковник Д.А. Драгунский занимал разные командные должности. В 1969–1985 годах был начальником Высших офицерских курсов «Выстрел». Он скончался 12 октября 1992 года; его похоронили с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище в Москве. В преддверии 100-летия Д.А. Драгунского и к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, в 2009 году, в городе Солнечногорске ему был установлен памятник: бронзовая скульптура танкиста на гранитном трехметровом постаменте.

Давид Абрамович Драгунский относится к числу выдающихся военачальников, как и Николай Эрастович Берзарин, который командовал 32-й стрелковой дивизией, базировавшейся в Раздольном, и участвовал в хасанских боях. Кроме того, Н.Э. Берзарин был участником многих событий на Дальнем Востоке, в Сибири, в Приамурье.

Он родился 19 марта 1904 года в Санкт-Петербурге, в семье рабочего, где было пятеро детей; все они рано осиротели. Девятилетний Николай поступил на вечерние курсы Петроградской начальной школы, окончив ее, получил специальность переплетчика. В октябре 1918 года 14-летний Н. Берзарин добровольно вступил в Красную армию, в частях которой сражался на Северном фронте против англо-американских интервентов.

После окончания Ленинградских командных курсов Берзарин, едва достигший 20-летия, в должности помощника начальника пулеметной команды воевал в Амурской области с частями отступающей Белой армии. Затем была учеба: на стрелково-тактических курсах усовершенствования командного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии «Выстрел» имени Коминтерна; на курсах комсостава Сибирского военного округа. После учебы, в течение последующих 14 лет, Н.Э. Берзарин служил в Сибири и на Дальнем

Востоке, занимая разные должности. На этот период пришлось его участие в боевых действиях в военных конфликтах на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году и у озера Хасан в 1938 году.

В 1933 году он был помощником начальника отдела боевой подготовки и командиром для особых поручений в штабе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА); в 1934 году служил в штабе Приморской группы войск, в 1935 году командовал стрелковым полком 26-й стрелковой дивизии. Во время боев у озера Хасан Берзарин командовал 32-й стрелковой дивизией, в феврале 1939 года был назначен командиром 59-го стрелкового корпуса ОКДВА. В июне 1940 года Николаю Эрастовичу Берзарину было присвоено звание гене-

рал-майора, он стал заместителем командующего 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта.

К началу Великой Отечественной войны Берзарин командовал 27-й армией Прибалтийского особого военного округа. В годы войны служил командующим и заместителем командующего несколькими армиями. 6 апреля 1945 года Н.Э. Берзарин получил звание Героя Советского Союза «за умелое руководство частями армии, образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками».

Накануне Берлинской операции 5-й ударной армии под командованием генерал-полковника Берзарина была поставлена боевая задача особой важности – овладеть районом правительственных кварталов в центре столицы, в том числе имперской канцелярией, где находилась ставка Гитлера. Учитывая успешное продвижение армии при штурме Берлина и выдающиеся личные качества ее командарма, командование 24 апреля 1945 года назначило Н.Э. Берзарина первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина. Оперативно была создана городская полиция, организовано снабжение населения города продовольствием, начаты работы по созыву первого послевоенного магистрата. Берзарин был комендантом столицы Германии всего 54 дня. Он погиб в автокатастрофе 16 июня 1945 года. Его тело перевезли в Москву, похоронили на Новодевичьем кладбище.

Выдающиеся советские военачальники Д.А. Драгунский и Н.Э. Берзарин служили в 32-й стрелковой дивизии, танковый батальон которой, базировавшийся в Раздольном, сражался у озера Хасан. Это о них говорит надпись на памятнике в Раздольном: «Советский народ никогда не забудет героических подвигов защитников дальневосточных рубежей нашей Родины».

Заключение

Раздольное... Само название, наверное, говорит не только о небывало широком масштабе местных просторов, но и о широте души переселенцев, полтора века назад добравшихся сюда после долгого и трудного пути через всю Сибирь. Крестьяне, приехавшие в основном из украинских губерний, где они буквально задыхались от малоземелья, по прибытии не могли налюбоваться здешним привольем, лугами до горизонта, непаханой землёй, прихотливыми изгибами реки, близким морским заливом... Южно-Уссурийский край, на первый взгляд исключительно позитивный, показался им раем на земле. Наверное, вовсе не случайно неподалёку возник почтовый станок Вольный, а позже – селение Вольно-Надеждинское. Редкое для России тех времён ощущение полной свободы пьянило сердце, захватывало душу особым чувством. Местные дали, неохватные взором, манили в светлое будущее, которое казалось таким близким...

Как известно, первые годы заселения Дальнего Востока русскими людьми были чрезвычайно сложными. Немногочисленные военные посты и казачьи станицы, конечно, не могли считаться полноценным освоением новоприобретённого края. Поэтому в марте 1861 года решением российского правительства Амурская и Приморская области были объявлены открытыми для заселения безземельными крестьянами. Переселенцам отводился в бесплатное пользование участок земли площадью до 100 десятин на семейство, они навечно освобождались от подушной подати и на 10 лет – от рекрутской повинности. И потянулись на восток, «встречь солнцу», вереницы телег. Железных дорог тогда ещё не существовало, судоходство на сибирских реках было слабо развито, так что переселенцы на телегах, а то и пешком, добивались до Амура в верхнем течении. Оттуда – пароходами или баржами, порой и на плотках – до Благовещенска, Хабаровска и далее по Уссури – в «Зелёный клин», как иногда называли Уссурийский край. Такой путь обычно занимал два года с зимовкой в Сибири. Многие, не выдерживая трудностей, заболели и умирали по дороге; оставшиеся прибывали в край порой раздетыми и разутыми, с минимумом скарба, пытаясь обзавестись всем здесь. При этом информация о будущих местах поселений была весьма слабой: на Дальнем Востоке им обещали виноград, розы и два урожая в год, но переселенцы порой везли с собой камни для засолки капусты, полагая, что их тут нет...

Непривычная природа, сложный климат, необходимость бороться с частыми наводнениями и глухой тайгой, наконец, гнус и тигры – всё это настолько мешало обустроиваться, что жизнь первых переселенцев можно с полным основанием назвать героической. Огромным трудом и небывалой силой воли русским людям удалось достигнуть успехов, закрепиться и обустроиться здесь, наладить повседневное существование, развить хозяйство, причём самых разных направлений. Достаточно вспомнить историю семейства Худяковых, чтобы хоть немного понять реалии того периода – времени первопроходцев. Определённую «цивилизаторскую» работу проводили военные, влияние которых на жизнь – в том числе культурную – нельзя сбрасывать со счетов. О них в этой книге написано немало; приведём ещё один пример, относящийся к 1890 году и совсем не к военным будням гарнизона.

«РАЗДОЛЬНОЕ, 12 февраля 1890 г. (Корресп. «Владивост.»).

Не скучаем и мы в нашем глухом селе: 9 февраля нижними чинами 3 роты 1 стрелк. батальона был устроен спектакль, при содействии офицера 3. Мужские роли исполняли стрелки, а женские – их жены. Шла комедия Островского «На бойком месте» и, говоря откровенно, была исполнена хорошо. Роли были поняты почти каждым солдатиком. Прежде всего надо сказать о солдатке Иг., которая хоть безграмотная, но выучила свою роль Евгении наизусть со слов товарки и играла все время хорошо и бойко, вполне сознавая все положения, в которые ста-

вил ее ход пьесы. Роль Аннушки, не вполне понятая солдаткой Пр., была все-таки исполнена недурно. Из мужского персонала особенно выделялся унт. – оф. Каз. в простой и невидной роли Сени; каждое его слово, каждое движение были живы и понятны, заслуживая полного одобрения. Остальные играли настолько гладко и толково, что думалось – это играют не полуграмотные стрелки, но любители, учившие свои роли на свободе, а не урывками между занятиями. В антрактах хор стрелков, с участием женщин, пропел несколько русских песен стройно, согласно и молодецки. Некоторые песни доставили особенное удовольствие и были повторены.

После комедии были устроены туманные картины. Фонарь и картины – все домашней работы подпоручика З. и оружейного мастера. В туманных картинах, между прочим, были изображены горы, с проложенными у их подножия рельсами, по которым прокатился поезд жел. дор., столь желаемый для здешнего края. В финале, при изображении на рамке Государя Императора, стрелками-актерами и зрителями был пропет народный гимн, заключенный дружным «Ура!».

Остается сказать полное спасибо распорядителю З. и пожелать ему от души устраивать и в будущем подобные спектакли, понятные для стрелков и дающие офицерам хоть отчасти то удовольствие, которого они лишены» (газета «Владивосток» № 7 от 18 февраля 1890 г. С. 7).

Вот так, усилиями военных, казаков, крестьян, иных гражданских жителей поселения Раздольное создавалось, укреплялось, росло, развивалось. Разумеется, освещены только отдельные темы и годы; многое ещё хранится в архивах, может быть найдено в газетных публикациях и старых изданиях. О других периодах жизни славного селения Раздольного – в следующей книге. История продолжается...

Список использованной литературы

- Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...». История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток, 2011.
- Авилов Р.С. История создания регулярной кавалерии на восточных рубежах России или 34 года на границе (1869–1903 гг.) // Известия Восточного института. 2008. № 15.
- Александровская А.В. Владивосток: начало биографии. Официальный и неофициальный взгляд. Документально-историческое повествование. Владивосток, 2010.
- Аюшин Н.В., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток, 2006.
- Бабцева И.И. Из истории коневодства в Приморье. Янковские чтения: Материалы IV–V международных научно-практических конференций. Владивосток, 2003.
- Богданов Д. Путеводитель по Владивостоку и Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1909.
- Буденный С.М. Пройденный путь. Т. 1. М., 1958.
- Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979.
- Васильев А.П. Забайкальские казаки: ист. очерк. Том 3. Чита, 1918.
- Васильев В. Наш Восток и его промыслы. СПб., 1911.
- Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области. СПб., 1891.
- Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глицинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. СПб., 1911.
- Дацьишен В.Г. Русский военный советник в Китае полковник П.П. Воронов // Военно-исторический журнал. 2012. № 5.
- Дневники Святого Николая Японского. Т. 4 (с 1899 по 1904 гг.). Сост. К. Никамура. СПб., 2004.
- Драгунский Д.А. Годы в броне. М., 1975.
- Ежаков В.П. Герои Хасана. М., 1969.
- За Родину! Боевые эпизоды в районе озера Хасан. Хабаровск, 1938.
- Калинин В.И., Аюшин Н.В., Аьиниа О.Б. Военный инженер генерал-майор В.П. Жигалковский // Записки ОПАК. Г. 33. Владивосток, 1999.
- Лабанова Е.Г. Основные вехи истории Надеждинского района. Интернет-ресурс: nsportal.ru/ Дата обращения 02.06.2014 г.
- Маршруты для Цесаревича. Документы и материалы. Владивосток. 2001.
- Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы столетия. Т. 4. (Описание селений). Собраны и разработаны под руководством А. Меньщикова, под редакцией А.А. Татищева. Саратову 1912.
- Мизь Н.Г., Ауганский Ю.К. Путь на Восток. Из жизни царя-мученика Николая. Владивосток, 1998.
- Мизь Н.Г., Стратиевский О.Б. Романовы в Приморье. Владивосток, 2007.
- Мизь Н.Г., Турмов Г.П. Не женское, да и не детское это дело – война. Владивосток, 2006.
- Опыт коннозаводства в Южно-Уссурийском крае на конном хуторе М.И. Янковского. 1879–1896. СПб., 1896.
- Островский А.В. «Отслужу свое и останусь на сверхсрочную...» // Военно-исторический журнал. 2003. № 4.

От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. СПб., 1891.

Отчет военного министра по поездке на Дальний Восток в 1903 г. Ч. 1. Осмотры войск, военных учреждений и заведений. СПб., 1903.

Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004.

Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. СПб., 1870.

Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 год. М., 1909.

Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. Издание Министерства путей сообщения под редакцией А.И. Дмитриева-Мамонтова и инженера А.Ф. Здырского. СПб., 1900.

Рагоза А.Ф. Посыетский участок: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891.

Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1, Вып. 3. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками округа за время с 1879 по 1882 гг. и бумаги по общим вопросам управления военного. Иркутск, 1884.

Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. Хабаровск, 1901.

Суханов Г. Конный завод и оленеводство на полуострове Янковского // Приморский хозяин. 1914. № 5.25.06.

Территория Надежды. Хасан на стыке веков и границ. Владивосток, 2003.

Троицкая НА. Янковские и развитие коннозаводства в Приморье // Известия РГИА ДВ. Т. 7. Владивосток, 2002.

Уссурийский краеведческий вестник. Вып. 1. Уссурийск 2001.

Хохлов А.Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX-начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.

Чукарев А. Знакомые имена. Из истории Дальнего Востока // Литературный сборник «Далекоу Тихого...». Владивосток, 1972.

Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897.

Яковлев С.И. Братья Худяковы: Дальневосточные рассказы; с рисунками автора. Хабаровск; Владивосток, 1928.

Янчевецкий Д. У стен неподвижного Китая. СПб; Порт-Артур, 1903.

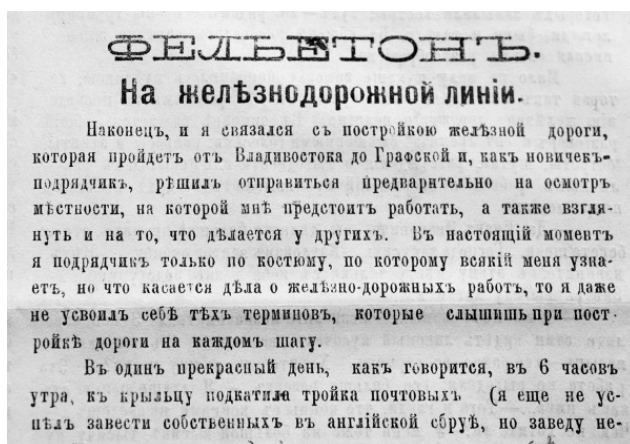
Японские военнопленные в Приморье (1945–1949 гг.) // Труд военнопленных в отраслях народного хозяйства Приморского края. Сборник документов. Вып. 2. Владивосток 2006.

Приложения

Газета «Владивосток» № 22 от 11 сентября 1883 г. С. 2–3.

ЭКСКУРСИЯ В НИКОЛЬСК И ОБРАТНО

Из поездки в Никольск и обратно пришлось убедиться, что в Камчатку попасть легче и удобнее, потому что гораздо лучше знать, что можешь ехать только раз в год, чем быть уверенным в существовании беспрепятственного сообщения круглый год. Кажется, что 90 верст не Бог весть какое расстояние, чтобы нельзя было устроить и хорошую дорогу, и удобное сообщение, особенно же по тракту, по которому единственно и можно отправиться куда-нибудь, а выходит на деле совершенно другое: инженеры считают необходимым сделать дорогу непроездной, а рок гнетет еще того пуще.

Правильного сообщения можно сказать у нас нет круглый год. Самое лучшее – зимнее сообщение, да и тут приходится знакомиться с инженерными работами, которых и снегом не покрывает; летом же наступают всевозможные эпидемии и начинается смешанное сообщение на пароходах и сухопутьем. На пароходах езда, несомненно, удобнее берегового пути, но тоже не отличается особенной приятностью. Не мешало бы отход пароходов из Владивостока в Раздольный отложить на час-два позже, т. е. отправлять из Владивостока казенный, а из Раздольной «Пионер» г. Федорова часов в 8 утра, а то еще лучше в 9. В первом случае подобное изменение необходимо, потому что при ранней отправке пассажир с багажом лишен возможности достать извозчика, а часто и манзовскую шлюпку; при поездке же из Никольска во Владивосток не пришлось бы совершать путь до Раздольного ночью, рискуя к тому же не попасть вовремя к отходу парохода. Теперь же приходится выбирать весьма неприятную и неудобную поездку ночью или остановку на почтовой станции за 5 верст от пароходной пристани (которой, к слову сказать, почему-то не устроено), причем, при наших почтовых порядках, всегда рискуешь наутро не достать лошадей, или не разбудить вовремя содержателя станции и ямщиков.

Для устранения подобных неудобств не мешало бы г. Федорову устроить на берегу какой-нибудь балаганчик, в котором публика могла бы располагаться, в ожидании отхода парохода, и укрываться от непогоды. Особенно устройство такого балагана необходимо для пассажиров, едущих по «собачьему билету», т. е. платящих столько же, сколько взимается за провоз собаки. Вообще г. Федорову не мешало бы позаботиться о некоторых удобствах публики, потому что взимаемую им проездную плату ни в каком случае нельзя назвать низкой. Следовало бы, например, при остановке парохода не в Раздольной, а за 5 верст, брать меньшую плату, потому что от пристани до станции приходится платить довольно большую премию в

один рубль; проезд до Раздольной, таким образом, обходится не в 4 р., как это следует по таксе г. Федорова, а 5 руб.

Впрочем, в будущем неудобство это, быть может, устранится, так как предполагается углубить русло реки настолько, чтобы пароходы могли доходить до Никольска. Предприятие это компетентными лицами найдено выполнимым, хотя мы со своей стороны не можем не сомневаться в успехе. По нашему мнению, русло реки настолько изменчиво, что нельзя и думать ограничиться только очисткой и углублением, а необходимо укрепить самые берега, что едва ли возможно при огромных разливах, переносящих песок с места на место. Нам указывали места, в которых русло реки проходит по пролежавшей некогда дороге. Кроме того, польза предприятия довольно сомнительна, затраты же, при условиях работы, должны быть очень велики.

Езда на лошадях из Раздольной до Никольска и обратно, за исключением места около ст. Барановской, может назваться сносной, вероятно потому, что инженеры еще не успели этот путь усеять казенными рублями. Дорога почти на всем протяжении требует мало работ для исправления, необходимо только прорыть канавы и утрамбовать плотно галькой или песком. Большое место наших дорог – мосты и мостики – заставляет себя чувствовать и здесь; исправление их, как видно, не по нутру обывателей...

Кстати, проездом пришлось познакомиться с устройством новых переселенцев. На дороге к Никольску поселилось 10 семей, на весьма неудобной местности, на берегу которой [так в тексте. – *Ред.*] постепенно подмывается, а окрестности ежегодно затапливаются... Да и на этом несчастном месте поселились не без мытарств. Отвели им было хорошее место, да оказалось оно потом принадлежащим крестьянам д. Раздольной. Без недоразумений у нас, конечно, дело не делается, но все-таки печально, что межевая часть очень и очень прихрамывает. Дело, видите ли, вышло совершенно пустое: отмежевали землю для д. Раздольной и забыли границы нанести на большую карту, а оставили все на чернышке.

Поселились переселенцы по своему выбору и указанию начальства, да крестьяне подняли шум, так как заняли их землю, которая, к слову сказать, им совершенно не нужна и пустует. Отведенное место от д. Раздольной будет верстах в 15 или более, а главное, отведено без соображений с удобствами и нуждой. Впрочем, переселенцы очень равнодушно относятся к неурядицам подобного рода; при указании неудобств избранного ими теперь места они равнодушно заявили, что здесь будет нехорошо, перейдут на новое место...

Газета «Владивосток» № 36 от 7 сентября 1886 г. С. 6.

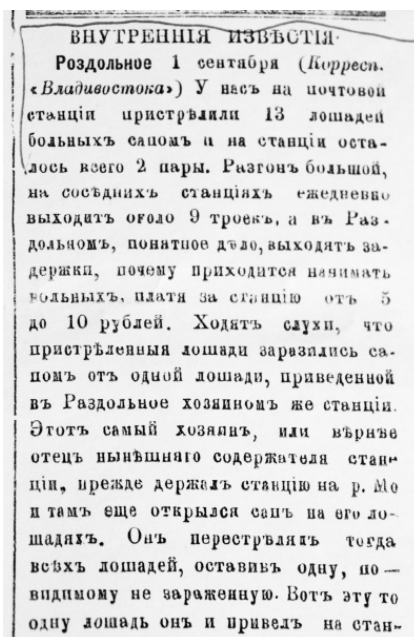
ВНУТРЕННИЕ ИЗВЕСТИЯ

Раздольное 1 сентября (Корресп. «Владивостока»).

У нас на почтовой станции пристрелили 13 лошадей, больных сапом, и на станции осталось всего 2 пары. Разгон большой, на соседних станциях ежедневно выходит около 9 троек, а в Раздольном, понятное дело, выходят задержки, почему приходится нанимать вольных, платя им за станцию от 5 до 10 рублей. Ходят слухи, что пристреленные лошади заразились сапом от одной лошади, приведенной в Раздольное хозяином же станции. Этот самый хозяин, или вернее отец нынешнего содержателя станции, прежде держал станцию на р. Мо и там еще открылся сап на его лошадях. Он перестрелял тогда всех лошадей, оставив одну, по-видимому, не зараженную. Вот эту-то одну лошадь он и привел на станцию в Раздольное, а от нее заразились будто бы другие лошади.

Рассказ очень свежий, но вполне невероятный. Если бы дело было действительно так, то сап открылся бы еще год тому назад. Ходит и другой слух, что лошади были больны вовсе не сапом, а чем-то вроде мыта, происходившего от изнурения лошадей. Но говорят, приезжал

ветеринар, г. Колба, и нашел будто бы сап. Как бы то ни было, нынешний содержатель станции, совсем еще юноша, разорился, и за него теперь будут содержать станцию его поручители.

Постройка церкви у нас близится к концу. Вчерне церковь уже почти закончена, осталась только чистая отделка.

Z.

Газета «Владивосток» № 28 от 12 июля 1887 г. С. 5–7.

ОТ ВЛАДИВОСТОКА ДО РАЗДОЛЬНОГО

(Из записной книжки проезжающего)

На днях мне пришлось проехать до Раздольного и испытать по дороге все неудобства, о которых так много писалось в газетах.

Я выехал из Владивостока на Раздольное в 10-м часу утра. Несмотря на убийственную жару, бричка, в которой я ехал, была открытая. На облучке сидел молодой ещё ямщик. Ехал он – потру-хивал, но я принужден был его останавливать поминутно, чтобы поправить сиденье, сползавшее на самую середину брички. Операция эта мне окончательно надоела, и я обратился к ямщику:

– Скажи, пожалуйста: почему вы для седоков не делаете переплета для сидения из веревок? Этак совсем неудобно.

– Мы не знаем, – ответил тот. – Дело хозяйское. И потом добавил: – Чего вы, барин, беспокоитесь: ведь на этой самой бричке едут даже снаряды.

Ну, думаю, если уж «снаряды» ездят на этой же бричке и подвергаются той же инквизиции, то нам, простым смертным, и Бог велел страдать. С этим я решил твердо нести свой крест и терпеть.

Чтобы сколько-нибудь облегчить бремя тяжелого настроения, я стал наблюдать окружающую меня природу. По бокам, как молоком облитые, мелькали роскошные кусты жасмина; яркая роза качала при дуновении ветерка своей красивой пышной головкой, кое-где из-под травы мелькала клубника да лилия покачивалась на стройном стебле, высоко над травой; словом, пресловутая роскошная зелень уссурийская должна была бы при такой погоде чаровать

взор, но при этой езде, при этой тряске и тревоге за сиденье – чары не имели не меня действия. Ямщик бросил прямо мне на колени целый сверток концов вожжей. Вожжи настолько были пропитаны каким-то жиром, что с них буквально капало. Мои парусиновые брюки моментально пропитались этим жиром.

Послушай, братец, – заметил я, – ты бы хоть вожжи-то прибрал бы. Видишь, как они меня запачкали...

Ямщик даже не обернулся и только пробурчал:

– И-и, барин, это ничего!.. Это – жир нерпичий... Севодни только мазали сбрую...

– Потому-то их и убери с моих колен, – стал я урезонивать ямщика.

– Эх, барин. Чево убирать-то их?.. Нно-но! Замахнулся он на серую свою пару.

– Да убери же ты, свинья, свои вожжи! – Не выдержал я, бросая ему вожжи на козлы.

– Да вы, барин, чево ругаетесь-то свиньей? Я вот возьму лошадей распрягу да пойду назад, а вы оставайтесь!..

Угроза ямщика была довольно внушительная. Зная по наслышкам, что она могла быть легко осуществлена ямщиком, я вторично уже опасался называть амбициозного ямщика «свиньей» и пределикатно клал концы вожжей ему под сиденье каждый раз, когда он их бросал так бесцеремонно мне на брюки, уже окончательно пропитавшиеся жиром, но зато нерпичьим.

Не помню, на какой только версте, но, вероятно, на полдороге к Подгородной станции, повстречалась нам стоящая серая тройка, отмахивавшаяся от назойливых оводов и комаров. Ямщика не было видно. Я полагал, что он на время слез, но вышло совсем не то; ямщик мой оказался догадливее меня.

– Вот леший-то! – Проговорил он, поравнявшись с тройкой: – Заснул!.. С этими словами он остановил своих лошадей, не спеша слез с козел, подошел к телеге и стал кого-то будить.

– Терёшка!.. а, Терёшка!.. Терёшка, леши-ий!.. Вставай!.. Вишь, лошади-то твои стоят. На станции ругать будут...

Ни единого звука в ответ, кроме богатырского храпа.

– Вот окаянный-то! – Суетился мой ямщик, заходя с другой стороны телеги. – Ну, чорт, вставай! Терёшка! А, Терёшка!.. – И снова та же процедура. Но Терёшка спал. И только после пятиминутного расталкивания, промычал нечто вроде следующего:

– Ладно!..

При этом голова Терёшки вынырнула из глубины телеги и, вскинув на меня осоловелыми глазами, снова юркнула обратно.

– Л-ладно!.. Л-ладно!.. Л-ладно!.. – пробурчал он еще и снова захрапел.

– Вставай же! – Снова стал резонировать мой ямщик, но снова в ответ – храп.

– Кто это такой? – Полюбопытствовал я.

– Да ямщик с Подгородной...

– Давно из города обратно?..

– В шесть часов выехал из города...

Было уже около ½ 12-го часа.

– Ну ладно же, – сказал мой ямщик, потеряв всякую надежду на то, чтобы разбудить своего товарища, и с этим он усиленно стал хлестать по всем трем лошадям терёшкиной тройки. Тройка встрепенулась, рванула телегу, и в карьер помчалась с горы. Я следил с любопытством, как Терёшка от толчков подскакивал из глубины телеги как мяч по крайней мере на четверть над телегой и удивлялся его непробудности и крепости его головы, бившейся о края телеги.

На гору терёшкина тройка снова остановилась. Мой ямщик опять нагнал ее и снова принялся хлестать; снова тройка понеслась. Наконец, комедия эта мне надоела.

– Скоро ли ты перестанешь ухаживать за Терёшкой? – Не выдержал я.

Ямщик взглянул на меня через плечо как-то недружелюбно, ничего не сказал и задёргал вожжами. Я оглянулся назад – терёшки-на тройка опять стояла, лошади снова отмахивались и головами, и хвостом от своих неприятелей – паутов, комаров, мух, мошек.

Когда же он доедет до станции, размышлял я: ведь пока выпится богатырь Терёшка, будет еще часов 6; итого, значит, на обратном пути из города он проедет от 6 до 6, что составит полсутки – 12 часов ровнехонько.

Так я и не видал больше Терёшку.

На Подгородной станции нашлась, однако, для меня тройка. Ямщик был несколько «подавший» и, как я заметил, остальные ямщики что-то все глядели таковыми, вероятно, «справляли» что-нибудь радостное. Ехал ямщик, отдать ему справедливость, ухарски. Стояла жара. Лошади были в мыле.

– Ты бы немного дал передохнуть лошадям, – заметил я.

Ямщик усмехнулся мне через плечо.

– Эх, барин! – сказал он, – Уж я-то знаю сам, когда придержать и когда – нет. Я уже вожу вот шестой годок, слава Богу, у меня лошади никогда не заморятся. Это ничего, что сегодня жара, надо только умеючи обходиться с лошадьми. Вот видите, они в мыле, а прошли всё-таки как свежие, не замучены... А вот теперь они передохнут малость, а там опять, – добавил он, придерживая тройку и доставая из кармана кисет с табаком, чтобы закурить... – Это еще что, – пояснил он, – а вот беда, когда эти два барина поедут – беда... (тут он назвал фамилии) от них только и слышишь постоянно: гони да гони; коренник идет вскачь, а они всё: гони. А вы сами, барин, видите: какова здесь дорога-то – проклятая, одним словом. Вдруг он затпрукал: – А вот поглядите сами на этот мост. – Путь лежал через дырявый до невозможности мост. Целых досок не хватало, а те, что были, ходили, как клавиши под колесами. С замиранием сердца я смотрел, как лошади ступали между зиявшими отверстиями моста: один неверный шаг лошади, и она наверняка переломит ноги. Но чуткие животные бережно миновали опасность.

– А ведь мосты все такие... Вот саперы, сказывают, будут поправлять их. А славно было бы это...

На Тигровой станции... стали запрягать. Ямщики засуетились около тележки.

– Кто теперь поедет со мной? – спросил я их.

– А вот он, – указали мне на маленького молодого человека без усов и бороды, с фуражкой на голове без козырька и с желтыми буквами на черном околыше «1 В.С.».

– Хорошо повезешь? – обратился я к обладателю этой фуражки.

– Ницаво – повезем, – зашепелявил тот.

– Ну да, повезет! – заметил один из ямщиков. – Вы, барин, лучше сами управитесь с лошадьми, чем он: одно слово – «не брани меня, родная».

Все ямщики разом захохотали.

– От чего это они над тобой так зло смеются? – спросил я «не брани меня родную».

– Я не из ихних, – ответил тот.

– То есть как «не из ихних»?

– Я на вольные работы отпущен, в б-дие, и поступил сюда в ямщики.

Тогда-то я понял значение «1 В.С.».

Поехали мы с «не брани меня родная». Вез – так себе. Но что было утешительного – так это то, что он оказался весьма словоохотным. Массу анекдотов и прибауток пересказал он мне. Между прочим поведал и то, что он получает 12 р. на хозяйских харчах, но что харчи эти не в пример хуже солдатских. А на одном из мостов он выказал замечательную свою ловкость: убил саженную черную змею, спавшую на мосту, одним ловким ударом кнута.

– Вот так, кнутом, самое лучшее бить их, – пояснил он, растягивая судорожно корчившуюся еще змею, чтобы приблизительно составить понятие о громадной величине змеи.

На 5-й весте от Раздольного он стал тормозить телегу. Это громадный спуск, невероятно крутой, на котором, как мне рассказывали, рвались в 80-м году артиллерийские тормоза на обратном пути прогулки из Владивостока в Никольское. И ни одного зигзага, могущего облегчить опасный спуск. Вероятно, строитель дороги руководствовался известной геометрической аксиомой, что «кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая линия». Аксиома верная, но не всегда применима к практике... Однако в Раздольное приехали благополучно.

Раздольный обстроился (не село только, а батальон) прекрасно. Постройки продолжают и теперь. Впечатление, произведенное на меня обществом офицеров, самое отрадное. Маленькая семья батальона живет замечательно дружно и солидарна во всех вопросах своей несложной жизни. Общество офицеров чуждо кружковщины, составляющей отличительную черту большей части других подобных Раздольному захолустных уголков края и отравляющей и без того серую, неприглядную местную жизнь. Вообще, жизнь раздольненского батальона достойна подражаний для остальных собратьев его. Проведенное мною там время будет для меня приятным воспоминанием.

Из Раздольного я выехал с попутчиком, но уже не так удачно. О местном дорожном воротиле я и раньше слышал, что он не отличается вежливостью в обращении с проезжающими и учиняет всякие фортели. Я например от проезжающего с семейством из Иркутска некоего Б. слышал, что он хотел с ним драться, выгоняя его со станции. Кроме того, слышал подтверждение от офицеров раздольненских о той же его возмутительной грубости. Распространяемые им кляузы на проезжающих иногда, к сожалению, находят отголосок, а жалобы последних остаются гласом вопиющего в пустыне.

«Я вас знаю, таких! видали мы таких!» – вот его аргументация, когда он доказывает измученному расстроенному проезжающему свою власть, по которой он и милует и жалует его. И странное дело: каким образом не обуздывают таких личностей, но еще, говорят, придают значение его наглой клевете. Мы заказали по казенной подорожной лошадей к 11 часам. Но пока мы их получили, нужно было посылать к станционному смотрителю депутацию при разе и то лишь в ½ 2-го нам удалось добиться лошадей. От Тигровой станции до Подгородной мы ехали 3 ½ часа. Ямщик вез убийственно медленно. Слезал и закуривал по получасу свою трубочку. Никакие мольбы не трогали черствое сердце ямщика: он упорно делал свое, а мы запапались смирением, тряслись, кляня в душе дорогу, ямщиков, езду... Даже угроза занести в книгу жалоб ничуть не облегчила наше страдание и долготерпение. На Подгородной писарь мне предложил, что если я хочу ехать поскорее, то чтобы я захватил еще двух попутчиков до города, иначе, мол, придется ехать через три часа – в 9 ч. Я согласился. Оказалось, как мне передавал следовавший одновременно с нами Б., писарь и с меня, и с них взял прогоны. Значит, одним выстрелом двух зайцев сразу убил!..

Заканчивая эти записки, я, как и все проезжающие, исполнен одним искренним желанием видеть как самую дорогу, так и порядки на ней в более, будучи уверен, лучшем виде, что заносимые путешественниками в книгах жалобы будут всегда гласом вопиющего, поневоле приходится действовать путем печати, которая гораздо скорее может довести до желаемой цели.

Ив. Логаев.

Газета «Владивосток» № 43 от 27 октября 1891 г. С. 5–7.

ФЕЛЬЕТОН.

НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ

Наконец, и я связался с постройкою железной дороги, которая пройдет от Владивостока до Графской и, как новичок-подрядчик, решил отправиться предварительно на осмотр местности, на которой мне предстоит работать, а также взглянуть и на то, что делается у других. В настоящий момент я подрядчик только по костюму, по которому всякий меня узнает, но

что касается дела железнодорожных работ, то я даже не усвоил себе тех терминов, которые слышишь при постройке дороги на каждом шагу.

В один прекрасный день, как говорится, в 6 часов утра, к крыльцу подкатила тройка почтовых (я еще не успел завести собственных в английской сбруе, но заведу непременно и очень скоро), я со своим десятником (у всякого подрядчика есть десятник, который знает хорошо все железно-дорожные термины) уселся в телегу и приказал трогать. Кони ринулись и через несколько минут мы были уже около кладбища; здесь ямщик осадил тройку, поправил сбрую у лошадей, сделал самый строгий осмотр тарантаса и упряжки и, лишь только вскочил на облучок, как звонкие колокольчики залились по почтовой «широкой» дороге. Мы быстро удалялись от города, вспоминая и посылая добрые пожелания строителю этой дороги.

Вот мы миновали саперный лагерь, вот уже и до Подгородной осталось версты две, а на почтовом тракте все такое же оживление, как и во Владивостоке (конечно, днем, не ночью). Все время движутся взад и вперед рабочие, кто с инструментом, кто с котелком, кто с котомкою куда-то плетется устало, опираясь на свой длинный посох, то наконец без перерыва тянутся по тракту манзовские телеги, нагруженные до верху различными жизненными припасами, доставляя их в разные пункты работ. Местами, где почтовая дорога проходит близ железно-дорожного полотна, виднеются временные землянки и палатки рабочих, а на самом полотне целые сотни людей, лошадей и быков – все это двигается и копошится как муравьи. В одном месте вы видите целый ряд тачек с грузом, направляющихся все в одну сторону: они следуют строго друг за другом по настланным для этого доскам и рядом обратное движение пустых в совершенно таком же порядке – гуськом. Эту картину бесконечного движения вы видите почти всюду, где идут работы, с тою только разницею, что в некоторых местах вместо людей работают лошади.

По тракту мы обогнали в одном месте особую телегу, которая, вероятно, представляет из себя передвижную мелочную лавку; около нее стояли несколько человек рабочих и покупали печеный хлеб; продавалось ли там еще что-нибудь, этого я не заметил, но почему-то у меня промелькнула мысль, что хозяин этой лавки – будущий негодник и воротила здешних мест.

Дорогою мне пришлось слышать, что рабочие часто пьянствуют, что против этого многие восстают, но ничего поделать не могут и не знают даже, откуда у них водка, и бедняки рабочие, платя за водку втридорога, в конце концов остаются без тех заработков, которые приманили их к этим трудным работам. Такая заботливость о нравственности рабочего и его сбережениях похвальна, но если принять во внимание, что он целый день работает как вол, чтобы выполнить свой урок, а ночью имеет отдых в сырой землянке или холодной палатке, которая не защищает его даже от ветра, в которой нет возможности согреться и уснуть по-человечески, то придешь к заключению, что здесь для рабочего косушка водки необходима и подчас дороже алмаза...

К вечеру я попал в зимовье, где имел в виду переночевать. В это время работы всюду заканчивались, все в беспорядке двинулось к своим палаткам и землянкам, около которых запылали костры; тут же рядом собраны группами лошади, быки и телеги. В общем рисовалась картина живописная своим разнообразием.

Мало по малу и наше зимовье наполнилось публикою, которая так или иначе была причастна к работам по проведению железнодорожного полотна. В зимовье раздается общий разговор и он гремит смешанными голосами: вопросы и ответы, остроты, шутки, рассуждения о выгодности или невыгодах различных работ и сооружений пронизывают воздух по всем направлениям...

Наконец, раздалась звонки почтовых, подкатили тройки и наше зимовье быстро опустело. Оставшиеся точно щеголяли передо мною, перебрасываясь железно-дорожными терминами, а я в свою очередь старался каждый запомнить, для чего повторял его про себя по нескольку раз.

Мало по малу в разных углах послышался сперва легкий, а затем богатырский храп! Вдруг среди храпа раздается чей-то голос и произносит совершенно явственно «котлован»;

храп на минуту затихает, точно для того, чтобы каждому легче было прислушаться к дорогому термину, но вскоре опять все пришло в прежний порядок.

На следующее утро я поехал дальше и к вечеру попал в Раздольное...

Железно-дорожное полотно с малыми перерывами доведено почти до Никольского, на этом протяжении, почти на каждой версте, встречаются трубы и мосты и некоторые довольно серьезных размеров. Все каменные сооружения пожирают неимоверно много извести, песку и цементу и стоят больших денег, потому что одна доставка всего необходимого обходится гораздо дороже самого материала...

Летом, среди дождей, комаров и мошек, работы в лесу хуже каторги, это скорее пытка: даже манзы, и те не могут выносить комаров, которые с мая по конец сентября беспощадно жалят и людей, и скот днем и ночью.

В Раздольное я попал вечером, а потому ночевать расположился на пароходе «Пионер», который с рассветом снялся и пошел на Речное. Около 10 часов утра «Пионер» как шел, так и уселся на мель на известном баре, который всегда служит осенью препятствием для сообщения с пароходом «Новик». «Новик» тоже стоял на якоре в одной или полутора милях от «Пионера». Мы смотрели на «Новик», «Новик» смотрел на нас, но и только; командиры, кажется, на обоих преспокойно покуривали трубки.

Командир «Пионера», чтобы, в случае мелководья, пересадить пассажиров с «Пионера» на «Новик», взял с собою две манзовские шлюпки, которые, будучи пустыми, сидели в воде больше, чем «Пионер», и потому стали на мель еще ранее «Пионера».

До половины 5-го вечера тянулось время убийственно скучно. Ни малейшего движения не было заметно ни с той, ни с другой стороны, из которого видно было бы, что командиры хотят обменяться пассажирами; хотя средство к тому нашлось бы. Напротив, казалось, что командиры убеждены в безнаказанности случая, если не обменяются пассажирами, и потому были равнодушны. В пятом часу «Новик» ушел во Владивосток, а мы продолжали сидеть на мели, да еще так, что не могли двинуться ни взад, ни вперед.

– Вы не знаете – спрашивает один, – зачем командир сел на мель, а не стал на якорь перед баром? – А для того, чтобы иметь фактическое доказательство, что он не мог сдать пассажиров по мелководью и таким образом оправдать свой рейс; если бы он стал на якорь, то пассажиры не поверили бы ему и не подписали бы акта, и он легко мог бы получить нарекания. – Но ведь теперь он фактически не может нас доставить обратно в Раздольное, что же мы будем делать? – А будем сидеть и ждать у моря погоды.

На наше счастье, на пароходе случились два охотника, которые везли с собою фазанов, и видя скучные физиономии голодных пассажиров, пожертвовали малую толику из своих запасов. Утолив голод, мы уселись плотно около стола и, согреваясь чайком, повели беседу.

Все как бы смирились с своим положением и скоро разговор стал общим и вертелся около различных миллионных предприятий, хотя все разговаривавшие были форменные нищие... Положение же наше было не только незавидное, но даже можно сказать печальное, и обошлось все благополучно благодаря тому, что все это случилось не летом, а зимою. К ночи у нас оказался недостаток пресной воды, до берега недалеко, но попасть нельзя, потому что на имеемой шлюпке в свежую погоду можно было бы разве только утонуть, что прекрасно можно было бы сделать и без нее, но никак не добраться до берега; сам же пароход сидел всем днищем. Холод заставил всех жаться друг к другу и как бы кому не хотелось пить, он не трогался с места, чтобы не потерять насиженный уютный уголок, а потому и не было особенного требования на воду, которую, впрочем, после полуночи мы достали на пильне г. Федорова...

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ А.М. КАЗАРИНОВА ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ БЫТЕ РУССКИХ И КОРЕЙЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЗДОЛЬНИНСКОЙ ВОЛОСТИ.

26 февраля 1907 г.

Часть Раздольнинской волости к югу за р. Суйфун, которую я должен был объехать для исследования положения быта русских и корейских деревень, в границах, указанных на прилагаемом при этой записке плане, замером, высчитанным мне в Управлении государственных имуществ, представляет собой площадь до 172000 дес. разной земли. На этом пространстве мной выяснено населения:

1. 8 русских селений с площадью, отведенной им с 1888 г. по нарезке на количество душ, земли в 25831 дес. с населением, считая при этом взрослыми до 15 лет, в 213 дворах: мужчин – 368 чел. и женщин – 328 чел.

2.2 корейских селения, корейцев I категории, с площадью, отведенной им на семью по 15 дес. – 515 дес. для 62 дворов по настоящему исчислению, с населением взрослыми: мужчин – 147 и женщин -145 чел.

3. Занято, в собственность приобретенными, земли;

а) заимка г. Филипковского по р. Мангугаю близ уроч[ища] Барабаш -183 дес.,

б) заимка г. Малютина близь ст. Исаевой – 200 дес.,

в) заимка г. Грингоф в 5 в. от с. Занадворовка – 136 дес.,

г) заимка г. Мерт там же рядом – 140 дес.

Итого: 659 дес.

4. Занято временно пользующимися казенным наделом, как привилегией, служащими в Посъетском лесничестве ведомства государственных имуществ, – земли (преимущественно самой лучшей для хлебопашества и для сенокосов):

1 лесничий	100 дес.
1 кондуктор	75 дес.
2 лесными объездчиками по 50 дес	100 дес.
8 лесниками	400 дес.
1 старшим объездчиком	50 дес.
Итого: 725 дес.	

5. Нарезано вблизи сел. Раздольного и Занадворовки для духовного причта 2-х церквей и Раздольнинского попечительства -300 дес.

6. Занято под постройками военным населением (казармами, службами, огородами и др.) до 200 дес.

Всего занято под постоянным пользованием, согласно вышеизложенного подсчета, около 28266 дес.

Сколько отдается в этой части Раздольнинской волости По-съетским лесничеством земли в аренду: на годичный срок, в долгосрочную аренду – сведений у меня нет, но их и нельзя считать в числе ПОСТОЯННОГО населения, ибо этот контингент жителей может меняться. Но зато, в число постоянных жителей должны быть зарегистрированы и должны числиться таковыми, усмотренные мной здесь, в этой части Раздольнинской волости, до 800 фанз корейцев – корейских подданных, не принадлежащих ни к какой категории, а просто выходцев из Кореи, в количестве (считая мужчин и женщин только до 16 л.) более 3500 человек, основавшихся здесь совершенно оседло, они обрабатывают здесь чужую землю, от 4 до 12 лет, благодаря попустительству, соблюдая лишь свои интересы, коренного русского крестьянского населения, владельцев-собственников, нуждающихся в рабочих руках; также пользующихся как привилегией, казенными землями надельно, персонала лесного ведомства и, конечно, благодаря недосмотру со стороны местной администрации: частью и «по крестьянским делам», наблюдение которой почти не заметно с 1902 г. Почти у всего этого корейского населения, находящегося в полном своем языческом закоснении здесь среди русских, живущего, строго придерживаясь

своих только корейских обычаев, имея только свои корейские школы, или корейских учителей-одиночек, по опросам, вместе с приставом Раздольнинского стана г. Гудковым, во время нашего с ним объезда с 24 по 30 января включительно, у них не оказалось ни корейских, ни русских билетов, которых, по словам самих корейцев, они давно не брали, проживая здесь уже несколько лет подряд. Поселившись не на свободных казенных землях, а на участках за кем-либо числящихся, они, построив свои фанзы и заведя хозяйство, по обыкновенному здесь местному расчету платят всякому хозяину:

1. Ежегодно после съемки урожая по 15 п. с обработанной десятины из того хлеба или злака, который они посеяли, или вместо того деньгами по цене, которая тогда существует на продукты.

2. Платят своим арендаторам с каждой трубы фанзы, или с дыму, от 4 до 5 руб. в год в их личную пользу, а, если то была земля надела лесничества, то с каждого дыма по 3 руб. в пользу казны.

3. Если занимаются сенокошением, то делят поставленное сено с владельцем земли пополам.

4. Иногда же, по условиям с арендаторами, они берут у них землю для обработки под пашни: из половины, получая от хозяина на посев зерно, для обработки – лошадей и быков и более усовершенствованные орудия – плуги. Полученные потом в полях урожаи хлеба, злаков и овощей тогда уже делят пополам.

5. За пользование земель и разрешение хозяина поселиться на его земле, корейцы относят наравне с самими хозяевами все натуральные повинности: исправляют дороги и мосты, поддерживают обывательскую и междудворную гоньбу, выставляют, когда на то усиленно требуется, подводы арбами на лошадях или быках, все по условию с жителями – арендаторами. Это, так сказать, одна косвенная натуральная польза от этих корейцев для местной жизни и администрации области.

Вторая и довольно существенная польза это та, что занимаясь здесь, по большей части, исключительно земледелием, корейцы сеют хоть какой-нибудь хлеб, злаки и овес и тем дают возможность крестьянам завести запасы хлеба, или вместо него, продавая, собирают хлебозапасные деньги.

Сами крестьяне (за исключением нескольких одиночек) земледелием – хлебопашеством в этой части Раздольнинской волости не занимаются, предоставляя это дело корейцам, положительно прикрывая их здесь нелегальное житье. За это эти корейцы, принося пользу лишь их гг. арендаторам,

1) не оплачивают того налога, который с них полагается в пользу казны: а) при выходе из Кореи через только установленные для этого пункты и непременно с корейскими билетами за визу корейских билетов для одномесячного проживания в области, б) проходя преимущественно безбилетно бродягами, и в настоящее время по большей части через недействующую на китайской границе Мангугайскую заставу (в 30 верст, от уроч. Барабаш), без всякого контроля со стороны местной администрации, они не оплачивают казенного налога за: белый годовой по 5 р. билет, или за красный – штрафной билет по 8 руб., нанося таким образом ежегодный ущерб казне от 9000 – до 14000 руб., если из числа вышеупомянутого выше 3500 чел. взрослого корейского населения, можно будет считать до 1750 чел. мужчин взрослых – работников, не моложе 16 л., которые должны отвечать за себя, как плательщики за билеты.

2) Кроме того, эта безбилетная масса корейского выселения, проходя конечно к нам через границу без всякого контроля, дает по крайней мере 1/3 совсем нежелательного элемента. Зная из опыта и из сведений своих соотечественников, что на русских землях можно садиться семьями, корейцы идут к нам семьями со всеми стариками и старухами (страшно вредными для возможной ассимиляции). Идут калеки, идет всякий сброд корейских мошенников и бродяг, которые теперь особенно бегут от очень строгого и по существу серьезного надзора своих

новых покорителей – японцев. По слухам они особенно серьезно очищают и освобождают от вредного для них элемента северную Корею, прилегающую к нашей границе, предоставляя в то же время массами желающим корейцам выселяться в соседний Китай, где лучшее частью оседают селениями для земледелия, а похуже – стремиться контрабандно для заработков проникнуть к нам в Приморскую область. Народ идет туда и обратно. Назад возвращаются здоровые – одиночки, или с семьями, нажившиеся у нас на золотых промыслах, на разных копиях на Сучане или около г. Владивостока и в его крепости, а из Кореи – двигаются больше нищие безработные.

3) Эти бродяги корейцы, еще не успевшие осесть у нас на землях, свободно проходящие по корейским расселениям, без всякого с нашей стороны надзора, безусловно дают возможность легко и безнаказанно японцам проводить и уводить обратно, сколько им понадобится, своих японцев-шпионов, переодетыми корейцами, а также шпионов-корейцев из корейских подданных. На это дело японцы денег не жалеют и ими привлекают на свою сторону полугодных корейцев, приготавливая себе на пашей земле довольно прочную связь с местом своего дела из Кореи.

Вопросы эти очень серьезные. Эта часть Раздольнинской волости, весь Посыетский стан с их корейским населением, требует над собой серьезной работы и, главное, по моему мнению, самого быстрого разрешения.

Выше означенное количество до 800 фанз корейцев, корейских подданных, распределялось на обследованной части Раздольнинской волости на следующих местах:

1) при русском селении Раздольное – на крестьянской земле по займам – 62 фанз. у станции жел.(железной) дороги на земле отчуждения – 13 фанз.	по сведениям данных Раздольнинского пристава, сообщенным старостам 16 янв. с.г. за № 83 75 фанз.
2) в 6 верстах по просеку от с. Раздольного к 1-й речке на наделах служб. персонала лесничества – 20 фанз	Подтвердил лесной инспектор Анискин, который с нами ехал с с. Раздольного, провозжая до 2-й речки 26 января сего года.
3) то же – в сторону к морю на их же наделах по р. Сувфун – 25 фанз	
4) в 2 верстах от 1-й речки – к 2 речке – на тех же наделах до 30 фанз	

Здесь, в одной из групп корейских фанз, нами были усмотрены: а) корейская школа грамоты на корейском языке, с учителем-стариком 70 лет. Учеников – мальчиков 8 человек; б) довольно обширный истроенный маслобойный завод и для жмыхов-из бобов, скупаемых от окрестных корейцев. Обороты завода в год – до 8000 руб. По опросу, через переводчика, узнали, что корейцы живут здесь более 10 лет и теперь все безбилетные.

5) по р. Сандуга – от русского селения Нежино, в вершине на наделах старого лесного объездника Скупина – 15 фанз	
6) по р. Элдагоу на казенных землях лесного надела и у арендатора Малютина (аренда ежегодная, а корейцы постоянные) – 15 фанз	
7) при русских сел. Нежино на крестьянских землях – 18 фанз	По сведениям от крестьян на сходах
8) –//– сел. Пеняжино – тоже 45 фанз	По сведениям от крестьян на сходах
9) по р. Грязной около корейской д. Амбабира, на казенных наделах лесничества и у арендаторов – 32 фанзы	
10) по р. Амба – Белая на арендаторских наделах лесничества – до 60 фанз	
11) вблизи той же речк[и] у владельца г. Грингофа – 4 фанзы там же – тоже –//– Мерт – 6 фанз	
12) при финляндском и русск. селен., по сведениям от крестьян. Або – 39 фанз	Сход, в Або то же
13) по Малютинской пади лесничества и на разделке леса в Узеиной пади – 32 фанзы	
14) при русск. сел. Занадворовка на крестьянских землях – 58 фанз	
15) на собственной и арендной земле г. Фианпковского по р. Мангугай, близ уроч. Барабаш – 13 фанз	Сведения от самого урядника

16) при русск. сел. Овчинникова на крестьянских землях – 70 фанз	От крестьян на сходе
17) у лесника Бочарникова на наделах в вершине р. Мангугай – 11 фанз	
18) около кр. сел. Мангугай, на арендных землях (займка Персонала 15 ф. и др.) – до 40 фанз	
19) при уроч. Барабаш на землях военного ведомства и на землях лесничества – до 50 фанз	
20) при русск. сел. Попова Гора на крестьянских землях – 38 фанз	По сведениям от крестьян на сходах
21) –//– Богословка –//– то же 34 фанзы	По сведениям от крестьян на сходах

По подсчету итого 760 фанз и более, и это только в непромышленной части Раздольнинской волости, а сколько еще в ней, в северной части р. Суйфун, где работают с казенным лесом большие подрядчики г. Сеньковский и др. и еще больше в Цемухинской волости Раздольнинского стана, где в добыче каменного угля и при русских селениях крестьян, которые, наверное, тоже сами не занимаются земледелием, приспособились тоже много корейцев, корейских подданных.

Вышеприведенные цифры фанз корейцев, выяснившихся при моем объезде части Раздольнинской волости, ясно указали на ту способность, которую проявили корейцы для оседания на землях, как бы для них приготовленных нашим здесь коренным русским населением, не пожелавшим в этом краю серьезно заняться земледелием. Эти же цифры, давшие сведения о безбилетных корейцах, ясно указали: с каким вниманием к сему оседанию совершенно чуждого нам народа отнеслась местная администрация области в лице тех, кому следует ведать этим делом. Неполучением с корейцев за билеты и визу этих прямых налогов наносят большой ущерб казне, которая, в случае каких-либо несчастий в области: как от града, наводнений и пожара, а также от эпидемий и эпизоотий, для сохранения общих русских интересов своего коренного населения, должна будет сугубо производить расходы и для сохранения жизни и имущества чуждых нам пришельцев, произвольно устроивших свою жизнь на землях русских с условиями, от которых зависит часто обеспеченность последних.

Этот второй вопрос требует тоже быстрого разрешения. На мой взгляд, познакомившись с условиями развития бытовой стороны жизни русских крестьян и русских подданных корейских крестьян, положение самих жителей – по личной их жизни с семьями, а также с их имущественным инвентарем, по отношению к стремительной деятельности японцев по соседству,

положение русских крайне безотрадное. Как селиться здесь русскому, целым обществом переселенцев или поодиночке, для устройства крупного подворного хозяйства, с условием для всех – затратить немалый капитал, чтобы вести хозяйство хорошо, когда невольно должна явиться полная неуверенность в своей личной и для своего дела безопасности. Если при полном сознании, что эта часть Раздольнинской волости и соседний Посыетский стан, почти никем и ничем не защищены и представляют в настоящее время часть нашего отечества, по которой, устроив крупную военную демонстрацию с моря своим громадным флотом, японцам легко удастся подойти через Корею и занять узел железной дороги у станции Кетрицево, то нельзя не прийти к тому убеждению, что русским здесь селиться и что-либо серьезное и крупное предпринимать невозможно. Прежде всего для русских этот край нужно хорошенько укрепить или защитить большим количеством войск. Если же нет, то тогда уже оставить, как он есть сейчас, предоставив корейцам быть у русских рабочими. Но, вместе с этим, надо установить порядок получения в казну налога с них или с их хозяев, причем и средства для тех, кто будет смотреть за этим делом, должны быть иные, чем те, которыми наделяет Приморское областное правление приставов станом, как премией, по 5 коп. с выданного билета. (Таковое распоряжение есть у нового пристава Раздольнинского стана г. Гудкова). При этом считаю необходимым, при всяком обороте положения в этом крае, на все дело – крестьянское, которое здесь в совершенном загоне, должно быть, наконец, обращено внимание со стороны института крестьянских начальников и его «по крестьянским делам присутствия», которое здесь почти не проявляет своей деятельности с 1902 г. Совсем упало русское земледелие, хлебозапасных магазинов почти нет, а также в них и запасов; в правильной отчетности, даже по книгам, в селах убедиться невозможно. Эта отчетность по всем вопросам сельской жизни ведется бессознательно и неточно: все данные «по примеру прошлых лет». А между прочим потому, по моему кратковременному наблюдению, почти все крестьяне, или как лучше их назвать, здешние помещики, живут не бедно, а скорей с достатком, имея для побочных заработков достаточно и лошадей и скота, а многие в особенности после японской войны, в своей кубышке имеют в запасе, на хранении в сберегательных кассах не одну копейку на черный день, а сотни и тысячи рублей. Их жизнь неплоха, да порядку в ней нет.

Знакомясь с делом выдачи билетов заграничным корейцам, со способом получения за них денег и с их отчетностью в Приморском областном правлении, а также в канцелярии пристава Раздольнинского стана, я усмотрел некоторую неточность, которая дала мне возможность усомниться в правильности ведения этого серьезного дела, и, в данном случае, считать в Раздольнинском стане произвольные упущения, особенно резко выразившиеся в 1906 г. По сведениям или данным, которые мне удалось найти в делах бывших приставов, гг. Попова и Потылицына, по количеству находящихся в этом районе фанз, сбор с корейцев, если было допущено такое их заселение, за не просроченные билеты, считая их хотя бы числом 500 плательщиков, следовало бы с них 2500 р[уб]., а как за штрафные, то и все 4000 руб. Да и то, это ведь за одну часть Раздольнинской волости. А сборы за корейцев в остальной части этой волости и в целой Цемухинской волости – горно-промышленной и тоже с крестьянским русским населением. Где же они?

Для правильного суждения об этом выводе, представляю при сем следующие данные:

«По сведениям из Областного правления в г. Владивостоке из первого отделения.

«Ведомость о билетах, выданных корейцам»:

в 1903 г. в Раздольнинском стане Временно проживающим корейцам – 499 бил.,

проживающим -1818 бил.,

в 1904 г. было выдано в Временно проживающим Раздольнинском стане корейцам – 253 бил.,

проживающим – 2723 бил.,

в 1905 г. – временно проживающим
корейцам – 405 бил.,
проживающим – свед. нет.

Будучи 23,24 января сего года в сел. Раздольном, я постарался по тем сведениям, какие нашел в делах канцелярии пристава Раздольнинского стана, себе уяснить, как составлялись отчеты о выданных билетах и по сбору денег за них. Пристав г. Гудков и его писарь были здесь новые. Я сам тоже неопытен в этих делах, а потому пришлось, как умел, пользоваться теми данными, какие были под руками.

...

Сведения месячного сбора, согласно правилам, представляются приставами в Областное правление и в Контроль ежемесячно и потом общим подсчетом – годовым сведением. Заметили же там причину такого недобора денег за билеты в 1906 г. Предполагаю, что в Областном правлении должно было быть известно о существовании в Раздольнинской волости за р. Суйфуном до 750 фанз корейцев, корейских подданных, которые, по словам лесных объездчиков и самих крестьян, расселились в своих фанзах, местами более 10 л[ет] и, по данным в сведениях 1903, 1904 и 1905 гг., оплачивались, по отчету бывшего пристава г. Суворова, как указано в сведениях, проживающими корейцами.

К сведению сообщаю, что способ перемены билетов практикуется такой: книга билетов хранится у пристава стана в его канцелярии в с. Раздольном. Кому нужен билет, то прилагая 5 руб. за непросроченный билет свой старый, с визированным при нем корейским билетом, все посылается приставу, который высылает новый. Если же у кого из корейских подданных нет старого русского билета и никакого другого, или есть годовой – белый, но уже просроченный, то с деньгами по 8 руб. за штрафной билет, посылается описание личности того корейца, кому нужен билет и на это требование пристав, через ближайшее сельское правление, высылает новый годовой – красный в 8 руб. билет. В селении Попова Гора, где я был 29 января с. г. и на сходе собралось 10 чел. крестьян, бывший сельский староста Никита Азбук, в присутствии своих односельчан заявил мне, что в мае месяце 1906 г. к ним в село приезжал пристав Попов. Он загнал бывших в деревне корейцев в особый двор и получив от них за билеты до 500 руб. уехал, а билетов не выслал. Об этом ему тогда же заявили корейцы: «Вероятно, забыл выслать». Я в свою очередь тут же предупредил крестьянина Азбука, что это его заявление я помещу в свой отчет, что ему может быть придется повторить, когда его об этом спросят. На это Азбук мне ответил: «Вы же меня спрашиваете, отчего у наших корейцев нет билетов. Я же был тогда сельским старостой и что теперь говорю, повторю всегда, и, думаю, что подтвердят сами корейцы и др. из наших сельчан, которые об этом слышали». Корейцев тогда было более 60 чел. Получил ли тогда с них пристав Попов сколько денег и выслал ли билеты – не знаю, но по его отчету за 1906 г. за май месяц показано выданным 17 бил. на 133 руб. На денежную неаккуратность с билетами, на пристава Попова жаловались мне и др. корейцы, корейские подданные, в сел. по 2-й Речке на маслобойном заводе, в корейском селении Амбабира также несколько корейцев заявили на него претензию. За невыдачу билетов за полученные деньги в с. Раздольном китайский переводчик громко жаловался даже в самой канцелярии на пристава Попова в присутствии писаря пристава. Что пристав Попов объезжал эту часть Раздольнинской волости весной и летом 1906 г., об этом мне заявляли жители нескольких селений. Он должен был бы знать об этом нелегальном заселении здесь корейцев, корейских подданных, и должен был бы заставить выкупить билеты. Между прочим, в его годовом отчете за 1906 г. показано выданных билетов всего 59 на сумму 514 руб. В этом деле есть какое-то недоразумение, или же я в делах Раздольнинского пристава самостоятельно, по незнакомству с оборотами и отчетами его канцелярии, не нашел настоящих данных. Действительно аккуратно вести дело выдачи билетов всем иностранным подданным, хотя бы в одном Раздольнинском стане – одному приставу, желающему добросовестно отнестись к подобному серьезному и большому

делу – сбора денег, вести очень трудно, да и почти невозможно. Раздольнинский стан в Приморской области – самый обширный и требует постоянной и частой разъездной работы только по одним горно-промышленным работам в Цемухинской волости. Одному без помощников – ему трудно. Ему крайне необходимо в помощь для полицейских дел, для надзора, хотя бы 2 урядников, из которых один был при нем в с. Раздольное, а другой жил бы в районе рудников – на станции Океанской. Кроме того, необходимо до 10 чел. стражников, с которыми пристав в решительную минуту мог бы принять самые энергичные меры и для прекращения беспаспортного оседания корейцев и китайцев, иностранных подданных, и для приостановки громадного в настоящее время и свободного движения массы корейцев через наши незакрытые на китайской и корейской пограничной линии пункты и заставы.

С таким большим делом громадного Раздольнинского стана, да еще с денежным, от пополнения которого большинство желают всяко уклониться – одному приставу справиться нет никакой возможности.

РГИА ДБ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 302. Л. 96-102.

ОСВЯЩЕНИЕ ЦЕРКВИ В СЕЛЕ АЛЕКСЕЕВКЕ

Газета «Епархиальные ведомости» № 19 от 1 октября 1916 г.

Июля 10 дня в с. Алексеевке освящена церковь во имя преподобного Тихона Калужского и наша далекая, устраивающаяся, малолюдная епархия увеличилась в сей день одним храмом. Об этом выдающемся событии епархии хочется поделиться с собратиями и разделить эту великую душевную радость, дабы она была полнее.

В начале прошлого года одна Московская благотворительница Х. прислала Его Высокопреосвященству 10.000 руб. и просила устроить на эти деньги каменный храм (третий ею устроенный в епархии), где Владыка найдет это нужным. В апреле Владыка вручил местному благочинному эти деньги и благословил начать постройку, указав храм строить из кирпича на каменном фундаменте.

Благочинный в помощь себе пригласил приходского священника с Алексеевки и одного жителя Токарева, много лет служившего десятником на казенных постройках и немедленно было приступлено к работам. Алексеевцы дружно начали возить камень и планировать место для церкви среди села, под сопкой. Расчистка места потребовала много трудов и средств, но зато храм стоит на таком месте, откуда виден далеко кругом и невольно привлекает взор каждого. В мае месяце уже были готовы котлованы и вся бутовая работа. В начале июня положен был цоколь и торжественно совершена закладка церкви; потом началась кладка кирпича, которого пошло 100.000, и стены к началу августа были закончены, сложены в 7 арш. высоту.

...В октябре месяце уже стояли стропила и вся крыша опалублена. Зимой были совершены все столярные работы: окна, двери, половые доски и доски для подшивки потолков. Ранней весной начались кровельные работы, которые немного затянулись ввиду того, что заготовленных 100 пуд. железа не хватило и долго пришлось искать недостававших 70 пуд.

В мае, когда стало тепло, были поставлены печи и произведена внутри штукатурка, а за сим быстро приложены окна и двери, ошлихован и выкрашен осьмерик; к концу июня закончена была настилка полов и вставлены стекла. Тяжело было производить постройку в этом году: 10.000 руб. были израсходованы, денег не было и обедневшее население не могло дать ничего, но уполномоченный Токарев добавил материалы в кредит и расплачивался наличными средствами сначала, а потом и занимаемыми.

На очереди стоял тяжелый вопрос об устройстве иконостаса, когда денег не было и кредит был весь исчерпан. Еще зимою были получены от благотельницы Х. три киота для сего трехпрестольного храма и вся утварь и облачения на церковь на 5000 руб. и к трем киотам был

устроен четвертый и двое простеньких царских врат, а средние царские врата, двое боковых и четыре больших иконы в рамках подарила Раздольнинская церковь из своего старого иконостаса. К началу июля храм Алексеевский был закончен; обошелся он в 13.000 руб., имеет в длину и ширину по 27 арш. и высоту 20 арш. и при нем кирпичная колокольня 7 арш. длины и ширины, стены и крыша ею выше церковных на 3 аршина.

4-го июня благочинный имел счастье доложить Его Высокопреосвященству, что церковь готова к освящению; Владыка за радостное известие передал Алексеевцам радостную весть, что Комитет по удовлетворению религиозных нужд переселенцев ассигновал пособия 2.000 руб. на окончание постройки церкви, назначенной в селе Киевском, где церковь не строится, и дал распоряжение приготовиться к освящению на десятое число, к какому дню он прибудет в Алексеевку на пути из монастыря.

9-го было соборне отслужено всенощное богослужение во вновь устроенном храме; десятого к десяти часам прибыл для освящения Архиепископ Евсевий в сопровождении благочинного, пристава, почетного конвоя казаков и других лиц; от вокзала на протяжении двух-трех верст стояла 272 дружина шпалерами на пути следования Владыки.

В 9 часов Владыкой начато торжественное освящение храма совместно с игуменом Евсеем, благочинным, приходским священником А. Оснецким, соседним свящ. А. Стефаненко с протодиаконом и диаконом. По освящении архипастырь приветствовал Алексеевцев с великой радостью о сооруженном храме, отечески наставлял посещать его исправно, молиться всей душой и помнить благотворительницу храма.

Засим молящиеся видели торжественное архиерейское служение литургии, за которую пел местный хор, организованный учителем Н. Несмехом, посланным Владыкой из Седанки. Во время причастия благочинный сказал слово: «Слава тебе Боже... за милость и помощь сооружения храма, указал, что храм – это врата Небесные, школа, лечебница, место душевного отдыха, светильник, защита от зла и соблазна, а посему храм нужно посещать с радостью, со смирением...».

По совершении литургии уполномоченные приходом Токарев, сельский и церковный старосты с коленопреклонением поднесли Владыке хлеб-соль и благодарили как строителя храма, давшего им (а не другим) жертву Х.; приняв хлеб-соль, Владыка, благословив каждого из молящихся, отбыл в школу, где была приготовлена скромная трапеза.

В 2 часа благостный Владыка отбыл из Алексеевки в Раздольное в сопровождении почетного конвоя, начальника гарнизона и других лиц; по дороге в церковь стояла 729 дружина шпалерами у церковной ограды. Уполномоченные Раздольного преподнесли Владыке хлеб-соль у церковной ограды, и. д. церковного старосты у крыльца поднес хлеб-соль, священник встретил в храме словом, начатым: «Откуда мне сие, да прииде мати Господа моего ко мне». Был совершен краткий молебен и Владыка долго поучал паству житию нескверному, христианскому, полному единения с пастырем и храмом. Из храма Владыка отбыл посетить командиров дружин, Георгиевского кавалера сей войны генерала Сейфулина, здания школ, приходского священника, г. пристава и др. лиц и отбыл на станцию в свой вагон.

Владыка Святый! Да будет Богом благословенно вхождение твое и исхождение твое отныне и до века.

Диатилович.

Забутые страницы истории

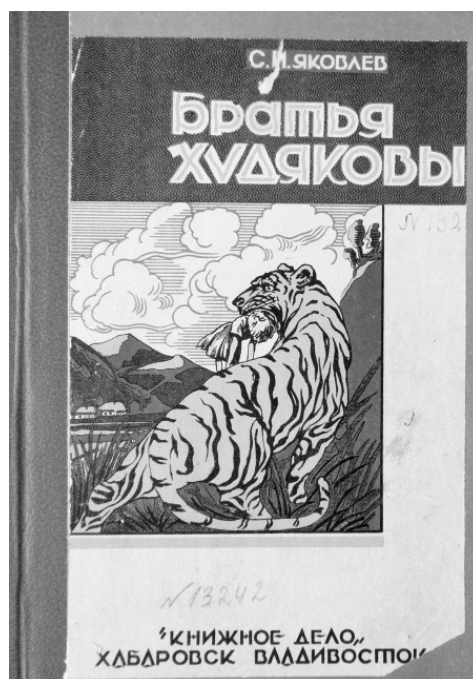
В почти полуторавековой истории поселка Раздольного есть немало событий и фактов, которые по разным причинам были забыты. Так, редко вспоминается, что почти три десятка лет село Раздольное было важным транспортным центром. С его именем связаны такие известные личности, как братья Худяковы, С.М. Буденный, Д.А. Драгунский. Здесь был один из крупных участков лесозаготовок. После окончания Великой Отечественной войны в Раздольном в течение нескольких лет находился большой лагерь японских военнопленных, а несколькими десятилетиями раньше, во время Русско-японской войны 1904–1905 годов, здесь излечивались от ран участники боев в Маньчжурии.

Документы из архивов, исторические публикации дают возможность вспомнить многое из того, что было забыто.

Братья Худяковы

О первопоселенцах Худяковых, живших вблизи Раздольного, написано очень много: от статей до книг. Многие факты противоречат друг другу, так что некоторые разночтения и понятные исторические неточности здесь неизбежны. Хутор Худяковых (последнее место их жительства), по некоторым данным, располагался там, где позже был зверосовхоз «Раздольненский», в 1965 году переименованный в «Кедровский» (п. Оленевод).

Семья старообрядцев Худяковых – отец Леонтий Дмитриевич (43 года) и разновозрастные сыновья: Федор (14 лет), Павел (12 лет), Иустин (8 лет), Александр (6 лет), двухлетний Афанасий и годовалый Порфентий (по другим источникам Парфений) – отправилась в Южно-Уссурийский край из Томской губернии в 1877 году. Они добрались до Раздольного в октябре того же года и поселились сначала в районе речки Клепки, впадающей в Суйфун. Первое время глава семьи и старшие дети занимались рыбной ловлей и охотой (у них было два привезенных с собой ружья). Диким мясом и речной рыбой Худяковы снабжали Раздольненский военный пост, там же брали хлеб. В их планах было устройство усадьбы на собственной земле, но в первый год наводнение унесло весь заготовленный лес.

В 1880 году Леонтий Худяков получил разрешение на разработку земли на правом берегу реки Суйфун, в 8 верстах от Раздольного. В 1883 году семейство увеличилось – родилась дочь Анастасия. К 1884 году вместе с сыновьями хозяин разработал 15 десятин земли, обустроил усадьбу с пристройками для скота, кузницей и мельницей. В этом же году в собственность Леонтия Худякова было отведено 100 десятин земли на берегу реки Кедровка, впадающей в Суйфун.

К тому времени старшему, Федору, исполнилось 22 года. Сыновья выросли самостоятельными и сообразительными, хотя фактически нигде не учились. Федор помогал отцу вести хозяйство на хуторе, успешно занимался пчеловодством; мед продавали во Владивостоке. Павел удачно добывал зверя и быстро стал известен как охотник на тигров. В 1886 году произошел случай, о котором сообщили все местные газеты, а позже – многие побывавшие в крае исследователи и путешественники. Со временем реальное происшествие с Павлом казалось относящимся к жанру охотничьих историй, но вот что писала газета «Владивосток» в феврале 1886 года:

«ВНУТРЕННИЕ ИЗВЕСТИЯ

Раздольное (Корреспонденция «Влад.»).

Один из сыновей семейства крестьянина Худякова, живущего на заимке верстах в семи от п. Раздольного, Павел Худяков, со слов которого мы пишем, молодой худощавый брюнет лет 19, но уже опытный завзятый охотник и таежник, 4 января, расставшись со старшим братом, тоже охотником, в тайге верстах в двадцати пяти к западу от Раздольного, близ речки Чуфун, пошел с винчестером последить кабанов и вдруг, неожиданно заметил на обрывистом скалистом утесе, саженях в пятидесяти расстояния, спокойно отдыхающих трех громадных тигров. Не теряя ни минуты времени, смельчак тщательно прицеливается в лоб самому большому из них; раздается выстрел, и убитый наповал в нос между глаз громадный самец-тигр кубырем свалился с утеса. Двое остальных моментально, как стрела, бросаются с утеса в направлении к охотнику, который, однако ж, не потеряв присутствия духа, так сказать на лету, успевает сделать в одного из них пять выстрелов и в другого один. Получивший пять пуль тоже падает без признаков жизни, немного не добежав до стрелявшего охотника, раненый же одною пулею

обращается в бегство и исчезает из вида. Счастливый, но слишком горячий и нетерпеливый охотник тотчас же принимается за жатву плодов своей удачи и отваги – принимается снимать шкуру с убитого первым выстрелом тигра и благополучно в продолжении около двух часов времени оканчивает свою работу, между делом однако ж часто посматривая и на другого лежащего невдалеке тигра. Никаких признаков жизни; громадная полосатая туша зверя лежит в самом неестественном для живого положении: головой вниз и задними раскинутыми ногами кверху, в гору, с отброшенным громадным хвостом. Между тем давно уже наступили сумерки, и полная луна уже высоко возшла над горизонтом и осветила тайгу своим неверным матовым светом. Охотник, не желая оставлять дорогую добычу в лесу на ночь, порешил, что и со второго тигра он успеет снять шкуру и к полночи может еще добраться до охотничьего шалаши-зимовья, где можно переночевать у костра, а назавтра отправиться на новые поиски за бежавшим третьим раненым тигром, путь которого он проследил теперь на значительное расстояние и определил по двойному обильному следу крови, что и этот третий товарищ двух убитых получил рану навывлет и далеко не уйдет. И вот, с винчестером в руках наготове, он подходит на несколько шагов к труп тигра и... Что за чудо – убитый пошевелился!.. Но, быть может, он ошибается: быть может, это обман зрения, игра воображения? Так или иначе, он прицелился в голову, грянул выстрел, и тигр воскрес... Как молния, в один прыжок, с страшным ревом бросается он на неосторожного смельчака, который однако же успел отскочить за ближайшее дерево... Декорации быстро переменились, теперь уже зверь яростно повел охоту на человека, охоту ужасную, беспощадную, с неизбежным трагическим финалом... Бешенство и ярость раненого зверя с одной стороны и чувство самосохранения человека ввиду неминуемой гибели с другой обнаруживают невероятную энергию и быстроту движений как со стороны нападающего, так равно и со стороны спасающегося от нападений... Три раза тигр бросается за охотником вокруг толстого ствола дерева и три раза последний успеваеет уклониться от этих нападений. Наконец, тигру удалось таки схватить охотника передними лапами... И вот лицом к лицу тигр на задних лапах, охотник стоя на ногах и схвативши зверя за горло – начинается последняя неравная борьба... Тигр схватил уже охотника зубами за голову сзади, но меховая шапка, а быть может и одна из пуль, удачно попавших в нижнюю челюсть, неизвестно что, но только кости черепа у охотника остались целы, зубы, прокусив шапку, скользнули по голове, пропоров только кожу до самой кости, в то самое время как охотник, продолжая держать зверя правой рукою за горло, левой выхватил нож и всадил его в тигра; последний отскочил, попятился назад и с глухим ворчанием сел, как кошка, в нескольких шагах от своей окровавленной жертвы. Охотник тоже тихо отступил назад и понемногу стал удаляться от зверя, пока наконец и совершенно скрылся с его глаз. Нападений и вторичных попыток к преследованию со стороны тигра больше не было, и что случилось с последним, пока неизвестно¹

Удалившись кое-как на приличную дистанцию с места поединка, весь окровавленный, в изорванной в клочки одежде, без шапки, охотник перевязал кое-каким тряпьем с помощью ремешков и бечевки свою пораненную голову и сильно кровоточащую правую руку и правую же ногу пораненные частью когтями и частью зубами тигра. Мороз был жестокий, к тому же поднялся ветер и грозила разразиться пурга. И вот, истекая кровью и выбиваясь из последних сил, израненный охотник напрягает последние усилия, чтобы как-нибудь выбраться из снежных сугробов и дотащить до шалаша. Действительно верно то, что в человеке желание жить сказывается особенно сильно именно в момент крайней опасности потерять это драгоценное благо. Наш охотник, страшно страдая от ран, почти замерзая от холода, ночью, в метель, все-таки выбрался из снежных сугробов тайги и дополз кое-как до шалаша, отстоящего от места катастрофы верстах в десяти, если не более. Но и здесь страдания несчастного еще не окон-

¹ Последний до сих пор не найден. Нападавший тигр на охотника найден братом его Федором в расстоянии 1 версты от места происшествия при последнем издыхании.

чились. В холодном шалаше, только с грехом пополам укрывающем от снежных заносов, без пищи, у плохого, едва дымящего костра, он должен был один, без всякой помощи, провести еще двое суток, так как силы его уже окончательно оставили, а запас сухарей при жевании сказывался сильной болью в пораненной голове, да к тому же во время пути он сильно поморозил еще и правую пораненную ногу; идти же до дому оставалось еще добрых десять верст, а он не был в состоянии сделать и десяти шагов. Вероятно, он недолго бы просуществовал здесь, в таком отчаянном положении, и наверняка погиб бы от голода и холода. Но судьба, не допустившая нашего охотника до окончательной гибели в когтях тигра, должно быть, пощадила его и от голодной смерти. На третий день утром брат несчастного, отправляясь в тайгу по той же дороге, заглянул в знакомый им обоим шалаш, откуда уже и доставил пострадавшего в семейство домой.

О состоянии здоровья героя-охотника П. Худякова врач стрелкового батальона, стоявшего в Раздольном, посетивший раненого тотчас по доставлении его домой, сообщил нам следующее: на волосистой части головы имеются две раны. Одна в теменной области, идущая в поперечном направлении головы немного наискось справа налево и с перепада кзади протяжением в полтора вершка и в глубину проникающая до кости. Другая в большой правой височной области в направлении сверху книзу и спереди назад, глубокая, с разорванной и вывороченной частью мышцы и проникающая до кости, повреждения костей черепа нет. На тыльной поверхности кисти правой руки сквозная зияющая и разорванная рана, проникающая всю толщину ладони и открывающаяся небольшим выходным отверстием у основания возвышения большого пальца. На тыле той же кисти руки имеются еще четыре поверхностные раны мягких частей, эти четыре раны неглубоки и проникают только толщину кожи и клетчатку. На правом предплечий с тыльной поверхности, приблизительно около его середины, имеются две раны, одна незначительная и другая глубокая, с развороченными краями и вырванною мышечною тканью, проникающая всю толщу предплечия до межкостной связки, повреждения костей верхней конечности нет. В правой подмышечной области имеются две незначительные раны, проникающие только кожу. На правой стопе у основания мизинца с наружной, отчасти подошвенной его стороны, имеется глубокая рана, проникающая все ткани до кости, с развороченными и размятыми краями, протяжением около вершка. Вся правая стопа и нижняя половина голени сильно опухли, кожа их напряжена, красна, горяча и отечна, все пальцы на этой ноге опухли, посинели и сплошь покрыты отчасти пузырями и отставшей кожей, что произошло от обморожения. Все описанные раны не представляют серьезной опасности для жизни пострадавшего, но, вероятно, ему придется подвергнуться операции вынуждением всех пальцев на обмороженной ноге.

Морально Худяков чувствует себя хорошо и грозит сделаться после выздоровления заклятым врагом тигра, что и совершенно возможно ввиду его редкой отваги и замечательного умения стрелять, если только, конечно, течение болезни и последствия предстоящей операции не сделают его неспособным к перенесению лишений и трудов, неизбежных в жизни охотника-промышленника» (конец цитаты).

Тигры в тайге близ Раздольного не были редкостью; вот еще одно сообщение: «На днях местный охотник мещанин Хлебников... убил близ Раздольного огромного тигра, бросившегося на его товарища, неудачно выстрелившего в зверя. Тигр опасно изранил товарища (фамилия нам неизвестна), раздробил руку, изуродовал лицо и голову. Растерявшийся вначале Хлебников выпустил все пули в убитого им зверя. Большой доставлен в Раздольное, в лазарет» (газета «Владивосток» № 50 от 11 декабря 1888 г. С. 4).

А охотничий подвиг Павла Худякова вспоминали и много лет спустя: «В Уссурийском крае... можно встретить целые арсеналы оружия лучших систем, кроме дробовиков, так как главная охота зверовая; преимущественно в употреблении американские штуцера системы Винчестера, магазинные. С ним опытному охотнику не страшен ни медведь, ни тигр, и в 1886

г. зимой был случай, что один охотник из села Раздольного, крестьянин Худяков, встретив в лесу сразу трех тигров, не побоялся напасть на них и перестрелял их поочередно: первому пуля угодила между глаз, остальные два побежали и были убиты двумя пулями вдогонку. Все бы обошлось благополучно, если бы не жадность охотника, пожалевшего второй пулей прикончить того тигра, в смерти которого могло быть сомнение и прямо начавшего с него сдирать шкуру, но едва нож коснулся тигра, он очнулся, смял охотника и порядочно потрепал его, раньше чем ему удалось распороть брюхо ножом...» (Васильев В. Наш Восток и его промыслы. СПб., 1911).

Но, конечно, хотя и прославившись как удачливые охотники, Худяковы еще более успешно развивали хозяйство. К 1890-му году на реке Кедровке они построили водяную мельницу; в строительстве семье оказывали помощь жители ближних сел Тереховка и Городечное, рассчитывая, что впоследствии они будут молотить зерно на льготных условиях. Но через некоторое время очередным сильным наводнением плотина была разрушена, и мельница перестала существовать. Постройки и усадьба Худяковых тоже сильно пострадали от воды. После этого они перебрались на новые земли в то место, где позже расположился зверосовхоз «Кедровский».

После переселения Худяковы по-прежнему занимались охотой, мясо стали сдавать рабочим лесодобывающей компании, которая валила и отправляла лес во Владивосток. Концессионные лесоразработки велись в районах рек Клепка и Кедровка, управлял ими француз. Заготовленный лес отправлялся главным образом сплавом по реке Суйфун. Управляющий концессией решил, как сказали бы сейчас, оптимизировать логистику, и рискнул заказать Худяковым моторную шхуну для буксировки леса в Амурский залив и далее во Владивосток. Как им, не имеющим никакого опыта судостроения, далеким от моря, это удалось – непонятно. Но довольно быстро плавсредство было построено и выгодно продано.

После этого предприимчивые Худяковы решили обзавестись своим судном. На берегу Кедровка братьями была сооружена небольшая верфь, на которой по собственному проекту они заложили однотонный ботик, прослуживший им два года. Имея его, они стали зарабатывать ловлей рыбы, а также ходили на судне в южную часть края, где успешно охотились на диких гусей и уток; кроме того, зимой они промышляли зверя в окрестной тайге. Один из соседей Худяковых, тот самый охотник Хлебников, предложил Павлу, Иустину и Александру заняться еще и промыслом морского зверя. В 1893 году братья построили уже 5-тонную шхуну и стали промышлять по всему побережью Южно-Уссурийского края от Тюмень-Улы (Туманной) до Тернея.

В 1896 году в Южно-Уссурийском крае опять случилось наводнение, захватившее и хутор Худяковых. Водой унесло часть хлеба и хозяйственного инвентаря, весь запас сена, Кедровка затопила нижние надворные постройки. Сыновья Худякова, услышав о беде, быстро вернулись с морского промысла и перевезли на своей шхуне от дома к сопкам все, что смогли спасти, сумев переправить в безопасное место даже скот и лошадей. После этого было решено перенести семейную усадьбу на более высокое и удобное место, лежащее выше уровня самых больших разливов Кедровки. В этом новом доме семья прожила до 1930-х годов.

В 1897 году была спущена на воду новая шхуна – «Хуторок». На ней промысел сначала велся по-прежнему у берегов Японского моря, а в 1900 году братья решили пойти к Шантарским островам, в Охотское море. Несколько позже на «Хуторке» был установлен двигатель. Именно в это время Худяковы начали писать отчеты обо всем увиденном, что было оценено в Обществе изучения Амурского края. Получив там инструкцию по наблюдению за погодой, братья стали вести метеонаблюдения; так в Раздольном появилась настоящая метеостанция. В 1901 году лесничий и активный член ОИАК Н.А. Пальчевский выступил в Обществе с докладом о разносторонней деятельности Худяковых, после чего они были приняты в члены ОИАК и сотрудничали с ним, в частности, пополняя коллекции музея.

Позже младшие братья – Александр, Афанасий и Порфентий – уехали работать в Хабаровск. Трое старших остались на хуторе, где уже обзавелись своим хозяйством, строениями, садом и огородом. Федор занялся скотоводством и новым делом – разведением оленей; Павел после схватки с тигром все-таки остался инвалидом. Наверное, самым знаменитым в роду Худяковых стал Иустин: он занялся выведением новых сортов плодово-ягодных растений. Первые работы по садоводству в усадьбе Худяковых начались еще в 1885 году. Так, в октябре 1891 года газета «Владивосток» сообщала: «Нам передают, что на заимке крестьянина Худякова (близ Раздольного) пересаженные дикие вишневые деревья в этом году цвели два раза: первый раз весной и вторично 25 сентября».

Самостоятельно изучая природу Южно-Уссурийского края, Иустин Леонтьевич выявил более 50 видов дикорастущих плодовых и ягодных растений и решил одомашнить их, но «таежники» хороших плодов и урожаев не давали. С 1890-х годов он стал выписывать саженцы и черенки из европейской части России, Манчжурии, Кореи, Японии, Канады, США, пытаясь акклиматизировать их.

Подсчитано, что одних яблонь им было испытано 105 сортов; однако в целом опыты, продолжавшиеся около 20 лет, не были удачными. Тогда И.Л. Худяков обратился за советом к И.В. Мичурину, который посоветовал заняться скрещиванием местных диких видов с европейскими сортами. На этом пути его ждал успех, и впоследствии Иустин стал известным дальневосточным «мичуринцем». Он вывел много сортов смородины, винограда, слив, яблонь, которые теперь распространены по всему Дальнему Востоку и Сибири.

В 1899 году Леонтий Дмитриевич и Павел Леонтьевич Худяковы были участниками Амурско-Приморской выставки в Хабаровске, где Леонтий был награжден похвальным листом Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за представленную на выставке охотничью лодку с принадлежностями собственного чертежа и изготовления. Его сын Павел, участвуя в народных стрелковых состязаниях, завоевал первый приз, и Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков вручил ему винтовку Мосина.

Афанасий Худяков не только вместе с братьями, по личным чертежам, стал строить морские шхуны – он самостоятельно овладел навигационными науками и другой необходимой теорией, а в конце марта 1903 года экстерном сдал экзамен на штурмана дальнего плавания. Он ходил на собственном судне в Японское и Охотское моря, добывал морского зверя. Кроме того, Афанасий освоил фотодело, сделал множество снимков животных, растений, видов природы тех мест, где бывал в рейсах. За представленные в ОПАК фотоальбомы Афанасий Леонтьевич первым из братьев Худяковых был принят в члены этого Общества.

К началу XX века Худяковы стали известны всему краю. В апреле 1903 года газета «Владивосток» писала: «... Давно уже у нас пользуются известностью братья Худяковы – жители села Раздольного. Они и охотники, и морские промышленники, и судостроители, и мореплаватели, и фотографы, и писатели – все что хотите. Во всяком случае, эта способная семья заслуживает всяческого внимания».

Как охотники – они известные истребители тигров. Одна история борьбы одного из братьев с тиграми была подробно рассказана несколько лет тому назад в нашей газете...».

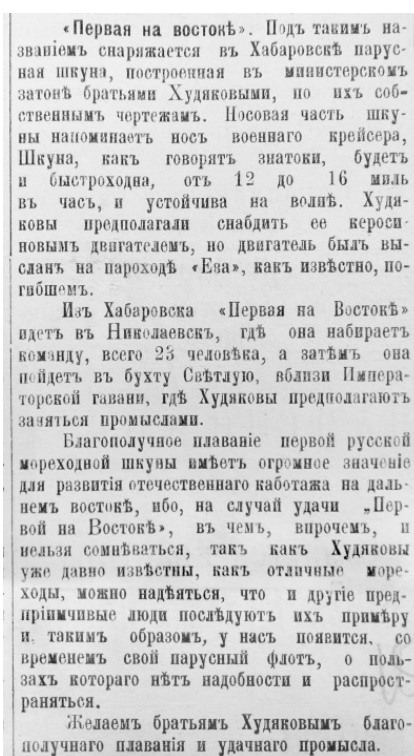
Через несколько лет в официальном справочнике была озвучена дополнительная информация об этой семье как об охотниках: «В Уссурийском крае приобрели известность тигрятники братья Худяковы, о которых рассказывают, что они ловят тигров живыми. Охота производится при посредстве собак, которые забегают впереди тигра. Тигр на минуту останавливается и пригибается, чтобы сделать прыжок на дерзкую собаку. А в это время охотник быстро набрасывается на тигра сзади и взнуздывает его» (Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909).

В том же 1909 году хабаровская газета «Приамурье» писала: «Первая на востоке». Под таким названием снаряжается в Хабаровске парусная шхуна, построенная в министерском

затоне братьями Худяковыми по их собственным чертежам. Носовая часть шхуны напоминает нос военного крейсера. Шхуна, как говорят знатоки, будет и быстроходна, от 12 до 16 миль в час, и устойчива на волне. Худяковы предполагали снабдить ее керосиновым двигателем, но двигатель был выслан на пароходе «Ева», как известно, погибшем.

Из Хабаровска «Первая на востоке» идет в Николаевск, где она набирает команду, всего 23 человека, а затем она пойдет в бухту Светлую, вблизи Императорской гавани, где Худяковы предполагают заняться промыслами.

Благополучное плавание первой русской мореходной шхуны имеет огромное значение для развития отечественного каботажного на Дальнем Востоке, ибо, на случай удачи «Первой на востоке», в чем, впрочем, и нельзя сомневаться, так как Худяковы уже давно известны как отличные мореходы, можно надеяться, что и другие предприимчивые люди последуют их примеру и, таким образом, у нас появится со временем свой парусный флот, о пользах которого нет надобности и распространяться.

Желаем братьям Худяковым благополучного плаванія и удачного промысла» (газета «Приамурье» № 868 от 7 июля 1909 года. С. 5).

Что касается сельхозпроизводства, то к 1913 году сад стараниями Иустина Худякова занимал площадь до трех десятин; из него на рынок в сезон вывозилось до 100 пудов ягод и столько же плодов – слив; яблок и груш. В том же 1913 году Иустин Леонтьевич был награжден золотой медалью Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, а поместье Худяковых как одно из лучших хуторских хозяйств Приморской области в 1913 году было отмечено правительственной премией в 200 золотых рублей. Там кроме огорода и сада была теплица, где среди прочего выращивались зеленый миндаль и корни женьшеня, пальмы и 13 сортов роз. Постоянных наемных рабочих в хозяйстве было всего два человека: мужчина и мальчик-подросток. Главную рабочую силу составляли сами хозяева – дети и многочисленные внуки Леонтия Дмитриевича. В 1912 году он умер и был похоронен в Раздольном.

В 1919 году неутомимые Худяковы кроме скотоводства и садоводства завели еще одно направление хозяйства – пантовое оленеводство. На хутор съехались пятеро братьев (Парфен-

тий умер в 1910 году), их общий семейный клан насчитывал 52 человека. Они закупили 70 голов пятнистых оленей на станции Седанка у оленевода Синкевича, и с этого времени начало активно развиваться оленеводческое хозяйство, долгое время называемое «Раздольненским», а позже переименованное в «Кедровское» (как указано выше). Оленеводство и звероводство получили свое дальнейшее развитие уже после установления Советской власти.

После революции и Гражданской войны крестьянское хозяйство Худяковых, преобразованное в артель (у них был даже свой трактор), дожило до 1930 года. О них писали газеты и журналы; было издано несколько книг и брошюр; предисловие к одной из них принадлежит В.К. Арсеньеву, знаменитому исследователю Дальнего Востока. Вот его текст:

«Когда мне приходится читать или слышать рассказы о пионерах и культуртрегерах, я всегда мысленно переносюсь в село Раздольное, на р. Суйфун, к хутору братьев Худяковых (Павел, Устин, Александр и Афанасий Леонтьевичи).

Если бы прибывающие теперь на Дальний Восток переселенцы знали, какой опасности подвергались первые засельщики края, как шаг за шагом они отвоевывали себе право на жизнь в стране первобытной и девственной и как старались придать ей вид страны цивилизованной – они менее жаловались бы на судьбу свою, потому что теперь они не находятся в одиночестве и могут всегда найти поддержку в соседних деревнях.

Фамилия Худяковых многим известна на Дальнем Востоке. Сколько раз они были в перестрелках с хунхузами, горели в тайге, тонули в речках, отбивались от нападения тигров. Это все героические их подвиги. Много, много раз с риском собственной жизни они спасали погибающих на суше и в море. Поступки эти характеризуют «Леонтьевичей» с альтруистической стороны. В лице братьев Худяковых мы видим людей, которые сами строили себе шхуны, плавали по морям и изобретали разные сельскохозяйственные машины. У них мы находим теперь один из лучших питомников пятнистых оленей; они ставили опыты садоводства, пользуясь данными новейшей научной литературы. Труды, содеянные ими на этом мирно-культурном поприще, не пропадут даром.

Я часто думал о том, какую интересную книгу можно было бы напечатать, если бы только описывать жизнь братьев Худяковых без всяких прикрас, так, как она есть... В. Арсеньев. 21/IV-1928 г. Г. Владивосток» (Яковлев С.И. Братья Худяковы. Дальневосточные рассказы. Хабаровск; Владивосток, 1928).

Известно, что Худяковы снабжали красных партизан продуктами, поддерживали Народно-революционную армию, внесли большой вклад в развитие советского народного хозяйства. Это в какой-то мере спасло их: в годы репрессий братьев не решились арестовать, а только выслали в Амурскую область. В настоящее время многие потомки Худяковых живут в Раздольном и Владивостоке.

Как железная дорога потеснила пароходы

В связи с активным заселением Южно-Уссурийского края и появлением новых населенных пунктов здесь были проложены почтовые тракты. Так, в издании «От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича» в 1891 году сообщалось: «Почтовая дорога от Владивостока до Раздольного проведена в 1881–1882 гг. военным инженерным ведомством, до того времени Владивосток был совсем отрезан от остальной части Южно-Уссурийского края по неимению удобных путей сообщения, и таковое производилось или вьючное, или пароходами через Амурский залив и вверх по р. Суйфун до Раздольного».

Как уже описано выше, через село Раздольное – до постройки железной дороги – следовали почта, грузы, пассажиры (причем как по реке, так и по тракту). Хотя такое активное транзитное движение через Раздольное предусматривало создание определенной сопутствующей

щей инфраструктуры, долгое время в селении даже не было постоянного двора. Вот что об этом сообщала газета «Владивосток» в январе 1893 года: «Несмотря на то, что через лежащее по тракту с Раздольное постоянно проходят обозы, – там до сих пор нет постоянного двора. Обозы останавливаются в грязных дворах манзовских фанз, а извозчики проводят ночи в дымных, донельзя грязных, фанзах. Спят они на канах (лежанках), где снизу ужасно печет, а сверху жутко от холода».

О других сложностях проезда по тракту Владивосток-Раздольное можно прочитать в конце книги, в приложении к тексту.

В 1880-х годах основную массу грузов составляло продовольствие и прочее снабжение, которое поставлялось в воинские части гарнизона Никольского и далее в край. Долгое время монополией на эти перевозки обладал купец М.К. Федоров, которому принадлежали пристань в Раздольном, склады-пакгаузы там же на берегу и пароход «Пионер».

О некоторых перипетиях грузоперевозок через Раздольное известно из документов Российского государственного архива Дальнего Востока. Один из них – прошение крестьян-перевозчиков на имя Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа, датированное 26 апреля 1885 года, где изложены претензии к М.К. Федорову по поводу несвоевременных расчетов с ними. В прошении, подписанном доверенными от обществ крестьян сел Никольского и Красный Яр А. Иващинниковым, Л. Кравцовым, И. Стеменковым и Я. Чумаковым, говорилось:

«Обязались мы и доверители наши при посредстве Владивостокского купца Федорова, в течение лета 1884 г. перевезти из Раздольного в Никольское казенного интендантского провианта 25 тысяч пудов по 20 коп. за пуд с тем, чтобы за утреску провианта в пути от Раздольного до Никольского, превышающую 1.5 фунта на 9-ти пудовый куль – отвечаем мы и доверители наши, и с тем, что в случае падежа скота и закрытия тракта возка прекращается и продолжается при открытии тракта. Уплату денег за доставку мы и доверители наши должны были получать по доставке каждых 5 тысяч пудов по предоставлении квитанции через семь дней от Смотрителя Никольского продовольственного магазина. Обязательство это 15 мая минувшего года было изложено на бумаге, которую доверенные наши рукоприкладствовали по неумению грамоте крестом и подписью интендантского вахтера Сахарова. Копию этой бумаги г. Федоров заверил и дал нам.

Много мы перевозили грузов в течение года и без всяких бумаг, посредников получали безобидный расчет. Так полагали и в этот раз, тем более, что надеялись на г. Федорова и верили, что он к обиде нашей ничего не сделает и что устроит все по бумагам с казною как следует по закону. Но вышло совсем напротив.

К нашему несчастью в Раздольном скоро появилась болезнь на рогатый скот и начальством был закрыт тракт для проезда на рогатом скоте с июня до октября. А у нас главную рабочую силу составляют быки. Несмотря на такое большое препятствие, мы и наши доверители усиленно работали на одних лошадях и вывезли в течение лета до половины сентября до 20 тысяч пудов...

Нагружались мы провиантом на телеги в Раздольном прямо от берега, на который кули с провиантом выбрасывались из корейских и манзовских шаланд буквально как из воды вынутые – мокрые, потому что в непалубных шаландах их окатывало морской волной в заливе. Об этом несколько раз крестьяне при нагрузке объявляли Раздольному старшине.

Федоров оставлял подмоченный провиант на берегу все лето из того расчета, что сложить мокрые кули в магазине – значило сгноить провиант – а на берегу он выветривался.

Принимали мы провиант весом от интендантского вахтера Сахарова по накладным смотрителя Раздольнинского магазина и сдавали весом же в Никольском под квитанции смотрителя здешнего магазина, который в каждой квитанции означал утреску и трату провианта в пути против накладных. При сдаче, мокрые кули от нас не принимали и заставляли сушить их, так что мы по недели теряли на это время и несли трату от подмочки и просушки.

Дорого стоила крестьянам такая сдача и усиленная доставка на лошадях, когда надеялись возить на быках, гораздо дороже тех денег, которые рядили, тем более, что сначала при переговорах с г. Федоровым полагали, что провиант будет как следует – не мокрый, что в нем задержки не будет, что крестьяне всегда получают провиант, когда бы не приехали в течение лета; но в действительности приходилось часто по долгу ожидать отпуска провианта, а часто и возвращаться в Никольское с пустыми телегами или же везти какой-нибудь посторонний груз, потому что провианта на небольшое количество подвод, как на 5-10 не отпускали, а требовали, чтобы собрать 20–40 подвод за один раз, а у крестьян рабочее время на пашнях не терпело ожидать такого сбора подвод...

Итак, частью по случаю закрытия тракта для проезда на быках и большей частью за задержкой и не отпуску провианта многим крестьянам, возвращавшимся с пустыми телегами, мы и доверители наши, не смогли вывезти в течение лета только около 5 тысяч пудов, но и этот остаток старались возить, несмотря на осеннюю распутицу, и вывезти. Все это следует из прилагаемых квитанций в сдаче провианта.

За первые 20 тысяч пудов мы получили деньги, но не прямо из казны, от смотрителя Никольского продовольственного магазина, как полагали сначала и как было при доставках в прежние годы, а должны были тратить время и деньги, чтобы посылать доверенных за деньгами во Владивосток к г. Федорову, причем не обходилось без проволочки и пререканий...

За последние 5383 пуда 35 фунтов мы не можем получить денег до сего времени...».

Далее в прошении-жалобе пространно излагались все действия крестьян-перевозчиков, приводились также многочисленные ответы Федорова с отказами об оплате, и в заключение была просьба «привлечения г. Федорова к ответственности, как за заблаговременно обставленный обман в расчете платежей».

Довольно длительные административные и судебные разбирательства закончились тем, что М.К. Федорову пришлось выплатить крестьянам числящиеся за ним долги, т. е. признать свою неправоту.

Еще до начала постройки железной дороги существование Раздольного получило новый стимул: появились широкие перспективы, многие местные обыватели стали буквально жить ожиданиями скорых перемен. Вот газетная заметка 1888 года: «Мы слышали, что начальником забайкальской экспедиции изыскания железнодорожного пути, уже выехавшей на место работ, назначен инженер Вяземский.

Крестьяне здешних деревень уже теперь предвкушают огромные барыши от постройки железной дороги. Так, например, крестьяне села Раздольного заявили следующие цены на строительный материал для жел. дор. и рабочие руки:

Плотник 3 руб. в день, землекоп 2 руб. 50 к., кузнец 7 руб., чернорабочий 2 р. 50 к., кубич. сажень бутового камня 45 руб. (с перевозкой не далее 2 верст); разных пород дерев длиною в 3 саж. по 70 к. с вершка, дубовые 1 р. и ясеневые 1 р., дюймов, доска (длиной 3 с.) – 1 р. 50 к., в 2 ½ д. 2 р., в 4 д. 2 р. 75 коп.» (газета «Владивосток» № 10 от 6 марта 1888 г. С. 5).

Как известно, сооружение Уссурийского участка будущей Транссибирской магистрали началось в 1891 году, и 17 августа 1893 года открылось рабочее движение между Владивостоком и Никольском. Железнодорожная станция Раздольное была самой крупной на этом участке пути.

Немало местных жителей, конечно, смогли заработать на постройке железной дороги, но еще больше их лишились привычной работы, связанной с перевалкой грузов на Суйфуне. Привлеченный к земляным работам китайский и ссыльный элемент создавал фактор беспокойства для обывателей; кроме того, после начала движения обострилась проблема лесных пожаров, и без того сезонно донимавших население. Вот типичная газетная заметка того времени: «С 25 февраля вновь начались лесные пожары. Начиная от Первой речки и до Раздольной прилегающая к линии жел. дороги местность представляет из себя сплошное море огня с небольшими

перерывами. Горит лес, горят дрова, телеграфная линия. Вследствие бесснежной зимы в лесу такая сушь, что малейшая искра, брошенная проходящим паровозом, производит пожар. От подобной искры паровоза сгорело недавно несколько десятков кубов городских дров и хвороста, заготавливаемых городом хозяйственным способом на Первой речке, в местности, подлежащей вырубке с стратегической целью» (газета «Владивосток» № 10 от 7 марта 1899 г. С. 3).

Итак, с окончанием прокладки железной дороги от Владивостока до Никольского весь поток грузов и пассажиров через Раздольное стал осуществляться в железнодорожных вагонах и платформах, хотя парходная пристань в селе существовала еще около десяти лет, а так называемая нижняя улица еще дольше. Газета «Владивосток» в 1902 году сообщала: «Село Раздольное после Никольска одно из старых сел. Самое лучшее время было для Раздольного с 1891 по 1895 годы. Проведение железной дороги, перегрузка грузов и пассажиров с парохода «Пионер» давало много заработков крестьянам. И действительно, по нижней улице было до десятка китайских лавочек, несколько кабаков, винный склад, пекарни и т. п. Теперь же на нижней улице только 4–5 домов, остальная часть перенесена на гору, другая часть построек брошена и совершенно поразваливалась. О перевозках груза и речи нет, все направляется по железной дороге. Торговля теперь сосредоточилась на верхней улице».

Несмотря на перебазирование основных учреждений, предприятий и жилых домов с нижней улицы на верхнюю, нижняя улица продолжала жить, хотя и менее активно, чем в 1880–1890 годы. Об этом свидетельствуют документы и исторические публикации.

В период Гражданской войны, когда контингенты войск нескольких стран размещались во многих населенных пунктах края, в Раздольном продолжительное время базировались японские воинские части. В этот период в селе появились японские дома терпимости. Решительный протест по этому поводу выразило общество с. Раздольное, рекомендуя японскому командованию размещать подобные заведения на нижней улице села. Сведения об этом инциденте появились в газете «Дальневосточная трибуна» 1 мая 1921 года:

«На общем собрании граждан села слушались заявления о том, что за последнее время в селе на главной базарной Александровской улице, наряду с учебными и общественными учреждениями появились японские дома терпимости.

Обсудив этот вопрос, собрание единогласно постановило: поручить сельскому правлению возбудить надлежащее ходатайство перед Раздольнинской волостной управой, перед японским командованием и местным начальником милиции о немедленном закрытии на главной улице села, как японских, так равно русских и корейских домов терпимости и перенести такие на более отдаленные улицы села, ибо настоящее их местоположение, по нашему мнению, как по русскому, так равно и по японскому обычаю, является неуместным и крайне нежелательным, так как развращающе действует на подрастающее поколение молодежи, служа последнему очагом соблазна и разврата.

Общество считает долгом указать, что по существующим российским законоположениям дома терпимости не могут быть открываемы в центральных местах. Необходимо придерживаться прежнего порядка, когда в селе дома терпимости находились на нижней улице за полотном железной дороги.

Местными властями по данному вопросу велись переговоры с японской жандармерией, но не привели ни к каким благоприятным результатам. Вопрос этот передан на рассмотрение в уезд».

Со временем нижняя улица окончательно перестала существовать в связи с разработкой залежей песка для кирпичного завода и частой затопляемостью левого берега реки в районе поселка. С утратой нижней улицы село лишилось бывшей речной пристани – свидетельства крупного транспортного речного пункта Раздольного.

От Тигровой дачи – к масштабным лесозаготовкам

Известно, что в Раздольном еще с досоветских времен работали лесозаготовительные предприятия, несколько кирпичных заводов, а также завод и комбинат строительных материалов. Малоизвестным фактом является то, что здесь действовал завод «Прогресс», выпускавший товары, как сказали бы сейчас, бытовой химии. Свою продукцию он в 1921 году рекламировал в приморских газетах:

«Техно-химический завод «Прогресс» с. Раздольное Приморской области предлагает как лучшие производства:

Американский обувной крем-блеск.

Нессиф-Феникс для стирки белья и пр.

Самоварную мазь для чистки всех металлов.

Чудо-мастику для натирания полов, лучшее средство как дезинфекцию полов, мебели и пр.

Требуйте в аптекарских и москательных магазинах»

Склад товара и справки Т-во П.К. Филатов и К^о» («Вечерняя газета» от 1 июня 1921 года).

В справочниках досоветского периода можно также найти немало адресов различных торговых компаний, действовавших в Раздольном. В 1907 году чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе А.М. Казаринов в отчете по обследованию Раздольного привел следующие данные: «Раздольнинское общество получало доходы с аренды в год: за питейное заведение М. Пьянкова – 2500 руб., за питейное заведение Т. Д. «Кунст и Альберс» – 2500 руб., с ресторанов – 825 руб., с китайской пивной -200 руб., с публичных домов – 350 руб.».

По данным «Сибирского ежегодника», в 1913 году в Раздольном были следующие предприятия: универсальная торговля Т.Д. «Кунст и Альберс», баня М.Д. Прыгунова; винные склады И.М. Вильневчиц и Т.Д. «М. Пьянков с бр.», пивные склады заводов «Богемия» и «Ливония», фотография А.П. Бородина. Кроме того, свою продукцию предлагали: канатный завод К. Шулынгина, лесоторговец Сун Тин Фун, фирма швейных машин «К^о Зингер».

В советское время, в предвоенные годы, в Раздольном активно действовали две промышленные артели: «Имени 23-й годовщины Октября» и «Имени С.М. Буденного». Они производили ведра, бидоны, баки, трубы, формы для хлеба, а также выполняли заказы населения. В Раздольном в это время активно работали и предприятия бытового обслуживания: фотография, сапожная, часовая и слесарно-бытовая мастерские.

После установления Советской власти, в 1920-х годах, в Раздольном начала активно развиваться лесозаготовительная промышленность. Еще до революции в ведении Раздольнинского лесничества была Тигровая лесная дача. Ее обследование, проведенное в 1912–1913 годах, определило, что общая площадь Тигровой лесной дачи составляла 20145 десятин. «С востока, юга и запада она граничила с деревнями Тимофеевка, Алексеевка, селом Раздольное, участком Кипарисово, а также деревнями Угловая и Кневичи (в площадь дачи были врезаны и мелкие земли частных владельцев и хуторов).

Промышленных лесообделочных предприятий не значилось. В северо-западной части дачи лежит стеклянный завод, потребляющий дровяные материалы...

Господство пород на даче:

Кедр – 772 дес. – 4%

Манчжурская пихта – 3248 дес. – 16%

Дуб-5257-27%

Береза – 149 дес. – 1%	
Ильм – 485 дес. – 2%	
Ясень – 1255 дес. -6%	
Клен-4455 дес.-22%	
Липа – 4524 дес. – 22%	
<hr/>	
20145	100%

Как видно из приведенного документа, Тигровая дача Раздольнинского лесничества имела солидный запас ценных пород деревьев. Лесозаготовки здесь начались в 1924–1925 годах в северо-западной части лесного массива, в верховьях реки Перевозной. Уссурийский леспромхоз заготавливал лес зимой, а весной и летом сплавлял по реке Перевозной, для чего на ней в нескольких местах были устроены шлюзы для подъема уровня воды. Далее по Суйфуну лес в плотах буксировали до Владивостока. Лесозаготовители жили на лесоучастках, а в Раздольном была построена база леспромхоза. Она располагалась в северной части села, куда от железнодорожной станции протянули линию широкой колеи.

В 1932 году построили узкоколейную железную дорогу по долине реки Перевозной. По ней заготовленный лес стали перевозить до Раздольного. Здесь же располагался основной лесоучасток, в 13 километрах от впадения Перевозной в реку Раздольную. Были устроены склады снабжения (продовольственный, фуражный, горюче-смазочных материалов), сооружен городок для рабочих-лесозаготовителей с жильем, магазинами, хлебопекарней, детским садом, медпунктом, большим клубом. В городке проживали не только временные сезонные рабочие (в бараках), но и постоянные рабочие с семьями (в квартирах).

Помимо основного лесоучастка было еще семь. Они соединялись с базовым комплексом железной дорогой. Общая протяженность этих путей на лесозаготовках Уссурийского леспромхоза составляла 49 километров. Здесь работали 25 гусеничных тракторов, использовался также гужевой транспорт (около 250 лошадей). Число постоянных рабочих на участках леспромхоза в бассейне реки Перевозной достигало почти 900 человек. Лесозаготовительные работы проводились также в бассейнах рек Поповки, Клепки, Супутинки, Шуфана. Отсюда лес вывозился автотранспортом и тракторами. Годовой план заготовки древесины Уссурийским леспромхозом в 1930 году составлял 350 куб. метров. На главной лесобирже в Раздольном лес сортировали и отправляли в вагонах по железной дороге к месту назначения. Здесь же, в Раздольном, работала пилорама, откуда стройматериалы отправлялись на стройки края.

С сентября 1945 года на лесозаготовках стал использоваться труд японских военнопленных. Об этом получены достоверные сведения из впервые опубликованных в 2006 году документов Государственного архива Приморского края. Грифы «секретно», «совершенно секретно» и «строго секретно» были сняты с них с разрешения Межведомственной экспертной комиссии по рассекречиванию архивных документов при администрации Приморского края в период с 1995 по 2006 годы.

Как известно, Вторая мировая война на Дальнем Востоке закончилась 2 сентября 1945 года, когда в Токийском заливе на американском крейсере «Миссури» был подписан акт о капитуляции

Японии. Но еще за несколько дней до этого появился документ о возможности приема японских военнопленных в разных пунктах Приморского края, в том числе и в Раздольном. Это была справка заведующего сектором транспорта Приморского крайкома ВКП(б) Ф.С. Шудры, адресованная секретарю Приморского крайисполкома ВКП(б) Н.В. Семину, о подготовке жилых помещений для приема военнопленных на Приморской железной дороге. В справке, датированной 29 августа 1945 года, сообщалось, что в Раздольном на кирпичном заводе «помещения на 1000 чел. полностью будут подготовлены к 15 сентября 1945 г.».

При этом следующий по времени появления документ – справка заместителя начальника Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел (УНКВД) по Приморскому краю Д.А. Тимченко и начальника отдела по делам военнопленных УНКВД по Приморскому краю П.П. Кайданова о ходе подготовки организаций края к приему военнопленных (от 4 сентября 1945 года) – свидетельствовал о неблагоприятном положении с этим вопросом: «Ст. Раздольное. Пленных намечено разместить в сушильном сарае кирпичного завода, помещение требует переустройства и капремонта, из-за отсутствия рабсилы никакой подготовки не ведется. Никаких других помещений – подсобных нет. Территории под зону нет, последняя ограничена только размерами сарая».

Сведения, изложенные в этой справке, нашли подтверждение в другом документе. Это докладная начальника УНКВД по Приморскому краю А.А. Закусило Народному Комиссару Внутренних Дел СССР Л.П. Берия от 19 ноября 1945 года, где приведены сведения о состоянии каждого лагеря «Приморсклеса» согласно актам, подписанным представителями леспромпхозов:

«Участок Раздольное. Лимит 1000 человек, завезено 500. Предупредительной зоны нет. Общая площадь для военнопленных 735 кв. м., однако на день проверки, т. е. на 2.XI, помещение к зиме было не готово: не застеклены окна, не установлены печи, не уложены нары. Нет помещения под столовую, кухню, баню, прачечную, дезкамеру. Намечаемое помещение для отделения и размещения конвойных войск не отеплено: нет окон, печей. Больше завозить военнопленных некуда из-за отсутствия жилплощади.

Из вышеприведенных данных явствует, что подготовка к приему военнопленных в лесную промышленность произведена неудовлетворительно... О необходимом инвентаре и вспоминать не приходится, потому что его в лагерных подразделениях, хотя бы в минимальном количестве, не имеется».

Отмеченные в докладной записке недостатки со временем были устранены. По воспоминаниям старожилов Раздольного, лагерь японских военнопленных разместили на правом берегу реки, в районе кладбища, на взгорье. Здесь выстроили бараки, лагерь был огорожен колючей проволокой. Отсюда военнопленные отправлялись на строительство деревянного моста через реку Суйфун, но основной контингент работал на лесозаготовках. Работа японцев в системе лесозаготовительного управления «Примлес» оказалась малоэффективной по многим причинам, в том числе из-за отсутствия подготовленных рабочих мест, плохой организации труда, нехватки или отсутствия рабочих инструментов и материалов, а также слабого и неквалифицированного технического руководства. Кроме того, здоровье пленных, ухудшавшееся из-за недоедания и болезней, их непригодность к местному климату, бытовая неустроенность не могли способствовать выполнению установленных норм. Поэтому к лету 1946 года правительство страны приняло решение об отзыве пленных с предприятий, о частичной их репатриации и, как следствие, – о постепенном закрытии лагерей военнопленных.

В документах государственного архива Приморского края имеется «Справка о лагерных отделениях, подлежащих ликвидации, согласно приказу МВД СССР № 00339 от 20.04.1946 г., для вывоза военнопленных японцев в Среднюю Азию на основании постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г.». Согласно этому документу, подписанному заместителем начальника УВД

Приморского края полковником Д.А. Тимченко и начальником ПВИ УМВД Приморского края полковником П.П. Кайдаловым, общее количество военнопленных, подлежащих вывозу в Среднюю Азию, составляло 16498 человек (из 25 лагерных отделений края). В числе этих объектов был лагерь № 14 на ст. Раздольное, где числилось 485 человек.

Несмотря на это решение, лагерь в Раздольном продолжал существовать и во второй половине 1946 года, пленные работали на лесозаготовках, но норм по-прежнему не выполняли. В сентябре 1946 года заведующий сектором информации оргинструкторского отдела Примор-

ского крайкома ВКП(б) И.П. Кузнецов направил секретарю крайкома ВКП(б) Н.В. Семину информационную справку «О неправильном использовании военнопленных японцев».

О положении дел в Раздольном в этой справке говорилось следующее: «В системе «Приморлес», из-за отсутствия должного порядка в использовании труда военнопленных, многие японцы не выходят на работу... в лаготделении Раздольное простой военнопленных с апреля по июль составил 2316 человеко-дней. Здесь офицеры лагерного отделения и японские офицеры на работу не выходят. Руководство пленными в лесу поручено мастерам леспромхоза, которых нередко японцы не слушаются, и конвоирам, последние придерживаются одного правила – держать японцев на работе 8 часов с момента вывода из лагеря... В эти же часы три-четыре раза проводится переключка, отрывающая от работы не менее 2-х часов, часовой обеденный перерыв. В результате, полезного рабочего времени остается не более 5 часов в сутки. В связи с этим выполнение дневных норм составляет по Раздольному отделению всего 41 %».

Вопросу «неудовлетворительного трудового использования военнопленных на лесозаготовках в леспромхозах треста «Приморсклес»» было посвящено специальное заседание бюро Приморского крайкома ВКП (б) 25 сентября 1946 года. Отметив причины имеющихся недостатков, бюро крайкома вынесло постановление, обязывающее трест «Приморсклес» и директоров леспромхозов принять конкретные меры по налаживанию работы с военнопленными. Названы были основные задачи: довести вывод военнопленных на работу в количестве не менее 80 % списочного состава, уплотнить рабочий день до 8 часов полезного труда в день со строгим контролем за выполнением дневных норм за каждым военнопленным, обеспечить их качественными лесорубными инструментами, организовать обучение военнопленных навыкам работы и безопасным методам труда на лесозаготовках, при каждом лагерном отделении открыть ларьки для продажи товаров военнопленным, перевыполняющим нормы выработки».

Со временем работа японских военнопленных наладилась. Сроки окончательной ликвидации лагеря в Раздольном по документам установить пока не удалось. Известно при этом, что возвращение военнопленных японцев на родину завершилось к апрелю 1950 года.

Милостью сердца люди благо творили

По общеизвестному определению, милосердие – это сострадательная любовь, сердечное участие в жизни немощных и нуждающихся (больных, раненых, престарелых). В летописи Раздольного есть примеры милосердия, проявившегося в разных сторонах жизни, в разное время. Участниками благотворительных акций были люди разного возраста и социального положения.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов раздольненцы, как и весь советский народ, собирали средства на производство и выпуск военной техники (танков, самолетов, бронепоездов), готовили и отправляли на фронт подарки воинам. Жизнь в эти годы была подчинена лозунгу: «Все для фронта, все для победы!». Этот призыв хорошо знаком всем, но немногие знают, что он появился в Первую мировую войну, когда в России поднялся высокий патриотический настрой. В той войне проявили чудеса храбрости и героизма воины многих частей, в том числе и приморцы.

С лета 1914 года на местных железнодорожных станциях зазвучали берущие за душу звуки марша «Прощание славянки» – эшелоны с войсками, боевой техникой и снаряжением потянулись на запад. Сначала на фронт ушел 1-й Сибирский армейский корпус из Никольска-Уссурийского, Раздольного, Спасска, Имана. Затем Владивосток проводил 4-й Сибирский армейский корпус, усиленный артиллерийскими полками Владивостокской крепости. Едва выгрузившись, корпуса с ходу вступали в бой. Хорошо обученные на маневрах войска из Южно-Уссурийского края, в том числе Приморский драгунский полк и 1-й Сибирский стрелковый Его Императорского Величества полк из Раздольного, внесли решительный перелом в сражения. Более 450 офицеров, генералов и адмиралов из Приморья стали кавалерами ордена

Святого Георгия и Золотого Георгиевского оружия, около 100 нижних чинов – полными кавалерами «Знака отличия военного ордена Св. Георгия» – Георгиевского креста.

Пока войны сражались на фронтах, оставшиеся в тылу семьи собирали средства на обустройство госпиталей и лечебниц, на подарки бойцам. Почти в каждом городе действовали Благотворительные общества, оказывающие помощь раненым и семьям погибшим.

Необычная благотворительная акция состоялась в Раздольном в 1916 году, о чем сообщила газета «Дальний Восток» 19 января того же года:

«Письмо в редакцию.

Г. Редактор!

Мы, дети собрались и поставили в с. Раздольном домашний спектакль. Играли мы пьесу «На войну» по сборнику журнала «Путеводный огонек».

Собранные деньги с наших родных и знакомых 19 руб. 48 коп. просим вашу редакцию переслать в Ксениевский детский приют Владивостокского благотворительного общества Володя и Гоша Мордовские, Оля и Валя Ширко, Вера Цеханович.

От редакции. Деньги переданы по назначению, номер квитанции будет сообщен по получении».

Вероятно, современные краеведы и историки смогут выяснить судьбу детей патриотов и их семей, проявивших милосердие в далекие годы Первой мировой войны...

Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов воинские части, размещавшиеся в Раздольном, были участниками военных действий в Маньчжурии. А в самом Раздольном работал госпиталь-лазарет, где лечились раненые воины. Это учреждение было создано по инициативе и на средства графини Елизаветы Владимировны, вдовы генерал-майора П.П. Шувалова. Лазарет на 210 кроватей открылся в Раздольном 12 октября 1904 года. Персонал его состоял из четырех врачей, завхоза, 15 сестер милосердия, 10 санитаров и 23 служителей. Благодаря энергии и хлопотам главного врача лазарет имел подсобные службы – столярную, слесарную и плотничью мастерские, склад медикаментов.

Обязанности главного врача исполнял врач Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, статский советник, доктор медицины Николай Дмитриевич Королев. Под его руководством работали сестры милосердия Ялтинской общины, в том числе: вице-председатель общины, сестра милосердия Красного Креста, дочь действительного статского советника Мария Сергеевна Лапа-Данилевская (она заведовала бельевой лазарета); Екатерина Ивановна Завьялова, Марина Сигизмундовна Загурская, Анна Алексеевна Дырдова, Елена Кирилловна Кириллова, Варвара Николаевна Константинова, Александра Ивановна Петровская, Александра Рудольфовна Рудольфова, Александра Никитична Сияницкая, Екатерина Емильевна Тарасенко, Екатерина Петровна Федорова, Елизавета Ефремовна Слонова, Дарья Николаевна Плотникова, Вера Николаевна Иридина, Марья Ивановна Бирнбаум.

Среди перечисленных сестер милосердия были представительницы разных социальных слоев населения, от крестьянок до дворянок; всех их объединяло одно стремление – быть нужными и полезными. Сестры милосердия – утешительницы раненых воинов – появились впервые в России в 1854 году во время Крымской войны. Их пример побудил создание общин во многих губерниях России; только в одной Москве действовали шесть таких организаций. Общины сестер милосердия были своеобразными женскими монастырями в миру где не требовалось пострига в инокини, но жизнь и труд подчинялись уставу, во многом подобном монастырскому. Общины объединяли женщин всех сословий, званий и возрастов с единым духовным намерением бескорыстного служения страждущим. При аттестации сестры давали обет безупречного поведения, аскетического образа жизни и отречения от мирских соблазнов во имя страждущих.

Во время Русско-японской войны около 3000 женщин (сестер милосердия и врачей) оказывали медицинскую помощь раненым и больным воинам. Во многих публикациях того

времени корреспонденты-мужчины с большой теплотой отзывались об их самоотверженной работе в прифронтовых и тыловых госпиталях.

«Казалось бы, им ли, изнеженным, с детства окруженным комфортом и роскошью, без усталости возиться с больными и ранеными, исполняя подчас самую грязную работу. Они обмывали, обчищали больных, не имеющих сил даже повернуться, а не только что подняться с койки. Они сами стирали грязное белье своими нежными, выхоленными руками... эти девушки вернули к жизни тысячи раненных, вернули сыновей матерям, женам мужей, отцов детям. Не одна заскорузлая мужская рука перекрестилась за них – милосердных сестер...» (газета «Дневник войны» № 77 от 4 ноября 1904 года).

Графиня Шувалова и старший врач её лазарета доктор Королёв в с. Раздольном. 1904 г.

Сестры милосердия лазарета графини Е.В. Шуваловой в Раздольном не только выхаживали раненых воинов, но и старались доставлять им радость в праздничные дни, как это было на Рождество Христово в декабре 1904 года. Об этом событии подробную информацию дала газета «Дальний Восток» 4 января 1905 года:

«Елка для раненых, больных нижних чинов в лазарете графини Е.В. Шуваловой в селе Раздольном 26–27 декабря 1904 г.

На второй и третий день Рождества Христова в лазарете графини Елизаветы Владимировны Шуваловой была устроена для раненых и больных воинов елка, доставившая этим взрослым детям и вместе с тем чудо-богатырям такое громадное удовольствие, какое заставило забыть их и муки страданий и тягость перенесенных трудов и испытать вместе с тем нежную ласку, выразившуюся в бесконечном внимании, как со стороны души этого симпатичного учреждения графини Елизаветы Владимировны, так и со стороны всего чудного служебного персонала.

Подготовительные работы к елке за несколько дней до праздника велись отчасти самими больными при участии и руководстве сестер милосердия, как всегда горячо и сердечно взявшихся за это дело, чтобы доставить этим героям, оторванным от родины и боевых товарищей, какие-нибудь развлечения...

Когда елка была зажжена и собрались тесной семьей веселиться все лица служебного персонала во главе с графиней Елизаветой Владимировной, хор солдатиков любителей исполнил довольно хорошо народный гимн, а после нечто вроде кантаты в честь самой графини.

После кантаты хор спел еще несколько народных песен, чередуясь с граммофоном, который до бесконечности веселил этих симпатичных простых слушателей...

Появившаяся гармоника дала новый толчок веселью и под задорные звуки камаринского имеющие здоровые ноги начали выделывать коленца...

Часов с 8 вечера началась раздача подарков, состоящих из кисетов для табака, в котором были положены для каждого кружка для чая, ложка, трубка, табак, чай и прочие мелкие предметы солдатского обихода... Каждый получил тарелку со сладостями и лакомствами».

Лазарет Е.В. Шуваловой работал в Раздольном до 14 марта 1905 года, затем он был перебазирован во Владивосток, где действовал около полугода до прекращения активных военных действий. Несмотря на окончание этой войны, благотворительно-милосердная деятельность женщин продолжалась – она была направлена на оказание помощи бывшим военнопленным, возвращающимся из Японии в Россию. С 22 сентября 1905 года во Владивостоке начал действовать «Комитет по оказанию помощи военным, возвращающимся на Родину». Комитет состоял из трех отделений: военнотранспортного, военно-морского и городского. Главной целью Комитета был сбор пожертвований деньгами и вещами, необходимыми для снаряжения и путевого довольствия бывших военнопленных. В состав городского Комитета входила графиня Е.В. Шувалова. Комитет, успешно выполняя свои благородные задачи, действовал в крае до середины 1906 года.

Одним из видов благотворительной деятельности были попечительские советы при учебных заведениях, которые помогали учащимся из малообеспеченных семей, а также попечительства при церковных приходах. Главной задачей их был сбор средств на строительство церквей, церковно-приходских школ, устройство и содержание библиотек при школах. Подобное учреждение действовало в Раздольном при Казанской церкви.

Первый храм в Раздольном был заложен в 1886 году, освящен 18 июля 1887 года епископом Гурием. Строительство церкви обошлось сельскому обществу в 3000 рублей. О судьбе первого раздольнинского храма сообщалось в публикации «Владивостокских епархиальных ведомостей» в 1908 году: «Вскоре под фундаментом был обнаружен родник, бежавший с северо-восточной (алтарной) стены к юго-западной, и в 1890 г. пришлось храм переносить на новое место. В 1893 г. под престол был подведен каменный фундамент, так что храм вновь был освящен – епископом Макарием... В настоящее время в с. Раздольном около 100 дворов, а в приходе Раздольнинском, кроме того, еще несколько деревень и поселков. Храм слишком мал и невместителен, да и слишком уж убог, даже по внешнему виду; поэтому явилась нужда в постройке храма более просторного и более богослепного».

Сооружение нового храма осуществилось во многом благодаря Приходскому Попечительству, которое было основано в Раздольном 26 ноября 1904 года при местной церкви. На приходском собрании было решено наименовать созданное Попечительство Иннокентьевским, в честь Святого Иннокентия Иркутского, день памяти которого приходится на 26 ноября. О деятельности Попечительства через год после его основания сообщал в 1905 году священник о. С. Данилов: «Ныне Приходское попечительство 26 ноября праздновало годовщину своего открытия. Главная цель Попечительства – изыскания средств для постройки нового каменного храма в селе Раздольном. За истекший год собрано добровольных пожертвований 556 руб. 70 коп., причем не от всех еще получены сборные листы.

Члены Попечительства надеются, что и последующие годы дадут не меньше сборов, если только не больше. Раздольнинское общество приговором от 22-го сего ноября постановило дать в 1906 году на постройку храма 3000 руб. и в последующие годы давать приблизительно столько же. Выборные собрания 26-го ноября и от других селений решили тоже на первых же сельских сходах установить известный сбор на этот предмет. Ввиду такого сочувствия от всех, на собрании предрешено с 1906 года начать заготавливать материал для нового каменного храма, приблизительная стоимость которого будет 30000 рублей».

Закладку нового храма совершил 27 июля 1908 года Высокопреосвященнейший Владыка Евсевий, приезд которого в Раздольное стал большим и торжественным событием для

села. Как отмечали газеты, «раздольнинцы встречали и провожали Архипастыря очень торжественно и радушно. Многие дома и церковная ограда были украшены флагами». Заложенный храм было решено построить деревянным, но значительно просторнее существующего. Кроме нового храма. Попечительство озаботилось построить новое кирпичное здание церковно-приходской школы. Все намеченное было выполнено.

Из двух зданий, построенных в Раздольном стараниями Приходского Попечительства, в современном поселке сохранилось только одно. Это бывшее здание церковно-приходской школы (его современный адрес: улица Лазо, № 140).